

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

ТОМ СОРОК ПЯТЫЙ
2023

Дорогие наши читатели! «Исторический вестник»
продолжает свою работу. Мы благодарны вам
за неослабевающий интерес к нашему журналу,
надеемся и впредь радовать вас новыми
открытиями и уникальными публикациями.

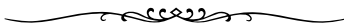
Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ISSN 2306-4978

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

ТОМ СОРОК ПЯТЫЙ

Под общей редакцией А.А. Горского

МОСКВА, 2023

Компьютерный набор редакции.
Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 14.09.2023 г. Формат 84×108 1/16.
Усл.-печ. л. 17. Заказ № 16451.

Адрес редакции: 119071, Москва, Ленинский просп., 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 3 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2023

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут
не совпадать с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ООО «Сам Полиграфист», издательство «Onebook.ru».
Адрес: 129090, Москва, Волгоградский просп., д. 42, корп. 5.
E-mail: info@onebook.ru. Сайт: www.onebook.ru

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков
главный редактор, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий
зам. главного редактора, художественный редактор
- К.А. Давыденко
технический редактор
- Т. Лефко
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская
ученый секретарь
- Т.И. Маляренко
корректор

Редакционный совет

- М.В. Баранов
кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»
- С.П. Брюн
научный сотрудник Музеев Московского Кремля
- Р.Г. Гагкуев
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- В.З. Голдман
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Университета Карнеги-Меллона

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor
- Kseniya A. Davydenko
Technical Editor
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary
- Tatyana I. Malyarenko
Proofreader

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov
Ph.D. in Philosophy, President of ANO «Runivers»
- Sergei P. Brun
Research fellow at the Moscow Kremlin Museums
- Ruslan G. Gagkuev
D. Sc. (History), Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department

А.А. Горский

доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института российской истории РАН

С.В. Девятов

доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Д.Р. Жантиев

кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

С.М. Исхаков

доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

Г. Кантор

доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж

С.А. Кириллина

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Т.Ю. Кобищанов

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

И.В. Курюкин

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ

Г.Н. Ланской

доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ

Anton A. Gorskiy

D. Sc. (History), Professor, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

Sergey V. Deviatov

D. Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty

Dmitriy R. Zhantiev

Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Salavat M. Iskhakov

D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History

Georgy Kantor

D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford

Svetlana A. Kirillina

D. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

Taras Y. Kobishchanov

Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Igor V. Kurukin

D. Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department

Grigoriy N. Lanskoj

D.Sc.(History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities

- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- К.А. Панченко**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова
- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, академик РАН
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»
- А.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Я.М. Хамаен-Анттила**
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет
- В.В. Хутарев-Гарнишевский**
кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры

-
- Gail D. Lenhoff**
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey**
Ph.D. in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez**
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Stepan V. Orlov**
Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty
- Daniel Panateri**
D. Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Constantin A. Panchenko**
D.Sc. (History), Professor of the Institute of Asian and African Studies of the Moscow State University (Department of the Middle Eastern History)
- Efim I. Pivovar**
Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, D. Sc. (History), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Academician of Russian Academy of Sciences
- Alexey E. Titkov**
Ph.D. in History, Editor-in-Chief of the Historical Reporter
- Arutyun A. Ulunyan**
D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Jaakko Markus Hämeen-Anttila**
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies
- Vladimir Hutarev-Garnishevsky**
Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture

ОТ РЕДАКЦИИ

Центральная тема номера — отображение исторических событий в памятниках русской средневековой литературы.

Статьи Е.Л. Конявской и А.В. Духаниной посвящены Житиям русских святых. Е.Л. Конявская рассматривает изображение исторических реалий в памятниках ранней агиографии — Житии Феодосия Печерского (XI в.) и Житии Авраамия Смоленского (XIII в.). В работе А.В. Духаниной изучена историческая составляющая в кратких редакциях Жития Стефана Пермского (XV в.).

Две статьи связаны с темой монгольского нашествия на Русь в XIII в. А.А. Астайкин подробно рассматривает летописные Повести о битве на Калке (этому событию в нынешнем 2023 г. исполняется 800 лет). В статье показана эволюция Повестей от ранних летописей (Новгородской первой, Лаврентьевской и Ипатьевской) к поздним, вплоть до конца XVII столетия. В.Н. Рудаков обратился к рассказам о нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь 1237–1238 гг. Автор сосредоточился на повествовании о двух полевых сражениях — под Коломной и на р. Сить и проследил, как изменялись восприятие и трактовка этих событий в литературе на протяжении XIII–XVII столетий.

Работа Ю.В. Селезнева рассматривает свидетельства одной из ранних русских летописей — Лаврентьевской

(доведена до 1304 г.) — об истории русско-ордынских отношений и Джучиевом Улусе (Золотой Орде). Их комплексный анализ позволил выявить особенности внутривосточного развития в Орде во второй половине XIII столетия.

В статье А.А. Горского ставится вопрос о времени появления прямого художественного вымысла в древнерусских произведениях на историческую тему. Рассмотрев три памятника, созданные в один исторический период, в начале XVI в. — «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о разорении Рязани Батыем» и Никоновскую летопись — автор делает вывод, что все они содержат полностью вымышленные эпизоды и сюжеты, из чего следует, что художественный вымысел в историческом повествовании распространяется именно в XVI столетии.

Рубрика «Источники», в соответствии с редакционными правилами, может быть не связана с содержанием тематического номера. Материал, подготовленный А.В. Ганиным, является первой публикацией документов следственного дела видного участника Белого движения полковника А.В. Костанди.

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

EDITORIAL

The central theme of this issue of the *Historical Reporter* is the portrayal of historical events in Medieval Russian literature.

The studies by Elena L. Konyavskaya and Alexandra V. Dukhanina are dedicated to the Lives of Russian Saints. Elena L. Konyavskaya explores the depiction of historical reality in early hagiographic works: the Life of Theodosius of the Caves (11th century) and the Life of Abraham of Smolensk (13th century). Alexandra V. Dukhanina's work, in turn, investigates the historical elements in the abridged editions of the Life of Stephan of Perm (15th century).

Another two papers delve into the Mongol invasion of Russia in the 13th century. Andrey A. Astaykin provides a detailed analysis of the chronicle known as the Tales of the Battle of Kalka (that battle marks its 800th anniversary in 2023). His article traces the evolution of the Tales from early accounts (the First Novgorod Chronicle, the Laurentian Codex, and the Hypatian Codex) to later records, up to the end of the 17th century. Vladimir N. Rudakov discusses the accounts of Batu Khan's invasion of North-Eastern Russia in 1237–1238. He focuses his attention on two large-scale battles, near Kolomna and on the River Sit', tracking how the perception and literary interpretation of these events evolved from the 13th to the 17th century.

Yury V. Seleznev's work looks at one of the earliest Russian chronicles, the Laurentian Codex, which ends on the year 1304 – specifically at how it documents the relationship between Rus' and the Ulus of Jochi (The Golden Horde). A comprehensive analysis reveals unique aspects of internal political development within the Horde during the latter half of the 13th century.

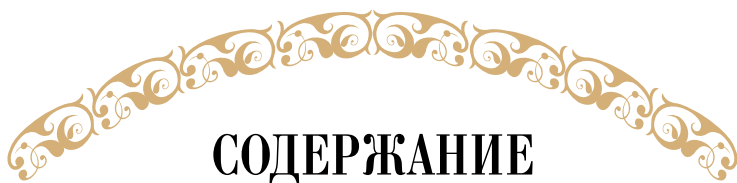
Anton A. Gorsky's article questions when the historical treatises of Ancient Rus' first started featuring elements of clear literary fiction. After examining three works from the same historical period, the early 16th century – The Tale of Mamai's Battle, The Tale of the Destruction of Ryazan by Batu Khan, and the Nikon Chronicle – the author concludes that they all contain entirely fictional episodes and plotlines, suggesting that artistic embellishments became prevalent in historical narratives specifically in the 16th century.

The Sources section, as per editorial guidelines, may not necessarily align with the theme of the issue. It will feature a contribution by Andrey V. Ganin, with the very first look at the investigation case files on a notable figure of the White Movement, Colonel Leonid V. Kostandi.

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief of the Historical Reporter

СОДЕРЖАНИЕ

- Е.Л. Конявская.** Исторические реалии
в ранней русской агиографии. 12
- А.А. Астайкин.** Повесть о битве на Калке
в русских летописных источниках 28
- В.Н. Рудаков.** Память о двух битвах эпохи Батыева нашествия . . . 66
- Ю.В. Селезнев.** Лаврентьевская летопись как источник
по истории Джучиева Улуса (Орды) 88
- А.В. Духанина.** Эволюция представлений об исторической
составляющей в кратких редакциях Жития Стефана Пермского. . 114
- А.А. Горский.** Сказание о Мамаевом побоище»,
«Повесть о разорении Рязани Батыем», Никоновская летопись:
о начале русской исторической беллетристики 156

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

- М.Ю. Андрейчева.** «В сени смертной...» Рецензия на коллективную
монографию В.А. Воропаева, И.В. Дергачевой, Е.А. Конявской,
В.В. Милькова «Танатологическая тема в русской словесности
XI–XXI вв.» 178

ИСТОЧНИКИ

- А.В. Ганин.** «Мне за границей не место...»
Следственное дело полковника Л.В. Костанди 1920–1921 гг. 188

CONTENTS

HISTORY DEPICTED IN MEDIEVAL SOURCES

Editor: Anton A& Gorsky

- Elena L. Konyavskaya.** Historical Reality Depicted
in Early Russian Hagiography 12
- Andrey A. Astaykin.** The Tale of the Battle of Kalka
in Russian Chronicles of the 13th–18th Centuries 28
- Vladimir N. Rudakov.** The Memory of the Two Battles of the Batu’s
Invasion Epoch 66
- Yury V. Seleznev.** Laurentian Codex as the Source About the Ulus
of Jochi (The Golden Horde) 88
- Alexandra V. Dukhanina.** The Notion of History: Evolution
of Historical Components within Short Editions of the Life
of Stephan of Perm 114
- Anton A. Gorsky.** The Tale of Mamai’s Battle, The Tale of the
Destruction of Ryazan by Batu Khan, and the Nikon Chronicle:
the Beginning of the Russian Historical Fiction 156

HISTORICAL THOUGHT

- Marianna Yu. Andreycheva.** «The shelter of death...» Review of a Joint
Monograph by V.A. Voropaev, I.V. Dergacheva, E.L. Konyavskaya,
V.V. Mil’kov «Thanatological Theme in Russian Literature of the
11th–21st centuries» 178

SOURCES

- Andrey V. Ganin.** «I don’t fit abroad...» Investigatory Records
on Colonel L.V. Kostandi (1920–1921) 188

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.45.001

Е.А. Конявская

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В РАННЕЙ РУССКОЙ АГИОГРАФИИ

авершив труд о древнерусских северо-восточных житиях, В.О. Ключевский сделал шокировавший научную общественность вывод о том, что источниковедческая ценность текстов житий не соответствует ожиданиям историков, предвкушающих получить богатый материал из «самого обильного и свежего источника». Такие ожидания были и у самого автора знаменитого труда «Древнерусские жития святых как исторический источник», рассчитывавшего использовать агиографические памятники для изучения «участия монастырей в колонизации северо-восточной Руси»¹. И тем не менее диссертация, ставшая книгой, показала, как важны эти источники для изучения нашего прошлого, дав при этом в руки последующих поколений историков и источниковедов методику исследования памятников агиографии. Рассматривая исторические данные житий, исследователь, как писал В.О. Ключевский, должен понимать, что «читающая среда», для которой предназначалось произведение, «искала в житии не знакомства с событиями прошедшего, не исторические знания, а назидательных примеров для практической жизни»².

¹ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1988. С. 1.

² Там же. С. 409.

Книга В.О. Ключевского указала основные принципы изучения русской агиографии, и наука в этом изучении значительно преуспела за прошедшие полтора столетия. Сегодня понятно, что сколь бы ни было значимым для агиографа приблизить образ героя к известным образцам святости, он имел и другую важную цель: донести до современников и сохранить для потомков значимые события и поступки подвижника. При этом в высказываниях авторов житий обнаруживается осознанное и декларируемое ими стремление следовать фактам, писать *истину*³. Об этом принципе авторы заявляют и в прямых высказываниях, и опосредованно. Так, акцент на истинности описываемого ставится посредством скрупулезного (а не формально-обобщенного) перечисления источников сведений или личного свидетельствования автора как «самовидца», что так важно для причисления подвижника к лику святых.

Необычайным богатством исторических сведений отличается одно из первых русских оригинальных житий — «Житие Феодосия Печерского» Нестора, древнейший список которого читается в «Успенском сборнике» конца XII — начала XIII в. Впоследствии оно было включено в Киево-Печерский патерик. Датировка Жития является предметом длительной научной дискуссии: она колеблется от конца 70-х гг. XI в. до начала XII столетия. Последние исследования подтверждают правильность более поздней датировки — начало XII в.⁴ Так или иначе автор произведения был младшим современником Феодосия и имел возможность получить немало данных о жизни Феодосия от людей, непосредственно знавших преподобного. Свидетельство этому Нестор облекает в традиционно-каноническую фразу о старцах, знавших Феодосия, в послесловии, сохранившемся в редакции Успенского сборника: «Се бо елико же выше о блаженѣмь и велицѣмь о(т)ци нашемъ Феодосии, оспытывая, слышахъ *от* дрѣвннихъ мене о(тѣ)цѣ бывъшихъ въ то врѣмя»⁵.

Подводя итог первому юношескому этапу жизни святого, автор говорит, что сведения получил от келаря: «Се же житие блаженааго отъца нашего Феодосия отъ уны вѣрсты до сде, дондеже прииде в пещеру, мати же его съповеда единому от братия, именъмъ Феодору, иже бѣ келарь при отъци нашемъ Феодосии. Азь же от него вся си слышавъ, оному съповѣдающе

³ Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 136.

⁴ См.: Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 год: Проблемы источниковедения. М.: Восточная литература, 2003. С. 253–262.

⁵ Успенский сборник XII–XIII вв. М.: Наука, 1971. С. 134.

ми, и въписахъ на память всѣмъ почитающимъ я»⁶. Трижды он ссылается на черноризца Илариона. Иногда же источник упоминается, но не называется: «Сице же паки по вся нощи съповѣдахути и творяще» или: «мнози съвѣдѣтельствуютъ»⁷.

Житие Феодосия как никакое другое богато фактическими деталями и поэтому привлекало пристальное внимание историков. Из новейших работ важно указать объемную статью Ю.А. Артамонова, рассмотревшего большой комплекс проблем, связанных с памятником⁸. Выявлению «мирских реалий» в Житии было посвящено исследование М.Б. Свердлова⁹. Не повторяя анализа и выводов ученых, представляется возможным сделать несколько частных добавлений.

Так, М.Б. Свердлов выдвинул предположение, что отец Феодосия, должно быть, исполнял некие военные обязанности, коль скоро город Васильев на реке Стугне упоминается под 996 г. как место битвы с печенегам. Под тем же 996 г. рассказывается, что на месте победы Владимир Святославич ставит церковь Спаса Преображения и устраивает грандиозный пир. Можно отметить, что в Житии Феодосия упоминание Васильева важно тем, что следующее упоминание этого города фиксируется лишь под 1164/1165 г. Житие, таким образом, дает понять, что город в начале 30-х гг. XI в. имел некую систему управления, подчиняющуюся князю, ибо именно князь (очевидно, Ярослав Мудрый) отдает приказание о переезде своего служащего на новое место — в Курск.

Неоднократно рассматривались сюжеты о взаимоотношениях Феодосия с князьями (Изяславом и Святославом Ярославичами). Интересно при этом отметить, что образы князей оказываются отнюдь не абсолютными злодеями, или воплощением исключительных добродетелей, как это свойственно византийским житиям. В Житии Феодосий долгое время обличает Святослава за изгнание Изяслава и захват киевского стола, не признает его княжение законным, однако сам князь изображается Нестором искренне почитающим и любящим преподобного. Нестор, подробно описывая попытки Феодосия добиться от Святослава, чтобы тот возвратил Изяславу стол, называет Изяслава «христолюбцем», а Святослава не менее

⁶ БЛДР. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 368.

⁷ Там же. С. 396.

⁸ Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского: Проблемы источниковедения. С. 173–277.

⁹ Свердлов М.Б. Мирские реалии в Житии Феодосия Печерского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1 С. 7–14.

Фрагмент с ликом Феодосия иконы Божией Матери Свенской Печерской с предстоящими Феодосием и Антонием Печерскими

комплиментарно «благым»¹⁰. Именно Святославу дано знамение — огненный столп — когда умирает Феодосий: «до небесе сушь надъ манастырѣмь тѣмь. Сего же инъ никътоже видѣ, нъ тѣкъмо князь единъ, и якоже от того разумѣти прѣставление блаженаго, и глагола сущимъ съ нимъ: “Се, якоже мню, дньсь блаженъи Феодосии умбре”»¹¹.

С другой стороны, образ Изяслава не рисуется исключительно в положительном свете: он гневается на Никона за пострижение сына «первого у князя в боярах» Иоанна, а также скопца, занимавшего административно-хозяйственный пост в княжеском доме, грозитя Никона и «сущих с ним» заточить, а пещеру монашескую «раскопать». Лишь по мудрому совету жены (Гертруды) он отказывается от своих угроз. Упоминания жены Изяслава в Житии, проблема основания и местоположения женского монастыря Св. Николая, где постриглась мать Феодосия, еще остаются перспективой изучения и прояснения.

Перспективу для дальнейшего рассмотрения представляет и вопрос о судьбе наследства отца Феодосия в условиях его отказа продолжать княжескую службу, которую исполнял раньше умерший глава семьи. Было ли яростное противодействие матери устремлениям старшего сына продиктовано лишь любовью к нему и нежеланием отпускать из дома, или семья с оставлением им службы теряла (возможно, частично) свои владения, права и привилегии?

¹⁰ БДР. Т. 1. С. 424.

¹¹ Там же. С. 432.

В.О. Ключевский, анализируя жития Северо-Восточной Руси, тем не менее, обратился и к памятнику смоленской агиографии, рассмотрев многие аспекты «Жития Авраамия Смоленского».

Еще до работы В.О. Ключевского об этом памятнике говорилось в работах общего характера — «Истории русской церкви» митрополита Макария¹², «Источниках русской агиографии» Н.П. Барсукова¹³. Позже появились специальные работы: Н. Редкова¹⁴, С.П. Розанова — с текстологией и изданием различных редакций текстов¹⁵. Существенный вклад в изучение Жития внесли разыскания М.В. Печникова¹⁶, П.И. Гайденко, В.Г. Филиппова¹⁷ и др.

Традиционно создание Жития, написанного его учеником Ефремом, датируется — «после 1237 г.», поскольку есть упоминание об «измаилтеских языках», которых автор молит Бога «рассыпать» и «расточить». Однако, как отмечал В.О. Ключевский, это не означает, что речь идет обязательно о монгольском нашествии¹⁸. Известно, что подобным образом называли русские летописи различные степные народы нехристианской веры¹⁹. Смоленск не подвергался разгрому со стороны монголов, хотя на территорию княжества они вторгались (это касалось восточных территорий княжества позже — после 1238 г.). Угроза агрессии, знание о том, какие беды постигли другие Русские земли, весьма вероятно могли вызвать такое восклицание. Датирующим же моментом такие выражения могут быть, скорее, не по отношению к нижней границе времени написания Жития, а напротив, — указывать на верхнюю границу возникновения памятника. В середине XIII в., а этим временем часто датируют Житие, для смольнян гораздо более серьезной была угроза со стороны литовцев. При этом из многих высказываний Ефрема ясно, что Житие написано вскоре после преставления святого.

¹² Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. 2. С. 381–383.

¹³ Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 8–10.

¹⁴ Редков Н. Преп. Авраамий Смоленский и его Житие, составленное учеником его Ефремом. Смоленск, 1909.

¹⁵ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912.

¹⁶ Печников М.В. Дело Авраамия Смоленского: за что был гоним праведник? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М.: Восточная литература, 2003. С. 346–359.

¹⁷ Гайденко П.И., Филиппов В.Г. Церковные суды в Древней Руси (XI — середины XIII века): несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета: История. Вып. 45. 2011. 12 (227). С. 106–116.

¹⁸ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 57.

¹⁹ Чекин А.С. Безбожные сыны Измаиловы. Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1. С. 691–716.

В частности, говоря о пострижении Авраамия, автор Жития подчеркивает, что место пострижения его известно многим (живущим на тот момент): «И оутаився всѣхъ, Богу наставляющу, отшедь отъ града дале 5 поприщъ, острижеса, якоже мнози вѣдятъ святыя Богородици монастырь, къ вѣстоку, Селища нарицають»²⁰. Примерно в тех же выражениях, апеллируя к непосредственным современникам Авраамия, он говорит о тщании, с которым относился преподобный к святой литургии: «божественую же литургию съ всяцѣмъ тщаніемъ, иже за всего мира Христось повелѣ приносити, не единого же дне не остави, якоже и мнози вѣдятъ его бывша и до самое смерти, и не оставившаго церковная правила и божественая литургіа, и своего подвига»²¹. Очевидно, что для уточнения времени возникновения памятника необходимо определить время преставления Авраамия.

В.О. Ключевский приходил к выводу, что «одинаково вероятно предположить смерть Авраамия гораздо раньше и гораздо позже 1220 г.»²². Н. Редков полагал, что Авраамий родился после 1146 г., а умер не позже 1219 г., не давая, правда, развернутого обоснования²³.

В Житии преподобного говорится, что он подвизался в иночестве 50 лет, но, как показано Г.П. Федотовым, эта деталь могла войти в Житие по образцу Жития Ефрема Сирина²⁴. Впрочем, это цифра могла быть примерно округленной в обоих житиях. Рукоположен в священники Авраамий был при смоленском князе Мстиславе Романовиче (между 1197 и 1212 гг.). Этот промежуток времени можно еще более ограничить, поскольку сам преподобный в Житии говорит о 5 годах своих страданий от поношения. Ефрем свидетельствует, что сам преподобный говорил: «Быхъ 5 лѣтъ искушенія терпя, поносимъ, бесчестуемъ, яко злодѣи»²⁵. Представляется возможным сделать попытку датировать эти события. Известно, что гонения на Авраамия закончились после избавления города от засухи. В это время еще был жив епископ Игнатий, стало быть, время засухи нужно искать до 1219 г. Согласно дендрохронологическим данным, такими годами для Смоленска были 1210–1212 гг.²⁶ Именно к этим датам засухи склонялся М.В. Печни-

²⁰ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 4.

²¹ Там же. С. 6.

²² Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 56–57.

²³ Редков Н. Преп. Авраамий Смоленский и его Житие, составленное учеником его Ефремом. С. 66.

²⁴ Федотов Г.П. Житие и терпение св. Авраамия Смоленского // Россия, Европа и мы. Сборник статей. Paris: YMCA-Press, 1988. С. 33–58.

²⁵ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 6.

²⁶ Кошкин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы. М.: Наука, 1977. С. 84.

ков, не согласившись на даты 1217–1222 гг., которые прозвучали в работе Б.А. Рыбакова²⁷. Однако далее М.В. Печников сделал вывод, что гонения и суды проходили именно в эти годы и участником суда со стороны светских властей был Мстислав Романович, который, как пишет исследователь, занял в 1214 г. киевский стол²⁸. Тем не менее на киевский стол этот князь сел раньше, скорее всего в том же 1212 г., а датировать начало гонений нужно, соответственно его собственным словам, более ранним временем — на 5 лет раньше конца засухи — т. е. примерно 1206–1208 гг. Стало быть, время принятия сана ограничивается от 1197 — до 1205–1207 гг. (понятно, что гонения начались не сразу после принятия сана). Видимо, в монастырь Авраамий пришел не ребенком, не отроком, а юношей, поскольку в Житии рассказывается, как он, еще не покинув семью, учился, а затем родители склоняли его к браку. Норма по возрасту, в котором возможно принятие священства, устанавливалась на Соборе 1273 г. — 30 лет. Возможно, данное установление потребовалось по причине того, что ранее такое правило не строго соблюдалось, хотя не могло быть не известно на Руси. Но Ефрем дает портрет Авраамия именно этого времени — когда он стал иеромонахом, и оказывается, что преподобный был в это время человеком средних лет, в бороде нет седины, а голова «плешива».

При этом датировать его преставление нужно временем до начала 30-х гг. XIII в., так как в Житии не говорится о бедствиях, которые постигли Смоленск в эти годы: как известно из летописей, в городе случился страшный мор (хотя не совсем ясно — по причине голода из-за неурожая или эпидемии). За два года умерло около 32 тыс. человек²⁹.

Учитывая все эти данные и выкладки (возможное время рукоположения, общее число лет в иночестве, кончина до начала 30-х гг. XIII в.), преставление Авраамия целесообразно отнести к 20-м гг. XIII в. Соответственно, в скором времени после этого было составлено Житие.

Наибольший интерес в сюжетной канве Жития представляет рассказ о конфликте в смоленской епархии и последующих гонениях, которым подвергся преподобный. И главную загадку для нас представляет сама суть обвинений, выдвинутых против него.

Ефрем говорит о ревности духовенства к его популярности у паствы. Подчеркивая этот аспект, П.И. Гайденко и В.Г. Филиппов считают, что главная

²⁷ Рыбаков Б.А. Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах» // Советская археология. 1964. № 2. С. 179–187.

²⁸ Печников М.В. Дело Авраамия Смоленского: за что был гоним праведник? С. 353.

²⁹ ПСРА. М.; Л.: Наука, 1949. Т. 25. С. 125; ПСРА. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 212.

Преставление преподобного Феодосия. Миниатюра, Радзивилловская летопись

причина распри лежала в материальной сфере³⁰. Богатство монастырей могло, конечно, раздражать белое духовенство. Об обильных дарах в монастырь, где подвизался Авраамий, говорится в Житии: «подавааху емоу на потребу и лише потребы»³¹. Характерно, что в некрологах всех сыновей Ростислава Мстиславича Смоленского — Ростиславичей есть слова о том, что князья монастыри «набдя и черныѣ оутѣшевая, и мирьския ц(е)ркви набдя и попы, и весь с(вя)т(е)льскіи чинь достоиную ч(е)стью чтяше»³². Такое явное разделение черного и белого духовенства встречается в некрологах нечасто. Но делать далеко идущие выводы, значимые для рассматриваемой коллизии, едва ли целесообразно. В повествовании Ефрема налицо всеобщая враждебность и желание расправы над святым, в том числе и со стороны людей мирских, которых подобного рода амбиции, ревность, зависть не должны были касаться. Первый рассказ о вражде и хулении на Авраамия называет в качестве его недоброжелателей священников и черноризцев, но далее говорится о каких-то людях, приходящих «отъ града», которые стремились «потязати и укорити» игумена. При этом вслед за ними называются некие «друзии», которые уже явно мирянами не были, ибо претендовали устраивать с ним «спиру», пытаясь доказать, что Авраамий «ничто же свѣдуща противу» них, и прибавляет Ефрем: «и тако посрамлени съ студомь отхожааху»³³.

Похожая картина наблюдается и во второй кампании против Авраамия, хотя здесь среди врагов преподобного называются отдельно лишь попы:

³⁰ Гайденко П.И., Филитов В.Г. Церковные суды в Древней Руси (XI — середины XIII века): несколько наблюдений. С. 110–111.

³¹ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 7.

³² ПСРА. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 550–551.

³³ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 7.

«И начаша овии клеветати епископу, инии же хулити и досажати, ови еретика нарицати, а инии глаголаху на нь — глубинныя книги почитаеть, инии же къ женамъ прикладающе, попове же зиающе и глаголюще: “Уже наши дѣти вся обратилъ есть”; друзии же пророкомъ нарицающе и ина же многа на нь вѣщания глаголюще, их же блаженни чюжь»³⁴. Такой набор и странная последовательность обвинений создают впечатление серьезно организованной кампании, когда одни называют его еретиком, другие винят в опасном мудрствовании, третьи обличают как лжепророка, а четвертые простодушно возмущаются, что к нему ушли их духовные чада. Обвинения в блуде, рассчитанные на простой народ, заставляют вспомнить историю Ильи-Иоанна Новгородского. И как бы ни велика была роль духовенства в гонениях на Авраамия, нельзя закрывать глаза на то, что на него ополчился весь город: «сѣбраша же ся отъ мала и велика весь градъ на нь, инии глаголють заточити, а инии къ стѣнѣ тоу пригвоздити и зажещи, а друзии потопити и, проведше въсквозе градъ»³⁵. Понятно, что недоброжелателям удалось настроить против преподобного жителей Смоленска. Намерения, как можно видеть, были весьма решительные, заточение среди них было самым гуманным требованием.

Среди собравшихся на епископском дворе названы духовные лица, из мирских же лишь князя и бояре. Именно они будут судить Авраамия, но «весь град», когда преподобного влечат на суд, проявляет себя по-прежнему крайне агрессивно: «овии роугахоуся ему, инии же насмихаахоуся емоу и бесчинная словеса кыдающе»³⁶.

О присущей жителям Смоленска активности говорят многие летописные свидетельства второй половины XII в. Выражение «все смольняне» для демонстрации единого положительного отношения к князю используется в статье 1180 г. Ипатьевской летописи. Так встречают въезжающего в город Давыда — процессия, которую возглавляет епископ Константин; а затем во время похорон Романа по нему плачут «вси Смольнянѣ поминающе добросердье его до себе»³⁷. К этой же группе упоминаний можно отнести и выражение «малѣ не весь градъ»³⁸ — о встрече в Смоленске Ростислава Мстиславича в 1167 г. Есть известия, в которых речь идет и о действиях смольнян, где они проявляют самостоятельный выбор и волю. В Ипатьевской летописи говорится, что в начале 1175 г. «Смольнянѣ выгнаша от себе Романо-

³⁴ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 10.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 616.

³⁸ Там же. Стб. 528.

Преподобные Авраамий Смоленский и Ефрем Смоленский.
 Миниатюра из рукописи XVII в.

вича Ярополка, а Ростиславича Мстислава введоша Смоленську княжить». Возможно, сын Романа Ростиславича был слишком молод, авторитет же его брата Мстислава, напротив, был весьма высок, так или иначе смольняне имеют по этому поводу свои представления, которые отстаивают. В некрологическом же рассказе о кончине Романа плач его вдовы содержит слова: «многия досады прия от Смольнянь, и не видѣ тя, г(о)с(поди)не, николи же противоу ихъ злоу никотораго зла въздающа»³⁹. Правда, никаких прямых указаний на конфликты между Романом и смольнянами летописи не обнаруживают (за исключением изгнания сына). О волнениях в княжение Давыда Ростиславича, во время которого прошли юность и молодые годы Авраамия, такой факт отмечен — в Новгородской первой летописи под 1186 г. сообщается: «Встань бысть Смоленське промежи княземъ Давыдомъ и смольняны, и много головъ паде луцьшихъ мужъ»⁴⁰. Некий подобный намек читается и в некрологе Давыду: князь «злыя кажня яко же подобаетъ ц(е)с(а)рмь творити»⁴¹.

Далее в Житии Ефрем говорит, что мирским участникам снema («князю бо и властелемъ») по молитве Авраамия «оумягъчи Богъ сердце». Очевидно, что серьезное влияние на позицию князя и бояр оказали слова Луки

³⁹ Там же. Стб. 617.

⁴⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Наука, 1950. С. 38.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 703.

Прусина, который, судя по тому, что он служил в княжеском храме архангела Михаила, весьма вероятно, был княжеским духовником. Имело, видимо, значение и благородное происхождение самого Авраамия, об отце которого в Житии говорится: «Бѣже отецъ его всѣми чтѣмъ и любимъ, отъ князя честь приемля, бѣ бо во истину отъ всѣхъ опознанъ, яко и правдою украшень, и многымъ въ бѣдахъ помагая, милостивъ и тихъ къ всѣмъ, къ молитвѣ и ко църквамъ прилежа»⁴². Коль скоро его родитель «отъ князя честь приемля», при этом всем известен и любим, многим помогал, — стало быть, он имел такую возможность, располагая средствами и влиянием. Хотя к этому времени родителей преподобного не было в живых, из сочинений Ефрема мы знаем, что Авраамий был далеко не первым их ребенком (но первым мальчиком) — до него в семье родилось 12 девочек. Если и не все его 12 сестер дожили до замужества, есть возможность предполагать его родство с боярами и «вельможами» из окружения князя.

Ефрем не сдерживал себя в выражениях, говоря о врагах преподобного: игумены и иереи готовы были «жива его пожрети», попы «рыкают», как волю⁴³. Несмотря на это, князь и вельможи делают вполне определенное заявление: обвинители Авраамия «все лжоуть». Видимо, ложью оказались какие-то очень тяжкие обвинения, за которые ему грозила смерть и в которых мог компетентно разобраться князь, поскольку присутствовавшие представители духовенства не могли найти «конца», за который можно ухватиться в судилище. Собрание завершили, приставив к Авраамию и двум его ученикам стражу. На следующий день суд возобновился, причем Ефрем пишет, что «вины, яже преже глаголахоу, оукоривше, озлобивше, възложиша на нь»⁴⁴. Эти прежние «вины» тем не менее дали основание лишь отправить преподобного в Успенский монастырь на Селище, где он в свое время принял постриг. Видимо, отказавшись от обвинений в неподобающем поведении, ереси и других непростительных деяниях, мысли участников суда вернулись к мудрствованиям, которые им не было дано понять и оценить.

Попытки определить учение Авраамия как ересь предпринимались в научной и богословской литературе неоднократно, ему приписывали всякого рода заблуждения — от манихейства до стригольничества. Но представляется совершенно невероятным, чтобы еретик в конечном счете мог быть признан святым и официально канонизирован. Суть конфликта была, видимо, именно в том, о чем и писал Ефрем: в ревности к пастве, зависти

⁴² Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 2.

⁴³ Там же. С. 10.

⁴⁴ Там же. С. 11.

и неприятии «невѣжами, взимающими санъ священства», человека ученого, интеллектуального, незаурядной личности, способной заражать дорогими ему идеями множество людей. Особенно яркими и необычно подробными были его проповеди тогда, когда они касались Малой и Большой эсхатологии. Неслучайно именно посмертным мытарствам души и Страшному суду посвящены иконы, написанные рукою преподобного, упомянутые Ефремом. Необычные образы и сюжеты, представленные со страстью мистика, не могли не поражать сердца и воображение прихожан, которые были готовы не уходить от преподобного вовсе («такое бо бѣ благодатью Христоваго утѣшая приходящаа, и плѣняя ихъ душа и смыслъ ихъ, дабы възможно и не отходящу быти, яко же и сему мнози суть послуси»⁴⁵).

«Глубинные книги», которые за историю изучения Жития связывали и с поздней Голубиной книгой духовных стихов, и даже с иранскими реминисценциями, явно обозначают не какой-то конкретный комплекс книг или текстов, а являются определением книг сложных, малодоступных неученым людям, но которые несут в себе истинную мудрость. Неслучайно эти «глубинные книги» именно в таком контексте вспоминаются и в Службе преподобному: «Глубиннаго писания, яже многим неоудобъ разумна, Богъ отккры тебѣ, отче, своему оугоднику, таину»⁴⁶.

В качестве интересной детали для истории повседневности в Житии Авраамия Смоленского можно отметить указанные Ефремом причины, по которым Авраамий не ходил на пиры: это «зазирания», «яже бывають отъ мѣста избирающихъ», и беды, бывающие «отъ многаго ради пьянства»⁴⁷. Характерно, что в Житии Феодосия Печерского Нестор рассказывает о другом обычае на княжеских пирах, который был неприемлем для преподобного Феодосия: это музыканты, играющие на различных музыкальных инструментах. Феодосий сказал князю: «То будетъ ли сице на ономъ свѣтѣ?»⁴⁸ По-видимому, во времена Авраамия музыканты отошли на второй план по сравнению со ссорами приближенных смоленских князей, случавшимися на пирах.

Важна информация Ефрема о том, что в связи с запретом посещать кому-либо преподобного, находящегося, по сути дела, под арестом в Богородицком монастыре, «мнози же мечници на всѣхъ путехъ стрѣжааху, а нѣции разграблени быша»⁴⁹. Мечники известны по Русской Правде и ран-

⁴⁵ Там же. С. 7.

⁴⁶ Там же. С. 134, 155.

⁴⁷ Там же. С. 8.

⁴⁸ БЛДР. Т. 1. С. 422.

⁴⁹ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 12.

ним летописным упоминаниям. Новый источник (цилиндры, замыкающие мешок) был приобретен к исследованию В.Л. Яниным, который заключил, что мечники представляли административных лиц, причастных «к княжескому суду»⁵⁰, в частности, они были сборщиками «накладов» в процессе судопроизводства. Однако В.Л. Янин отмечает, что не во всех случаях термин *мечник* имеет административно-должностной характер. Иногда им обозначается воин, член младшей дружины. Словари древнерусского и древнеславянских языков дают также значения «страж», «палач» — это по отношению к сюжетам библейской и византийской истории. В рассматриваемом случае слово «мечник», видимо, было употреблено именно в таком значении: мечники выполняли полицейские функции. Даже если разграбление имущества не послушавшихся запрета мирян, пытавшихся привести в монастырь какие-то подношения преподобному, было исполнением наказания (как «поток и разграбление»), необычным остается то, что мечники оказываются на службе у церковных иерархов (ведь решение об изоляции Авраамия было принято церковным судом). О каких-то стражах, «оть епископа на се приготованнымъ», говорится и в рассказе о суде над преподобным, но в этом случае стражи не называются мечниками.

Наконец, в Житии содержится бесценный материал по истории книжности — о том, как составлялись сборники поучений и фрагментов разного рода канонических и учительных текстов (такие, например, как Трифоновский, Паисиевский сборники): Авраамий, читая книги, выписывал из них, «яко дѣлолюбивая пчела, вся цвѣты облѣтаючи и сладкую собѣ пищу приносящи и готовящи, тако же и вся отъ всѣх избирая и списая ово своею рукою», либо поручал такую работу другим писцам⁵¹.

Таким образом, при несомненном литературном характере Жития Авраамия⁵² оно, как и Житие Феодосия Печерского, является ценным историческим источником, наполненным реальными сюжетами и деталями.

⁵⁰ Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. В. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. С. 37.

⁵¹ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 5.

⁵² См. об этом: Конявская Е.Л. К вопросу об особенностях «Жития Авраамия Смоленского» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 1 (3). С. 111–114.

REFERENCES

1. *Artamonov Yu.A. Zhitie Feodosiya Pecherskogo: Problemy istochnikovedeniya* [The Life of Theodosius of the Kiev caves: Problems of source studies] // *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2000 god: Problemy istochnikovedeniya*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003. S. 173–277.
2. *Barsukov N.P. Istochniki russkoy agiografii* [Sources of Russian hagiography]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyukevicha, 1882. XII s., 616 stb., [2], VIII s.
3. *Biblioteka literatury Drevney Rusi (v 20-ti t.)* [Library of literature of Ancient Rus' (in 20 vols.)]. T. 1. St. Petersburg: Nauka, 1997. 543 s.
4. *Chekin L.S. Bezbozhnye syny Izmailovy. Polovtsy i drugie narody stepi v drevnerusskoy knizhnoy kul'ture* [Godless sons of Ishmael. Polovtsy and other peoples of the steppe in ancient Russian book culture] // *Iz istorii russkoy kul'tury*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. T. 1. S. 691–716.
5. *Fedotov G.P. Zhitie i terpenie sv. Avraamiya Smolenskogo* // *Rossiya, Evropa i my (Sbornik statey)* [The Life and patience of St. Avraamy Smolensky // Russia, Europe and us (Coll. of articles)]. Paris: YMCA-Press, 1988. S. 33–58.
6. *Gaydenko P.I., Filippov V.G. Tserkovnye sudy v Drevney Rusi (XI — seredina XIII veka): Neskol'ko nablyudeniy* [Church courts in Ancient Rus' (XI — mid-XIII century): A few observations] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya*. 2011. Vyp. 45. № 12(227). S. 106–116.
7. *Klyuchevskiy V.O. Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik* [Ancient Russian Lives of Saints as a historical source]. Moscow: Nauka, 1988. 512 s.
8. *Kolchin B.A., Chernykh N.B. Dendrokronologiya Vostochnoy Evropy* [Dendrochronology of Eastern Europe]. Moscow: Nauka, 1977. 128 s.
9. *Konyavskaya E.L. Avtorskoe samosoznanie drevnerusskogo knizhnika (XI — seredina XV veka)* [Author's self-consciousness of an ancient Russian scribe (XI — mid-XV century)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 201 s.
10. *Konyavskaya E.L. K voprosu ob osobennostyakh «Zhitiya Avraamiya Smolenskogo»* [On the question of the features of the «Life of Abraham of Smolensk»] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2001. № 1(3). S. 111–113.
11. *Makariy (Bulgakov), mitropolit. Istoriya russkoy tserkvi (v 5-ti kn.)* [History of the Russian Church (in 5 books)]. Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1995. Kn. 2. 704 s.

12. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod first chronicle of the senior and junior editions]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1950. 642 s.
13. *Pechnikov M.V.* Delo Avraamiya Smolenskogo: Za chto byl gonim pravednik? [The case of Abraham of Smolensk: Why was the righteous persecuted?] // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2000. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003. S. 346–359.
14. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 2. St. Petersburg, 1908.
15. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 4. Ch. 1. Vyp. 1. Petrograd, 1915.
16. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 25. Moscow; Leningrad: Nauka, 1949.
17. *Redkov N.* Prep. Avraamiy Smolenskiy i ego Zhitie, sostavlennoe uchenikom ego Efremom [Rev. Avraamy Smolensky and his Life, compiled by his disciple Ephraim]. Vyp. 1. Ch. 1. Smolensk: Tipografiya P.A. Silina, 1909. S. 1–176.
18. *Rozanov S.P.* Zhitiya prep. Avraamiya Smolenskogo i sluzhby emu [Lives of Rev. Avraamy Smolensky and services to him]. St. Petersburg, 1912. XXVI, [2], 166, [1] s.
19. *Rybakov B.A.* Smolenskaya nadpis' XIII veka o «vragakh igumenakh» [Smolensk inscription of the XIII century about the «enemies-abbots»] // Sovetskaya arkheologiya. 1964. № 2. S. 179–187.
20. *Sverdlov M.B.* Mirskie realii v Zhitii Feodosiya Pecherskogo [Worldly realities in the Life of Theodosius of the Kiev Caves] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2021. № 1. S. 7–14.
21. Uspenskiy sbornik XII–XIII vekov [Assumption collection of the XII–XIII centuries]. Moscow: Nauka, 1971. 751 s.
22. *Yanin V.L.* U istokov Novgorodskoy gosudarstvennosti [At the origins of Novgorod statehood]. Velikiy Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2001. 152 s.

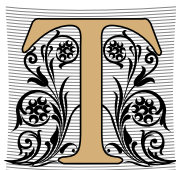

Ключевые слова:

агиография, Житие Феодосия Печерского, Житие Авраамия Смоленского, исторические реалии.

Elena L. Konyavskaya

HISTORICAL REALITY DEPICTED IN EARLY RUSSIAN HAGIOGRAPHY

The article is based on the Life of Theodosius of the Caves and the Life of Abraham of Smolensk. Analyzed is the significance of the available political, religious and everyday historical data presented.

Key words: Hagiology, Life Theodosius of the Kyiv Caves, Life of Abraham of Smolensk, Historical Realia.

Elena L. Konyavskaya — D. Sc. (Philology), Chief Research Scientist at the Institute of Russian history of the Russian Academy of Science.

 Конявская Елена Леонидовна

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Института российской истории РАН

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.45.002

А.А. Астайкин

ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА РЕКЕ КАЛКЕ В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ XIII–XVIII вв.

Основная масса сведений относительно битвы на реке Калке сохранилась в русских летописях в форме особой Повести. Самыми ранними являются ее варианты из летописей Новгородской I старшего извода, Ипатьевской и Лаврентьевской.

**Три древнейших варианта Повести,
вторая половина XIII в. — последняя четверть XIV в.**

Новгородская I летопись старшего извода содержит рассказ, наиболее близкий по времени к интересующим нас событиям, следовательно, является первым важнейшим вариантом Повести о Калкской битве¹. Историки располагают единственным Синодальным списком этой летописи (старшего извода, переписан двумя писцами. Первая часть излагает события 1116–1234 гг. и датируется второй половиной XIII в.,

¹ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 61–63 (Последнее издание: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 2000. Т. 3. С. 61–63).

Битва на реке Калке. Миниатюра. Лицевой летописный свод

вторая скопирована около 1330 г. и, соответственно, несет в себе статьи с 1234 по 1330 г.). В основе варианта Повести о битве на Калке в Новгородской I летописи лежит, вероятно, южнорусский летописный рассказ. Повесть помещена под 6732/1224 г. Из всех ранних текстов это — самое подробное описание битвы на Калке. Открывается она так называемым «Откровением Мефодия (Псевдо-Мефодия) Патарского» о появлении неизвестного народа «татар»². Далее говорится, что **«придоша бо ти Таурмени всю страну Куманьску и придоша близь Руси, идеже зоветься валъ Половьчьскы»**³. Половецкий предводитель Котьян прибыл в Галич просить помощи у своего зятя

² См. подробнее: *Веселовский А.* Опыт по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства народного просвещения. (далее — ЖМНП). 1875. Апрель. С. 283–331. Май. С. 48–130; *Сахаров В.А.* Эсхатологические сказания и сочинения в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. С. 96–109, 120, 134–148; *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). СПб., 1882. С. 100; *Потанов П.* К вопросу о литературном составе летописи // Русский филологический вестник. Варшава, 1911. Т. 65. № 1. С. 81–110; *Келтуяла В.А.* Краткий курс истории русской литературы. СПб., 1912. Ч. 1. Кн. 1. С. 80; *Истрин В.М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследования и тексты. М., 1897. С. 155, 174; *Он же.* Откровение Мефодия Патарского и летопись // Известия Отдела русского языка и словесности Академии наук. Л., 1925. Т. 29. С. 380–382; *Литвинова Е.В.* Списки «Откровения Мефодия Патарского» в Древлехранилище ИРЛИ // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. 37. С. 382–390.

³ Новгородская I летопись. С. 62.

Мстислава Мстиславича **«и дары принесе многы: кони и вельблуды и буюлы и девки»**⁴. Мстислав обратился к остальным русским князьям, причем прямо о совете в Киеве в Новгородской I летописи не говорится. После того как князья **«начаша вое пристраивати, кождо свою власть»**,⁵ летописец называет город Заруб на Днепре в качестве места сбора войск «всей Русской земли». Подробно рассказывается о первом татарском посольстве и попытке разрушить русско-половецкий союз, убийстве послов, о движении союзников, когда они **«не дошьдше Ольшья и сташа на Днепре»**⁶, и вторых послых монголов. Далее говорится о переправах по частям союзных войск через Днепр — сначала дружины Мстислава Галицкого в 1 тысячу человек, затем кыпчаков и остальных русских князей; о походе их 9 дней к реке Калке (эта цифра помещена только в НИА) после уничтожения отряда Гемябека. О битве сообщается кратко: за рекой «Калак» князья **«станомъ сташа»**⁷; половцы с Яруном были посланы **«в сторожихъ»**, они не выдержали неожиданного нападения степняков и **«побегоша не успеьше ничтоже Половци назадъ, и потыпташа бежаще станы русскихъ князь, не успеха бо исполчитися противу имъ; и съмятошася вся, и бысть сеця зла и люта»**⁸. Далее подробно рассказывается о трехдневной осаде лагеря Мстислава Романовича, который **«угоши городъ около себе въ колехъ** [т.е. огородился колами-повозками, а не кольями, см. ниже. — А.А.]»⁹, его зятя Андрея и Александра Дубровецкого, преступлении предводителя бродников Плоскыни (тот на кресте поклялся, что в случае сдачи князей в плен их отпустят за выкуп; на самом же деле после сдачи в плен они были выданы монголам и казнены) и смерти пленников под досками пирующих монголов. Затем перечисляются 6 погибших во время бегства русских князей, сообщается, что галицкий князь **«переже перебегъ Днепръ, отрея от берега лодье, да не идутъ Татари по нихъ, а самъ одва убежа»**¹⁰, а из русских воинов домой вернулся лишь один из десяти, **«а иныхъ Половци побиха ис коня, а иного ис порта»** (это сообщение помещено только в Новгородской I летописи). В заключение

⁴ Там же.

⁵ Там же. Это сообщение помещено только в Новгородской I летописи.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 63.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Это сообщение содержится только в Новгородской I летописи.

¹⁰ Там же.

Монгольский пир на телах русских князей.
Миниатюра. Лицевой летописный свод

летопись называет день битвы — **«си же злоба сътворися месяца мая въ 31, на святого Еремья»**¹¹.

*Ипатьевская летопись*¹² — сложный по составу южнорусский летописный памятник конца XIII в., компиляция из киевского свода 1198 г. и галицко-волынского летописания (сообщения с 6709/1201 г. по 6800/1292 г.). Древнейший список — Ипатьевский (около 1425 г.)¹³; кроме того, известно еще 7 списков.

Сложность этого варианта Повести заключается в том, что первоначальный ее текст должен восходить к впечатлениям участника событий (при переходе Днепра у Заруба говорится буквально следующее: **«вся намъ по соуху же Днепръ перешедшимъ, яко же покрыти воде быти от множества люди** [по смыслу должно быть «лодеи» или «лодии». — А.А.]»)¹⁴, но в 40–50-е гг. XIII в. этот текст подвергся переработке и дополнениям, связанным с личностью Даниила Романовича. Повесть о битве на Калке помещена в летописной статье под 6732/1224 г. Это один из самых подробных рассказов о сражении. В нем сообщает-

¹¹ Там же.

¹² Ипатьевская летопись // ПСРА. М., 1962. Т. 2. Стб. 740–745 (последнее издание: ПСРА. М., 1998. Т. 2. Стб. 740–745).

¹³ Лихачев Н.П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891. С. 52–53.

¹⁴ Ипатьевская летопись. Стб. 741.

ся о поражении половцев от татар, обращении их за помощью к русским князьям, княжеском совете в Киеве с перечислением участников (великий киевский князь Мстислав Романович; Мстислав Святославич, князь **«в Козельске и в Чернигове»**¹⁵; Мстислав Мстиславич Галицкий; младшие князья — Даниил Романович Волынский; Михаил Всеволодович; Всеволод Мстиславич (сын великого князя), **«инии мнозии князи»**¹⁶. Отмечается крещение «великого князя половецкого» Басты (или Бастыя, Бастия), а также отсутствие на совете владими́ро-суздальского князя Юрия Всеволодовича и какого-то Василька (**«бе бо в Володимере млад»**)¹⁷. Статья называет место сбора русских дружин — Днепр, остров Варяжский; и время — апрель. Подробно перечисляются подошедшие войска — половцы (**«вся земля Половецкая»**), черниговцы, киевляне, смоляне, галичане и волынцы, куряне, трубчане, путивльцы. О том, как происходил поход, и о двух татарских посольствах не сообщается. Дальнейший рассказ ведется от острова Хортица, куда подошли «выгонцы галицкие» с Юрием Домамеричем и Держикраем Володиславичем¹⁸, говорится о появлении монголов и общем возбуждении в русских станах, переходе князей через Днепр **«во д[е]нь во вторникъ»** (причем о переправе галицкого князя с тысячей воинов, разгроме монгольского сторожевого отряда и смерти их предводителя Гемябека не сообщается)¹⁹, победе «русскими стрельцами» степняков за Днепром, когда **«всимъ воемъ наполнитися скота»**,²⁰ восьмидневном движении союзников до реки Калки, смерти Ивана Дмитриевича и **«иная два с нимъ»**²¹ во второй стычке, а также и самой битве **«на прочьне [другой. — А.А.] реце Кальке»**. Главным героем сражения Ипатьевская летопись изображает юного Даниила Романовича, **«бе бо дерзь и храборъ, от главы и до ногу его не бе на немъ порока»**²². Вместе с ним упоминаются Василько Гаврилович, Семьюн Олюевич, Олег Курский и луцкий князь Мстислав Ярославич Немый. Фигура Даниила в этом варианте Повести

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Это либо Василько Романович, младший брат владими́ро-волынского князя Даниила, либо ростовский князь Василько Константинович.

¹⁸ Варианты имен: Юрьги, Юрьи, Юрьгии; Домамирич, Домамелреч, Домамилречь, Дамамиль; Дръжикрай. Ошибочно утверждается, что выгонцы первоначально, до выхода в Черное море, двигались Днепром, здесь должен быть указан Днестр.

¹⁹ Там же. Стб. 743.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. Стб. 744.

заслоняет «старейшин Русской земли». Мстислав Мстиславич Галицкий упоминается только при переходе Калки, причем летописец бросает ему упрек в сепаратизме: галицкий князь не сообщил о своей переправе находившимся в станах киевскому и черниговскому Мстиславам **«зависти рад[и], бе бо котора велика межю има»**²³.

Следует обратить внимание, что в Ипатьевской летописи совсем не упоминается какой-либо лагерь Мстислава Мстиславича с союзниками за Калкой. Не сообщается также никаких подробностей о действиях черниговского и киевского князей, в частности, о трехдневной обороне лагеря Мстислава Романовича, о Плоскине и казни русских князей. О монголах говорится, что они дошли до **«Новагорода С[вя] тополчьского»**, причем **«не ведающим же Роуси лести ихъ, исходяхоу противоу имъ со кр[е]сты, они же избиша ихъ всихъ»**²⁴, затем они повернули на восток и воевали с тангутами, где **«Чаногизъ кано ихъ Таногоуты оубьен быс[ть]»**²⁵. Также в Ипатьевской летописи не называется дата битвы.

*Лаврентьевская летопись*²⁶ содержит третий из наиболее ранних вариантов Повести о Калкской битве. В единственный сохранившийся Лаврентьевский список летописи 1377 г. (по предположению Б.М. Клосса, он является копией владимирского великокняжеского свода начала XIV в.; памятник, вероятно, создан в 80-е гг. XIII в.)²⁷ вошла его краткая редакция, содержащая лишь сокращенный перечень событий. Первая половина статьи Лаврентьевской летописи от слов **«Того же лет[а]. Явишас[я] языци...»** и до слов **«и придоша близъ Руси»** (в отрывке приводится «Откровение Псевдо-Методия», говорится о появлении неизвестного народа татар и разгроме ими половцев) почти дословно совпадает с вариантом, помещенным в Новгородской I летописи. В оригинальном тексте упоминается о совете трех Мстиславов — Киевского, «Торопецкого» (а не Галицкого) и Черниговского — и «прочих князей», когда **«послашася в Володимерь к великому князю Юргю с[ы]ну Всеволожю, прося помочи у него»**²⁸, выступлении Василько Константиновича и его возвращении в Ростов от Чернигова. О походе и битве повествуется очень кратко, летописец отмечает лишь, что русские князья **«бишася с ними**

²³ Там же. Стб. 743.

²⁴ Там же. Стб. 745.

²⁵ Там же.

²⁶ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 446–447.

²⁷ Клосс Б.М. Предисловие к изданию 1997 г. // ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. С. Н.

²⁸ Лаврентьевская летопись. Стб. 446.

[монголами. — А.А.], и побежени быша *от* них, и мало ихъ избы *от* см[е]рти, их же остави судъ жити, то ти оубежаша, а прочии избъени быша. Мьстиславъ старьи добрьи князь ту оубьень быс[ть] и други Мстиславъ ,и инех князии б избъено быс[ть], а боярь и прочих вои много множ[е]ство, г[лаго]лют бо тако яко Кыянь одинех изгыбло на полку том 10 тысячъ»²⁹. Самое ценное сведение в Лаврентьевском варианте Повести — дата (6731/1223 г. и небольшая ошибка в числе — «се же ся зло сключи м[е]с[я]ца мая въ 30 на память[ь] с[вя]таг[о] м[у]ч[ени]ка Еремиа»)»³⁰.

Софийская I летопись старшего извода, начало XV в.

*Софийская I летопись старшего извода*³¹ ввиду особой важности выделена в особый раздел.

Летопись сохранилась в двух списках. И список Н.М. Карамзина, и список М.А. Оболенского имеют сходный текст до 1418 г. (этим годом обычно датируют и сам памятник). Карамзинский список снабжен заголовком «**Калецьское побоище**»³². Софийская I летопись послужила московской основой всех общерусских летописей второй половины XV в. — XVI в. Вариант Повести, помещенный в этой летописи в статье под 6732/1224 г., имеет цельный, законченный характер; летописец подробно останавливается на мелочах, точно называет некоторые географические пункты.

В ней произошло слияние вариантов Новгородской I и Ипатьевской летописей. Открывает Повесть «Откровение Псевдо-Мефодия», причем источником сообщения для Софийской I летописи должна была послужить Новгородская I летопись: именно там отсутствует фраза, которую находим в летописи Лаврентьевской: «**пр[е]м[у]дрии мужи ведятъ я добре кто книги разумно умеетъ**»³³. Нет этой фразы и в Софийской I летописи. Из Новгородской I летописи, безусловно, заимствованы слова обращения Мстислава Галицкого к русским князьям: «**Аже мы, братие, симъ не поможемъ, то си имуть предатися имъ, то ихъ**

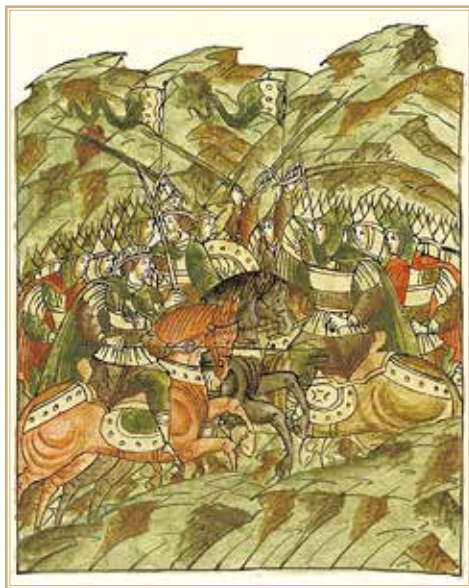
²⁹ Там же. Стб. 446–447.

³⁰ Там же. Стб. 447.

³¹ Софийская первая летопись старшего извода // ПСРА. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 275–282.

³² Там же. Стб. 275. Прим. 31.

³³ Лаврентьевская летопись. Стб. 446.

Князя Мстислав Немой и Олег Курский в битве на Калке.
Миниатюра. Лицевой летописный свод

болшии будеть сила»³⁴; оттуда же взяты отрывок о первом и втором монгольских посольствах и эпизод с убийством Гемябека, замечание о роли Яруна и половцев в битве, рассказ о трехдневной обороне Мстислава Романовича, клятвопреступлении Пლოსкини, казни трех русских князей под досками пирующих монголов, а также гибели шести князей во время бегства к Днепру. Из текста Ипатьевской летописи (напрямую или, что скорее, через несколько звеньев) использованы фрагменты текста о поражении половцев и их обращении за помощью к князьям Руси, о совете в Киеве, о присутствовавших там «старейшинах» Русской земли и «молодых» князьях, крещении Басты, отсутствии Юрия «Суздальского» и князя Василько; о переходе Днепра и победе русских лучников, захвате богатой добычи в виде скота, восьмидневном походе до Калки, смерти Ивана Дмитриевича с двумя товарищами во второй стычке, переходе Калки Мстиславом Галицким с союзниками, подвигах Даниила Романовича, Семьюна Олюевича, Василько Гавриловича, Мстислава Немого, Олега Курского, бегстве половцев и русских (заимствованные тексты из Ипатьевской и Новгородской I летописей передаются с некоторыми изменениями и дополнениями). Отрывок из сообщения Ипатьевской летописи завершается сентенцией: **«И быс[ть] победа на**

³⁴ Софийская первая летопись. Стб. 277. В Новгородской I летописи эта фраза звучит так: «оже мы, братье, симъ не поможемъ, ть си имуть придатися к нимъ, ть онемъ болшии будеть сила». Новгородская I летопись. С. 62.

вси князи русстии, ака же не бывала от начала Руской земли никогда же»³⁵.

Видимо, составитель текста Повести о битве на Калке в Софийской I летописи старшей редакции использовал и прием комбинированной записи, т.е. объединял в одном предложении информацию из двух источников. В этом смысле показательно обращение Котьяна к Мстиславу Мстиславичу и русским князьям: «Нашу землю дн[е]сь от[ъ]яли, а вашу заутра възмутъ. Пришед, побороните нас. Аще не поможете намъ, мы н[ы]не иссечени будемъ, а вы наутрени иссечени будете»³⁶. Справедливости ради необходимо упомянуть, что в Повести таких комбинированных записей всего две, второй случай касается места общего сбора княжеских дружин (сближены две географические точки — Заруб и Варяжский остров).

Следует заметить, что язык Повести в Софийской I летописи новлен, несколько сокращены архаические тексты, добавлены титулы «князь». Наряду с явно ошибочными чтениями (вольинский князь «Д[а]в[ы]д» (вместо «Даниил») Романович; «Мьстислав», а не Святослав, Яневский (только в списке Оболенского); Изяслав Ингворович — «Инговорьский»; Александр Дубровецкий — «Дубравьский»; вместо «бродники с татары» — «бродницы быша старыи» и т.д.), в Софийской I летописи приводятся и оригинальные свидетельства, источник которых установить не удастся (добавления составителя летописи?). В 6732-м — году появления монголов — летопись уточняет: «При Мстиславе князе Раманович[е] в десятое лето княжения его въ Кieve», затем и добавляет «победиша и татары инехъ языкъ 7»³⁷. Появляется фраза, что после монгольского разгрома некоторые половцы бежали «по Дону и в Луку моря»³⁸. В обращении вторых монгольских послов добавляется: «а намъ с вами рати нету»³⁹. Об одном из великих князей Руси — участников киевского съезда делается особая оговорка: «тогда бо бе... Мьстиславъ козельскыи в Чернигове»⁴⁰. Уточняется место

³⁵ Софийская первая летопись. Стб. 281.

³⁶ Там же. Стб. 277. В Новгородской I летописи эта фраза звучит так: «нашу землю днесъ отъяли, а ваша заутро възята будетъ» (с. 62); в Ипатьевской — чуть иначе: «аще не поможета намъ. мы ныне иссечени быхомъ. а вы наутрее иссечени боудете» (стб. 740–741). Здесь также присутствует и избыточное: «Пришед, побороните нас».

³⁷ Там же. Стб. 276.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Стб. 278.

⁴⁰ Там же. Стб. 277.

сбора русских полков на Днепре в начале похода — у городка Заруба и острова Варяжского⁴¹. Упоминаются и новые участники — Владимир Рюрикович «с черниговци» (явная ошибка), 400 человек рати из Смоленска и фольклорный ростовский богатырь Александр Попович, который «ту убиень быс[ть] съ инеми 70 храбровь»⁴². У погибшего монгольского предводителя Гемябека появляется второй вариант имени — Семябег, причем используются оба варианта одновременно⁴³. Летопись указывает, что после гибели трех князей под монгольским пиршественным помостом «много убиство бесчисленное створися»;⁴⁴ татары гнались за русскими до Днепра «и дошедьшимъ татаромъ до Новагорода С[вя]тополчскаго», на Днепре Мстислав Галицкий приказал жечь и приводить в негодность русские ладьи; «молодые» князья достигли реки «в малех людии»; Владимир Рюрикович вокняжился в Киеве, а битва произошла 16 июня, а не 31 мая⁴⁵.

Сокращенный вариант Повести новгородского происхождения, первая половина XV в. — XVII в.

*Новгородская IV летопись*⁴⁶ — важнейший памятник общерусского летописания в его новгородском варианте. Вместе с Софийской I и Новгородской Карамзинской летописями восходит к единому источнику — митрополичьему своду Фотия 1418–1419 гг. (по Б.М. Клоссу и А.Г. Боброву)⁴⁷. В ней представлен сокращенный вариант Повести о битве на реке Калке. Как утверждает летописное сообщение, после появления монголов половецкий вождь Котьян, который «бе тесть

⁴¹ Там же. Стб. 278. Следует полагать, что это комбинированная запись: упоминаемая Заруба заимствовано из Новгородской I летописи, острова Варяжского — из Ипатьевской.

⁴² Там же. Стб. 282.

⁴³ Там же. Стб. 278.

⁴⁴ Там же. Стб. 282.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Новгородская IV летопись // ПСРА. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. С. 202–203, 593. О памятнике см.: Бобров А.Г. Из истории летописания первой половины XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРА). СПб., 1993. Т. 46. С. 7–11; он же. Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРА. СПб., 1999. Т. 51. С. 107–136.

⁴⁷ Бобров А.Г. Из истории летописания. С. 7–11; Клосс Б.М. Второе предисловие к изданию 2000 года / Новгородская четвертая летопись // ПСРА. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. XI–XVI.

Мьстіславу, князю Черніговському [так в тексте. — А.А.]»⁴⁸ отправил русским князьям «злато и коні, паво[ло]кы»⁴⁹. После явной ошибки с локализацией княжеского стола сообщаются и очень интересные подробности о том, что первое татарское посольство насчитывало 10 человек, а поход русских дружин против степняков продолжался 17 дней⁵⁰. Число убитых русских князей увеличено в летописной статье до 10. Следует также отметить, что река Калка упоминается в тексте во множественном числе — «бысть на Калках брань веліка»⁵¹. Говорится также и о смерти Александра Поповича с семьюдесятью богатырями. Дата сражения, по летописи, — 16 июня 6732/1224 г.

Новгородская Карамзинская летопись. Текст этого памятника опубликован в 2002 г.⁵² От остальных русских летописей эта погодная хроника отличается необычной структурой текста; она состоит из двух примерно равных по объему выборок годовых статей. Повесть о битве на Калке присутствует только во второй выборке и практически дословно совпадает с сообщением Новгородской IV летописи⁵³. На полях обозначен заголовок — «Калоч[ское] побо[ище]».

*Рогожский летописец*⁵⁴. Самостоятельный памятник тверского происхождения, сохранившаяся рукопись датируется 40-ми гг. XV в.⁵⁵ В этом памятнике битва неверно датирована 6734/1225 г. (статьи между 6731

⁴⁸ Новгородская IV летопись // ПСРА. Пг., 1915. Т.4. Ч. 1. С. 202.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 202–203. В.К. Романов полагал, что это ростовские известия из владычного свода архиепископа Ефрема: Романов В.К. Битва при реке Калке и ее отражение в русском летописании (историко-текстологическое исследование). Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1983. С. 131 (далее — Диссертация).

⁵¹ ПСРА. СПб., 1848. Т. 4. С. 28; ПСРА. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 202, 593.

⁵² Новгородская Карамзинская летопись // ПСРА. СПб., 2002. Т. 42.

⁵³ Там же. С. 111.

⁵⁴ Рогожский летописец // ПСРА. М., 1965. Т. 15. Стб. 26–28.

⁵⁵ Мнение члена комиссии Н.П. Лихачева о времени написания сборника, содержащего текст Рогожского летописца, на основании данных филигранографических / Рогожский летописец // ПСРА. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. С. XVIII; Кучкин В.А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 12; Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 г. / Рогожский летописец. Тверской сборник // ПСРА. М., 2000. С. VII. По вопросу см. также: Насонов А.Н. Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР. Серия 7. Л., 1930. №9. С. 723–738; № 10. С. 739–742; Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV веков. Л., 1940. С. 115–118; Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 37–38; он же. Летописец Рогожский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 23; Муравьева Л.Л. Рогожский летописец XV века. М., 1998; Кучкин В.А. Об издании Рогожского летописца // Древняя Русь. Проблемы медиевистики. 2004. № 3(17). С. 101–109.

и 6733 г. здесь отсутствуют). Летописная статья озаглавлена — «На Калцѣ побоище» и, если не считать многочисленных дефектов текста, практически полностью соответствует Повести о битве в сокращенном варианте Новгородской IV и Новгородской Карамзинской по второй выборке летописям (сообщение о комете в статье под 6730 г.; зять Котяна Мстислав назван «Черниговским», 10 человек первого монгольского посольства, семнадцатидневный поход, смерть Александра Поповича, дата сражения 16 июня и пр.). Видимо, самое заметное отклонение от сокращенного варианта Новгородской IV и Новгородской Карамзинской по второй выборке летописей — это упоминание Калки в единственном числе.

Летопись Авраамки. Летопись состоит из двух частей. Б.М. Клосс датировал первую половину сборника-конволюта концом 60-х — началом 70-х гг. XV в., вторая, как это следует из приписки, была написана неким Авраамкой в Смоленске в 1495 г. по благословению епископа Иосифа⁵⁶. Основой летописи послужила Новгородская IV летопись, в соответствии с которой и сообщаются все факты: первое монгольское посольство составляло 10 человек, общая продолжительность похода союзников — 17 дней. Называется другая цифра погибших русских князей — 11, чуть иначе передается имя половецкого «князя» Котяна — «Акотянь», дата сражения — 16 июня, сообщается о бесчисленных потерях у русских. Кроме того, о событии говорится под двумя годами — 6731 (кратко, о факте сражения и смерти Александра Поповича) и 6732 (стоит заметить, что в летописи две статьи под 6732 г., во второй рассказываются остальные подробности Повести)⁵⁷.

Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. Полный текст памятника впервые опубликован в 2004 г.⁵⁸ Он представляет собой копию конца XVI — начала XVII в. с обширного новгородского свода 40-х гг. XVI в.⁵⁹ Сокращенная Повесть о битве полностью совпадает с текстом в Новгородской IV летописи.

Новгородская V летопись. Текст Новгородской V летописи впервые опубликован во второй части 4-го тома ПСРА в 1917 г. по четырем спискам

⁵⁶ Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 года / Летопись Авраамки // ПСРА. М., 2000. Т. 16. С. V.

⁵⁷ Летопись Авраамки // ПСРА. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 49–50.

⁵⁸ Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // ПСРА. М., 2004. Т. 43.

⁵⁹ Новикова О.А. Предисловие // Там же. С. 5. См. также: Азбелев С.Н. Две редакции новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 219–228; *он же*. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960; Фомина Т.Ю. Изучение новгородского летописания в отечественной историографии. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Казань, 2006.

начала XVI в. — XVII в. (первоначальное ее название, данное А.А. Шахматовым, — «Новгородская 4-я летопись особого состава, сходного со списком Хронографа этой летописи»). Относительно недавно впервые издан так называемый Варшавский летописный сборник 1547/1548 г. В первых статьях сборника с 1169 по 1446 г. читается тот же текст Новгородской V летописи⁶⁰. Здесь находим поздние варианты текста несомненного новгородского происхождения, еще более сокращенные и различающиеся лишь мельчайшими деталями. Это 14 строк (в первом случае) и 16 строк (во втором), обозначенных заголовком **«Калокочьское побоище»**. В них сообщается: после того как татары пришли на половецкую землю, «князь» Котян послал к тестю, черниговскому (так в тексте. — А.А.) князю Мстиславу **«с поклономъ дары многы: злато, коне и паволокы, а глаголющи тако: “шли дары по Рускымъ княземъ; днесъ насъ не будетъ, а васъ заутра”»**⁶¹. Русские объединили свои силы, перебили 10 человек монгольского посольства и 17 дней находились в походе. Затем **«и снемшимся полкомъ обоимъ, и бысть на Калкахъ брань велика; и победиша погании Татарове Половечь и князеи Рускыхъ, и Руская сила паде. Тогда убьень бысть отъ Татаръ надъ рекою надъ Калкомъ великый князь Мьстиславъ Киевьскыи Романовичъ; и иныхъ князеи 10 убиша и Александра Поповича, а с нимъ богатыреи 70, и людеи множество, не бе числа, а иныхъ князеи руками яша. То первое выхожение Татарьское на Русь. Се же зло здеся Июня въ 16»**⁶².

Младшие редакции Новгородской I и Софийской I летописей, первая половина XV в.

Новгородская I летопись младшего извода. Известны семь списков младшей редакции Новгородской I летописи, возникшей, видимо, в первой четверти XV в.⁶³ В них события излагаются так же, как и в старшей, но

⁶⁰ Новгородская пятая летопись // ПСРА. Пг., 1917. Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. С. 197–198; Варшавский летописный сборник // ПСРА. СПб., 2018. Т. 45. С. 15–16.

⁶¹ ПСРА. Пг., 1917. Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. С. 197.

⁶² Там же. С. 198. В Варшавском летописном сборнике число события указано 17 июля: ПСРА. СПб., 2018. Т. 45. С. 16.

⁶³ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 161, 176–177; Насонов А.Н. Предисловие // Новгородская I летопись. С. 3–12; Новгородская первая летопись. Берлинский список / Предисл. А.В. Майорова. СПб., 2010. С. 11–15.

здесь необходимо сделать одну важную оговорку. Без сомнения, все они вторичны по отношению к первоначальному тексту летописи и содержат некоторые измененные чтения («**Мефодии, Патормьскыи [Патаромьскыи, Патормскій] епископъ**» вместо «**Мефодии, Патормьскыи епископъ**»; «**Днепрскую реку**» вместо «**Днепръ**» (в Комиссионном списке); «**Гюря Несвежьскаго**» вместо «**Гюргя Невежьскаго**» и т.д.) или же прямые ошибки (об обороне Мстислава Романовича: «**и ту угоши город около себе в кольих [кольехъ]**» вместо «**въ колехъ**»; о казни русских князей (только в Комиссионном списке): «**а двоих князеи яша, и издавиша их, подкладше под доски**» вместо «**а князи имъше, издавиша**»)⁶⁴.

Софийская I летопись младшей редакции. Сохранились 12 списков этой редакции, переписанных в промежутке с 60–70-х гг. XV в. до середины XVIII в. Повесть о битве на реках Калках здесь отличается только некоторым обновлением языка; многочисленными, но крайне несущественными разночтениями или же попытками исправлений; местами удачными (так, например, в большей части списков имя яневского князя изменено на исходное «Святослав»; «**буболы**» старшей редакции заменены на «**буйволы**» и т.д.), местами — нет⁶⁵. По сообщаемому фактическому материалу отличий наблюдаем здесь только два — 500 (а не 400) человек смоленской рати и 10 (а не 70) погибших с Александром Поповичем «храбров»⁶⁶.

Общерусские летописи начала XV в. — XVI в. Рассказ Тверского сборника как Пространная редакция Повести

Эти и последующие летописи представляют интерес исключительно с точки зрения литературной истории Повести о битве. Изучение их текстов позволяет также выделить позднейшие текстуальные наслоения (это замечание относится в равной степени и к тексту Повести в Софийской I летописи старшей редакции).

⁶⁴ Там же. С. 264–267 (ср.: с. 61–63); Новгородская первая летопись. Берлинский список. С. 269–273.

⁶⁵ Приведены в примечаниях к изданию: Софийская первая летопись // ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5. Вып. 1. С. 202–207.

⁶⁶ Там же. С. 204, 206. Подробнее по вопросу см.: Шибяев М.А. Софийская I летопись младшей редакции. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. СПб., 2000. См. также: Софийская I летопись по списку И.Н. Царского // ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 73–75.

Троицкая летопись, 1408 или 1409 г. Первый общерусский летописный свод, оригинал которого погиб в пожаре Москвы 1812 г. Как известно, реконструкция текста памятника, произведенная М.Д. Приселковым, предполагала использование текста Симеоновской летописи для статей 1177–1390 гг. включительно. Фактически же в отношении событий на Калках восстановление произведено по сообщению Лаврентьевской летописи, а к протографу Симеоновской, где в интересующем нас месте отсутствует целый лист, относится лишь фраза **«Се же ся зло склучи месяца... Еремия»**⁶⁷.

Ермолинская летопись, вторая половина XV в. Текст этой летописи доведен до 1481 г. Вариант Повести о битве на Калке в ней обнаруживает большое сходство со статьей Свода 1479 г. (памятники совпадают до 1417 г.), за исключением некоторых сокращений. В соответствии с ним излагается и интересующая нас Повесть, озаглавленная **«О Калках»**⁶⁸. Видимо, единственной деталью, отличающей этот рассказ от прочих, является объяснение Мстислава Галицкого, почему стоит помочь Котьяну: **«поможемъ сим; аще ли си к темъ приложатся, то намъ же будетъ тяготнее»**⁶⁹.

Московский великокняжеский свод, 1479 или 1480 г.⁷⁰ Издан в 25-м томе ПСРА по Уваровскому списку 1520-х гг. с привлечением Архивского списка конца XVII — начала XVIII в. и Эрмитажного списка 50–60-х гг. XVIII в. Повесть о битве на реке Калке помещена в статье под 6731/1223 г. и открывается «Откровением Псевдо-Мефодия». Далее снова добавлено, что кроме половцев монголы победили еще «7 языков»⁷¹; **«а инии мнози Половци прибегоша в Русьскую землю»**⁷²; место, где союзники переправились через Днепр, — это Олешье («**Ошелье**»), к нему и подошли на соединение кыпчаки. Укрепленный лагерь Мстислава Романовича Киевского, в котором он оборонялся три дня, — это **«городъ с колиемъ»**⁷³. Упоминается некий Святослав Каневский, возможно, это испорченное чтение имени Изяслава Яневского. Трансформируются имена некоторых незначительных князей — Изяслав **«Инговораский»**, Юрий **«Несвѣжский»** и т. п. Разумеется, не обходится без упоминания

⁶⁷ Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 307.

⁶⁸ Ермолинская летопись // ПСРА. СПб., 1910. Т. 23. С. 69–71.

⁶⁹ Там же. С. 69.

⁷⁰ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРА. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 118–121.

⁷¹ Там же. С. 118.

⁷² Там же. С. 119.

⁷³ Там же. С. 120.

о гибели Александра Поповича и 70 богатырей, а также даты события 16 июня⁷⁴.

*Типографская летопись*⁷⁵. По А.А. Шахматову, в основе всех известных списков Типографской летописи лежит свод ростовского архиепископа Тихона 1484 г. (по Б.М. Клоссу — 1489 г.)⁷⁶. Здесь помещен очень подробный вариант Повести с заголовком «О побоищи иже на Калкахъ». Он практически полностью совпадает с текстом Повести в Московском своде 1479 г.⁷⁷, принципиальное отличие только одно: в Типографской летописи указано число погибших киевлян 30 000 (в печатном тексте цифра изменена на 1000), в Своде 1479 г. эта цифра — 10 000⁷⁸.

Симеоновская летопись, конец XV в.⁷⁹ Текст этой летописи близок к несохранившейся Троицкой начала XV в. и в статьях 1177–1390 гг. представляет собой тверскую переработку Троицкой летописи. Текст о Калкинской битве здесь отсутствует, оставлен лишь отрывок о возвращении Василька Константиновича в Ростов (под 6732/1224 г.).

Московско-Академическая (Суздальская) летопись, конец XV в. Этот общерусский летописный свод опубликован в 3-м выпуске к 1-му тому ПСРА в 1928 г. и повторно в этом же томе в 1997 г.⁸⁰ Свод составлен, вероятно, в Ростове. Имеет трехчастную структуру (статьи от Повести временных лет до 1205 г., 1205–1238 гг., до 1418 г.). В тексте годовых статей с 6713/1205 по 6746/1238 г., где содержится Повесть о битве на Калке, совпадает с текстом Софийской I летописи. Эта Повесть выделена заголовком «**Того же лета побиша Татарове князеи Русских**». Заимствование текста из Софийской I летописи явственно видно из повторения фраз, которые содержатся только в этом источнике: «**при Мьстиславе кн[я]зе Романовиче в десятое лето княженья его в Киеве**», (из речи первого монгольского посольства) «**а намь**

⁷⁴ Там же. С. 121.

⁷⁵ Типографская летопись // ПСРА. Пг., 1921. Т. 24. С. 87–91.

⁷⁶ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. // Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 785–802; см. также: Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 г. / Типографская летопись // ПСРА. М., 2000. Т. 24. С. V–XI.

⁷⁷ Шахматов А.А. Указ. соч. С. 790.

⁷⁸ Типографская летопись // ПСРА. Пг., 1921. Т. 24. С. 91; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРА. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 21.

⁷⁹ Симеоновская летопись // ПСРА. СПб., 1913. Т. 18. С. 52; Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2007 года / Симеоновская летопись // ПСРА. М., 2007. Т. 18. С. V.

⁸⁰ Лаврентьевская летопись // ПСРА. Л., 1928. Вып. 3. Стб. 503–509; Лаврентьевская летопись // ПСРА. М., 1997. Стб. 503–509; Клосс Б.М. Предисловие к изданию 1997 г. // Там же. С. J–L.

с вами рати нету», «Володимеръ Рюриковичъ с Чернеговци», «слышав же Двдъ Романовичъ» (вместо «Даниил Романовичъ»), «преидоша же вси люди и князи вси и Мъстиславъ Чернеговъскыи реку Днепръ», (князья-союзники Мстислава Галицкого с половцами за Калкой) «сами станомъ сташа ту», «ту же и Бродници быша старые», «и Александръ Поповичъ ту оубиень быс съ инеми 70 храбровъ»⁸¹.

Вологодско-Пермская летопись, XV в. — первая половина XVI в. Совпадает с Никаноровской летописью до 1472 г. Повесть о битве на реке Калке помещена в статье под 6732 г.⁸² Это подробное сообщение, соответствующее рассказу Софийской I летописи от Половецкого вала до «**Новагорода Святополческа**» включительно с указанием на гибель Александра Поповича и 70 богатырей. Следует заметить, однако, что наряду с полными или почти полными — с непринципиальной разницей в одну или две буквы — совпадениями в отдельных словах, фразах и целых предложениях («**которыждо**», «**Володимеръ Рюрикович с Черниговцы**», «**наруб**», «**приехаша в лодях по Днепру**», «**предвидети оляди**», «**и князи вси, и Мстислав Черниговский**», «**а сами станом сташа ту**», «**город с кольемъ**»)⁸³ в тексте Вологодско-Пермской летописи находим также ошибки и исправления или только попытки таких исправлений («**вельблуды, будотлы**» в Вологодско-Пермской вместо «**вельблуды, буболы**» в Софийской I летописи, «**старишины**» в Вологодско-Пермской вместо «**старейшины**» в Софийской I летописи, «**не послушаша**» вместо «**не послушааша**», «**въторое послы своя**» вместо «**второе послы**», «**ни в чем**» вместо «**ничимъ**», «**протолгой**» (в печатном тексте «**протолочьи**») вместо «**протольчии**», «**Гемябека**» вместо «**Семябега**» (во втором случае употребления этого имени. — А.А.), «**и убиша его**» вместо «**и убиша и**», «**инех**» вместо «**инемъ**»; «**пороси**» или «**порози**» вместо «**пороги**»; «**молвят**» вместо «**молвяху**», «**Калце**» вместо «**Калеце**», «**но силен**» вместо «**бе бо силенъ**», «**власть**» вместо «**волость**»; «**Половетсти**», «**половетстии**» или «**половетъстии**» вместо «**половещьстии**»; «**князи Руских князеи**» или «**русских князеи**» вместо «**станы русских князь**»; «**Плоскиня**» вместо «**Плоскина**», «**Мстислава Невского, Изяслава Ноугородцкого**» вместо «**Мъстислава**

⁸¹ Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 503–509.

⁸² Вологодско-Пермская летопись // ПСРА. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 66–69.

⁸³ Цит. по тексту Вологодско-Пермской летописи. С. 67–69.

яневьскаго, Изяслава Инговорьскаго», «храбрых» вместо «храбровъ») ⁸⁴. Здесь заслуживают упоминания нестандартные указания на переправу Мстислава Черниговского реки Днепра; о том, что монголы «много убийство безчисленное сотвориша», а «молодые князи прибежали [на Русь] в малых людех». Имеется также и сообщение о смерти Чингис-хана в земле тангутов ⁸⁵.

Летописные своды 1497 и 1518 гг. В сводах помещена аналогичная Повесть о битве под 6732 г. с заголовком «**О Калкахъ**», различается лишь число погибших киевлян — 1000 в первом случае и 30 000 — во втором ⁸⁶.

Львовская летопись, начало XVI в. ⁸⁷ По мнению А.А. Шахматова, в основе этого памятника лежит свод 1518 г. ⁸⁸ Он обнаруживает близость к летописям Софийской II (там текст сохранился с 6900/1392 и до 7061/1552 г.) и Ермолинской. Повесть помещена в статье под 6732 г. и в Эттеровой рукописи снабжена заголовком «**Бой на Калкахъ**» (в списке Н.А. Львова его нет). Половецкий князь Котяг (так в тексте. — А.А.) прибыл в Галич не один, «и **Данило Кобяковичь, и Юрьи Кончаковичь съ нимъ** [так в тексте. — А.А.] **ко князю Мстиславу Мстиславичю Галицкому**» ⁸⁹. Следует также отметить постоянные описки в именах, этнических и географических названиях этого варианта Повести («**Боавитена** [вместо «моавитяне». — А.А.], **рекоміи Татарове**», «**Косаги**»; Заруб — «**Зуб**», Днепр — «**Непр**», Олешье — «**Отшелие**»; «**Гурканъ и Текушанъ**» Эттеровой рукописи («**Чиркана и Тешкана**» списка Н.А. Львова), Святослав Коневский, Изяслав Ингварьский, Святослав Шуский, Юрий Невельский). Событие датировано 16 июня ⁹⁰.

Софийская I летопись по списку И.Н. Царского, начало XVI в. Летопись доведена до 1508 г. и, видимо, создана вскоре после этого времени. В ее основу легла Софийская I летопись младшей редакции типа Бальзеровского списка и сама она, в свою очередь, стала основанием для

⁸⁴ Там же. Всюду после «вместо» указаны соответствующие эквиваленты из Софийской I летописи. Стб. 276–282.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 49–50, 206–208.

⁸⁷ Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 151–153.

⁸⁸ Шахматов А.А. Разбор сочинения И.А. Тихомирова «Обзор летописных сводов Руси северо-восточной». СПб., 1899. С. 21, 41–48.

⁸⁹ Львовская летопись // ПСРЛ. М., 2005. Т. 20. С. 152.

⁹⁰ Там же. С. 151–153.

Воскресенской летописи⁹¹. Несколько раз публиковалась фрагментарно, впервые целиком напечатана в 39-м томе ПСРЛ в 1994 г.; Повесть о битве на Калке помещена в ней в статье под 6732 (точнее под 32) г.⁹²

События 1223 г. излагаются так же, как в Софийской I летописи, причем используются варианты написания имен, цифровых данных и отдельных терминов как из старшей, так и из младшей редакций летописи (прибытие Котьяна на Русь и в Галич «**со инеми князи**», присутствие черниговцев в войске Владимира Рюриковича, 400 «мужей» из Смоленска, особое выделение Мстислава Черниговского при переправе русских князей через Днепр у Хортицы, фраза «**бродници быша старые**», 70 погибших вместе с Александром Поповичем «храбрых», упоминание Новгорода-Святополческого и смерти Чингис-хана как в старшей редакции; «**Святослав**» яневский и «**боуиволы**» как в младшей (вместо «Мстислава Яневского» и «буболов» старшей редакции). Из особенностей Повести именно в этом списке стоит назвать оригинальную передачу отдельных имен («**Сгемабек**» или «**Сгемябек**» вместо Гемябека, «**Плотьскыня**» вместо Плоскини), а также при перечислении войсучастников похода замену «трубчан» (из Трубчевска) на «торопчен» (т.е. из Торопца)⁹³.

Никоновская летопись. Это обширная компиляция, древнейшая часть которой (так называемая первая часть списка М.А. Оболенского) составлена между 1526 и 1530 гг. «Целый ряд известий носит уникальный характер и дошел до нашего времени только в составе этой летописи. Но необходимо учитывать, что используемый материал подвергся в Никоновской летописи существенной литературной и идеологической обработке»⁹⁴.

В основу летописи Никоновской легли тексты, близкие к Ермолинской и Львовской летописям, дополнительные материалы почерпнуты из Новгородской V летописи и текста, восходящего к сокращенным сводам 90-х гг. XV в.⁹⁵

⁹¹ См.: Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 111–115; Клосс Б.М. Список Царского Софийской I летописи и его отношение к Воскресенской летописи // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 25–37.

⁹² Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского // ПСРЛ. 1994. Т. 39. С. 73–75.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 г. / Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. М., 2000. Т. 9. С. V.

⁹⁵ Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 89–92; Романов В.К. Диссертация. М., 1983. С. 148.

Большая часть рассказа Никоновской летописи о битве на реке Калке совпадает, но в отдельных местах он распадается надвое. Ранний краткий текст отразился в списке М.А. Оболенского, Академическом XIV (или Патриаршем, конец 1550-х гг.), списке А.С. Строганова (Библиотечном) конца 30-х гг. XVII в., Троицком 30–40-х гг. XVII в., Архивском середины XVII в. и Академическом XV (или Никоновском, середина XVII в.). Он снабжен заголовком **«О Кальскомъ побоищи»**. Пространственный и поздний вариант наличествует в Лаптевском списке XVI в. Он озаглавлен **«О Калкахъ, о избіеніи Русскихъ князей»**.

Повторю, что летописный рассказ носит явные следы литературной обработки. В нем изменены речи, с которыми обращаются к князьям «татарские» послы (**«все есмя человеци, и все Адамово племя, почто все и туне кровь свою проливаемъ, которающесе и біющесе...»**; **«то судитъ Богъ межѣ вами и нами, понеже Богъ есть всемъ творецъ и питатель»**)⁹⁶. Усилена антиордынская направленность в характеристике неизвестного народа «татар» — демонов (**«Сіе же первое прихождение Татарское на Русь; бѣ же скорѣ на бой, такоже и на бѣгание, легци же суца, не обременяющесе ничимъ же тяготнѣ, бѣгаеть же и паки возвращается, и злодѣйствени суть аки дѣмони»**)⁹⁷. Многократно усилены последствия поражения на Калке: **«они же [монголы. — А.А.] злѣ изсѣкоша и дома ихъ пожгоша, а имѣние огню предаша. Такоже и по инымъ градомъ ходиша, и власти и села вся поплѣниша и пожгоша, и никамо же бѣ възбраняющего, яко вездѣ вся земля пуста бѣ, и ходиша Татарове воююще не боашася; глаголаху же сице, яко единехъ Кіанъ избито тогда шестьдесятъ тысящъ, о инехъ же невозможно и глаголати, сколко ихъ избито, точію единъ Богъ вестъ число безчисленное»**⁹⁸. Относительно численности русских войск летопись сообщает такие, явно завышенные, данные: выгонцы подошли к Хортице с 2000 ладей, галицкий князь переправился через Днепр с 20 тысячами и пр. Интересно отметить, что именно в этом варианте выгонцы галицкие впервые названы **«Бауты, и Гангалы, и Выгалци, и Галичяне»**⁹⁹.

«Сіа же великая беда случися на Русской земле великимъ княземъ Русскимъ, Кіевскому и прочимъ всемъ княземъ, и всемъ странамъ Русскимъ, месяца Іюня въ 16 день»¹⁰⁰.

⁹⁶ Никоновская летопись. Т. 10. С. 90.

⁹⁷ Там же. С. 92.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 91.

¹⁰⁰ Там же. С. 92.

Воскресенская летопись, 1541 г. Известно 13 списков летописи. Текст Воскресенского варианта Повести о битве на Калке почти дословно совпадает с Софийской I летописью и близок к Московскому великокняжескому своду 1479 г.¹⁰¹ Необходимо отметить лишь двойной вариант написания имени тестя Мстислава Галицкого (Котяк/Котян), а также нестандартное обозначение одного из участников княжеского съезда в Киеве, который не принял участие в походе, — **«князь Михайло Всеволодичь Чръниговьскій внукъ Святослава Олговича»**¹⁰².

Холмогорская летопись, около 1560 г. По основному своему содержанию является общерусской летописью. Сохранились два списка этого памятника — Чертковский второй половины XVI в. и Погодинский второй половины XVII в. (лег в основу печатного текста летописи в 33-м томе Полного собрания русских летописей).

Хотя в статьях с 1146 по 1390 г. Холмогорская летопись совпадает с текстом хроники Львовской, подробная Повесть о битве на Калке здесь либо хорошо отредактирована, либо, что скорее, следует какому-то другому источнику или источникам (судя по написанию восточных имен — Котяк, Сгемябек, Чегыркан, Тешукан — не ранее середины — второй половины XVI в.), близкому к Воскресенской летописи. Она помещена в статье под 6731/1223 г. и озаглавлена **«О Калском бою»**. Характерной особенностью варианта Повести в Холмогорской летописи является подробное родословие великих князей Руси, а также особое внимание к фигуре Юрия Всеволодовича Владимирского: **«придоша язъци незнаеми, при великом князи киевском Мстислави Романовичи, внуце Ростислава Мстиславичя, и при великом князи володимерском Юрьи Всеволодичи, внуке Андреа Боголюбскаго, правнука же Юрьева Долгорукого сына Манамахова»**; (о киевском съезде князей) **«а великого князя володимерского Юрья Всеволодича в думе его нет с ними, токмо киевские князи»**; **«и бысть вопль и въздыхание по всем градом и волостем, кроме Володимерской и Ростовской земли, князь бо великий володимерской Юрьи Всеволодичь не бысть в думе той, а тогда бе уже великие князи посажаеми на Киев от володимерскаго»**¹⁰³.

Книга Степенная царского родословия. Ее первый вариант составлен в 1562 г. Древнейшими списками Книги считаются Волков-

¹⁰¹ Воскресенская летопись // ПСРА. СПб., 1856. Т. 7. С. 129–132.

¹⁰² Там же. С. 129–130.

¹⁰³ Холмогорская летопись. Двинской летописец // ПСРА. Л., 1977. Т. XXXIII. С. 62–64.

Князя Александр Дубровицкий и Мстислав Старый в битве на Калке.
 Миниатюра. Лицевой летописный свод

ский, Томский, Чудовский и Думинский (1560–1594 гг.). Здесь в седьмой степени, посвященной владимирскому великому князю Ярославу Всеволодовичу, находим следующий краткий текст (цитирую полностью): **«На Калке. И тогда попустившю Богу, придоша татарове, языци незнаеми, с ними же русьстии князи брань сътвориша, и на реце Калке Божиимъ гневомъ мнози князи русьстии и съ своимъ воинствомъ побиени быша. Сии же великии князь Ярославъ, Богомъ съблюдаемъ, не бысть на брани тои, тако же и братъ его Георгии»**¹⁰⁴.

*Тверской сборник*¹⁰⁵. Эта летопись имеет широкую датировку — XVI в., сохранилась в трех списках XVII в. (Забелинском, Погодинском и Толстовском). Описание битвы в Тверском сборнике наиболее близко к Новгородской I летописи младшего извода, а также к летописи Ермолинской, снабжено заголовком **«Повесть о Калкацком побоище, и о князех Рускихъ, и о храбрыхъ 70»**. Рассказ Тверской летописи выглядит как цельное, композиционно законченное произведение, его даже можно считать в каком-то смысле Пространной редакцией Повести о битве на Калке, но он отнюдь не является отдельным вариантом

¹⁰⁴ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. С. 484.

¹⁰⁵ Тверская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Стб. 335–343.

этой Повести, как в свое время полагал Н.В. Водовозов¹⁰⁶. Этот рассказ следует считать умело обработанным текстом с ярко выраженной антикняжеской направленностью. Основной упрек летописцем направлен в адрес великого киевского князя; так, Мстиславу Романовичу приписываются слова: **«Дондеже есмь на Кіеве, то по Яико и по Понтійское море, и по реку Дунай сабле не махивати»**¹⁰⁷. Противовесом отрицательным фигурам князей, по мысли рассказчика, должна была послужить личность ростовского богатыря Александра Поповича. Надо полагать, что переписчик пользовался какими-то ростовскими материалами, вероятно — фольклорного происхождения, которые и включил в свой рассказ, сделав его более логичным и красочным. Описание начинается еще за 20 лет до битвы на Калке, при жизни Всеволода Большое Гнездо, затем повествуется о распре между детьми Всеволода, причем в рассказе о первых военных столкновениях упоминаются местные ростовские урочища, о Липицкой битве 1216 г. и смерти Константина Всеволодовича через два года после сражения. Так как Александр сначала служил Всеволоду Юрьевичу и затем Константину, а в сражении 1216 г. убил «храброго и безумного боярина» Ратибора, то ростовский богатырь предпочел собрать товарищей со всей Русской земли и уехать в Киев к великому князю, чем служить новому владимирскому владельцу Юрию Всеволодовичу. Там Александра с другими богатырями и застали события 1223 г.

Во всем, что касается битвы на Калке, очень подробный рассказ Тверской летописи оригинальностью не отличается: в нем повествуется о появлении неизвестного народа «татар», которые разгромили половцев и загнали их **«до реки Днепра, близ Руси»**. Князь Котяг/Котян пришел в Галич вместе с Данило Кобяковичем (так. — А.А.)¹⁰⁸ и попросил помощи у своего зятя Мстислава Мстиславича. Тот, в свою очередь, обратился к князьям Руси. В Киеве состоялся княжеский съезд, на котором было решено помочь половцам и встретить врага на чужой земле. К Зарубу и Варяжскому острову, где объединились русские князья, прибыло монгольское посольство, которое в результате неудачных переговоров было перебито. На Днепре, не доходя Олешья, появилось и второе посольство. Эти послы были отпущены живыми. **«Ту приіде къ нимъ вся земля Половецкаа и съ князи своими»**¹⁰⁹. Здесь же

¹⁰⁶ Водовозов Н.В. «Повесть о битве на реке Калке» // УЗ МГПИ. М., 1957. Т. 67. Вып. 6. С. 16.

¹⁰⁷ Тверская летопись. Стб. 343.

¹⁰⁸ Там же. Стб. 339.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 340. Это известие недостоверно.

Мстислав Галицкий с тысячей воинов переправился на другую сторону Днепра, а за ним и остальные русские князья. Затем рассказ переходит на галицких выгонцев во главе с воеводами «Юрій Домаречичь, а другой Держикрай Водиславича»¹¹⁰, которые по Днестру вышли в Черное море, а затем вверх по Днепру поднялись к порогам и остановились «у реки Хортици, на броду у протолчіи»¹¹¹. Здесь появились монголы. Молодые князья во главе с Даниилом Романовичем призвали остальных участников похода не медлить и преследовать врага. Это преследование продолжалось 8 дней, а затем последовал бесславный разгром, несмотря на чудеса храбрости, которые проявили сам Даниил, бояре Семен Олюевич и Василько Гаврилович, князья Мстислав Немой и Олег Курский. «Тако же и Ярунь с Половци приде, съступыся съ Татары, хотя с ними бытися, но паки Половци въскоре побегоша назадъ, не успевше ничтоже, и потопташе бежуче станы Рускихъ князей, а князи не успеше исполчитися противу имъ; и тако смятошася полци Рустіи, и бысть сеча зла, грехъ ради нашихъ, и бысть победа на князи Рускіа, якоже не бывала отъ начала Рускіе земли»¹¹².

Затем рассказывается об обороне Мстислава Романовича Киевского, его зятя Андрея и Александра Дубровского, которые «видевше се зло, не двигошася никамо же съ места; стали бо на горе надъ рекою Калкою, бе бо место то камено, и учиниша себе городъ коліемъ, и бишася съ ними изъ города того по 3 дни»¹¹³. Татары стали преследовать русских князей до реки Днепра, а у лагеря Мстислава Романовича остались два воеводы, «Чегыркань и Тешукань». В рядах татар были так называемые «бродники»; их предводитель именем Плоскиня дал князьям клятву на кресте, что в случае сдачи их отпустят за выкуп. «И солгавъ окаянный предасть ихъ Татаромъ связавъ; а городъ возьмъ людей изсекоша, и ту костію падоша, а князей издавиша, подкладше подъ дощкі, а сами на верху седоша обедати, и тако издохошася и животь свой скончаша»¹¹⁴.

При погоне до Днепра монголы убили 6 других князей: «князя Святослава Каневского, Изяслава Иньгваревича, Святослава Шумского, Мьстислава Черниговского съ сыномъ, Юрія Несвежско-

¹¹⁰ Там же. Стб. 341.

¹¹¹ Там же. Стб. 340–341.

¹¹² Там же. Стб. 341–342.

¹¹³ Там же. Стб. 342.

¹¹⁴ Там же.

го, а вой толко десятый прииде; и Александр Попович ту убиень бысть съ инеми седмьдесятю храбрыхъ»¹¹⁵.

Мстислав же Мстиславич Галицкий прежде остальных переправился за Днепр и, боясь погони, приказал пережечь (так. — А.А.) и оттолкнуть от берега ладьи. «А самъ едва убеже въ Галичь»¹¹⁶.

Смоленский князь Владимир Рюрикович «седе в Кіеве, месяца іюня 16 день. А злоба случилася месяца мая 30, на память святого мученика Еремеа»¹¹⁷. С точки зрения хронологии эта фраза заслуживает внимания.

«Татарове же гнашася по Руси до Новагорода Святополчегго, христіане же, не ведуще лести Татарскыя, выидоша противу ихъ съ кресты, и тако избыша ихъ; глаголаху же, яко единехъ же Кіянъ изгыбе тогда 30 тысячъ, и бысть плачь и вопль по всемъ градомъ и по селомъ. Татарове же возвратишася отъ реки Днепра, и не сведаемъ откуда были пришли, и камо ся дели»¹¹⁸.

Василько же Константинович успел дойти со своими войсками только до Чернигова и оттуда вернулся в свой Ростов.

Краткие упоминания, XV–XVI вв.

Псковская I летопись (наиболее ранняя редакция — свод 1469 г., он же — Тихановский список) содержит очень краткую запись: «Въ лето 6732. Бишася Суздалцы [так! — А.А.] съ Тотары на Калкахъ и избища Суздалцов маія 31»¹¹⁹.

Летописные своды 1493 и 1495 гг. В них под 6731 г. помещена краткая запись такого содержания: «В лето 731. Брань бысть велика на Калках всем князем руским с погаными Половци [так! — А.А.] и побиша погании много князеи руских, а вои истопиша в реце бесчисленное множество. Тогда же оубиша Александра Поповича и иных много таких же богатыревъ»¹²⁰.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. Стб. 343.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Новгородские и псковские летописи // ПСРА. СПб., 1848. Т. 4. С. 177; Псковские летописи // ПСРА. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 11 (Тихановский список).

¹²⁰ Никаноровская летопись. Летописный свод 1493 г. Летописный свод 1495 г. // ПСРА. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 234, 320. Цит. по тексту свода 1493 г.

Никифора патриарха Царяграда летописецу вскоре. В Голицынском списке Новгородской IV летописи (около 1518 г.) находим краткую запись: «**Въ 5 лето княженіа Юрьева явишася Татарове, и многы страны плениша, и князеи Русскихъ избиша на Калцехъ**»¹²¹.

Устюжская летопись, первая четверть XVI в. Общерусский летописный свод, сохранившийся в двух редакциях. Первая представлена единственным списком XVII в., он получил название по имени одного из владельцев Л.С. Мациевича; вторая редакция (три списка из собрания Архангелогородского архиерейского дома, из библиотеки Александро-Невской лавры и из собрания рукописей М.П. Погодина) известна под названием «Архангелогородский летописец». Обе редакции несут примерно одинаковую краткую запись о битве на реке Калке, сходную с подобной в сводах 1493 и 1495 гг.: «**В лето 6731-го. Брань бысть велика на Калках всем князем руским с погаными половцы. И победиша погании половцы много князеи руских и много в реце истопиша безчисленно. Тогда убиша богатыря Александра Поповича с Торопом и иных многих богатырей**» (список Мациевича); «**В лето 6731. Брань бысть велика на Калках всем князем руским с погаными половцы. И победиша погании половцы, много князеи руских и силы истопиша много в реце бесчисленно; тогда убиша Александра Поповича с Торопом и иных таких же богатырей многих**» (Архангелогородский летописец)¹²².

Владимирский летописец, не ранее первой четверти XVI в. Краткая и недостоверная запись о битве наличествует в статье под 6731 г. Указывается, что на реке Калке был бой «всем князьям руским» с половцами, которые затем взяли Киев (так! — А. А.). В сражении погибли Александр Попович и иные многие богатыри. Называется необычное для поздних летописей число битвы — 30 мая¹²³.

Летописи XVII в.

Пискаревский летописец, между 1621–1625 гг. Сборник-компиляция, сохранившийся в единственном списке первой половины XVII в.; Пи-

¹²¹ Новгородская IV летопись // ПСРА. Л., 1929. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Прил. III (по Голицынскому списку). С. 631; Новгородская четвертая летопись // ПСРА. М., 2000. Прил. III. С. 631.

¹²² Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. // ПСРА. Л., 1982. Т. XXXVII. С. 29, 69.

¹²³ Владимирский летописец // ПСРА. М., 1965. Т. 30. С. 85.

скареевский летописец из его состава опубликован в 34-м томе ПСРЛ в 1978 г.¹²⁴ Вариант Повести о битве здесь неполный. Он начинается со слов **«О побоище, иже на Калках. В лето 6731 по грехом нашим приидоша языци незнаемы...»** и обрывается на рассказе о переправе Мстислава Галицкого через Днепр и его победе над монгольским сторожевым отрядом фразой **«и ту им не бе помощи, и погребошя воеводу своево Гемябека жива в землю»**¹²⁵.

Густынская летопись. Время написания летописи достоверно не установлено (1623–1627 гг.?). Сохранившийся список переписан в Густынском монастыре близ Чернигова в 1670 г. Это южнорусский сокращенный вариант Ипатьевской летописи, совпадающий с ней в первой части (до 1300 г.); вторая часть доведена до 1597 г. и имеет самостоятельный характер. В составе летописи сохранились выписки из польских и некоторых утраченных русских временников.

Повесть о битве на реке Калке здесь разделена на две летописные статьи — 6732 и 6733 гг. В их составе встречаем некоторые оригинальные известия. Князь Василько, не присутствовавший на княжеском съезде в Киеве, назван «Романовичем» (т.е. это не ростовский князь, а младший брат Даниила Волынского). Также наблюдается прибавление к решению съезда: **«к сему же едны другим помогающе мощно есть и силному врагу одолети, нежели ждати, до нас по единому изгубят»**. Под 6733 г. летопись сообщает, что князья следовали за пороги до реки Хортицы, а оттуда полями 8 дней до Калки, где **«начах вопреки ходити со собою князи Руские»**. Подробности сражения не сообщаются; называется количество убитых князей — 8; причем сделаны и ценные (но требующие проверки) прибавления: Святослав Шумский — **«Рурикович»**, Александр Дубровецкий — **«Всеволодич»**, ошибочно упоминается имя сына черниговского князя — Юрий (вместо Дмитрия. — А.А.). Дата события — 30 мая. После победы монголы **«пойдоша со великою силою в землю Московскую ку Новугороду»**¹²⁶.

Мазуринский летописец доведен до 1682 г. Сохранился в единственном списке, датированном 1680-ми гг. Две краткие записи о Калкинской битве помещены под 6731 и 6431 гг. В смысле «информативности» особенно показательное сообщение в статье 6431 г.: **«того же году на реке**

¹²⁴ См.: Отдел рукописей РГБ. Пискаревское собрание. Ф. 228. Д. 176; Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы // ПСРЛ. М., 1978. Т. XXXIV. С. 31–220.

¹²⁵ ПСРЛ. М., 1978. Т. XXXIV. С. 83.

¹²⁶ Густынская летопись // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 334–335.

на Калке было Калское побоище великим невским и московским князем и бояром с товарищи с царем Урмением. Побито на том бою много русских великих князей и воинских людей, не бывало такого побоища». Возникновение ошибки — «Урмений» — следует, вероятно, объяснять неправильным чтением термина «таурмены», а само это выражение понимать как «с царем таурменов» (т.е. татар); ошибка широко распространена в позднейших хронографах¹²⁷.

Латухинская Степенная книга 1676 г.¹²⁸ Является результатом существенной переработки текста Степенной книги 1562 г. В ее рассказ внесены некоторые изменения в фактическом плане. Так, Котян назван «Константином»; упомянуто, что погибло 1000 русских князей, кроме Мстислава Галицкого, Михаила Черниговского и Владимира Рюриковича Киевского (так в тексте источника. — А.А.). Этот рассказ отразился в печатных изданиях Г.Ф. Миллера 1775 г. и ПСРА 1908 г. (в Главе 5 седьмой степени. В издании XVIII в. встречаются некоторые ошибки: «Калга» вместо «Калка»; «16 июля» вместо «16 июня»; некоторые участники событий Днепром выходят в море, а потом возвращаются в Днепр и пр.).

Летописи XVIII в.

Никаноровская летопись. Дополнения И.В. Пауса, не ранее 1705 г. В основе Никаноровской летописи лежит текст, близкий к Софийской I летописи старшей редакции. В самой Никаноровской летописи Повести о битве нет. Интерес представляет приложение II к ней (текст, вписанный на вкладных листах рукой магистра Иоганна Вернера Пауса (рукопись перешла к нему в 1705 г.; с 1724 г. в статусе переводчика Санкт-Петербургской академии наук он работал над сведением русских хроник)). Здесь Повесть помещена под двумя годами — 6733 и 6734. Под 6733 г. сообщается о разгроме монголами половцев и о двух монгольских посольствах. Называются две разные цифры численности русских — 100 000 и до 300 000. Зять Мстислава Романовича князь Александр назван «Дмитровским». Сообщается, что в войске союзни-

¹²⁷ Мазуринский летописец // ПСРА. М., 1968. Т. 31. С. 38, 68. См. подобную ошибку уже в Лаврентьевской летописи: ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 446.

¹²⁸ Латухинская Степенная книга. 1676 год. М., 2012. С. 203; Книга Степенная царского родословия, содержащая историю Российскую. М., 1775. С. 330–331; Книга Степенная царского родословия // ПСРА. СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1. С. 260.

ков участвовали и суздальские князья. В несколько иной форме называются галицкие выгонцы — «**Бауты и Гагалы и Воголци**» (почти так же, как в Никоновской)¹²⁹. Представлена красочная картина битвы: «**всюду мертвии лежаща и кровь, аки вода, лиящася**»¹³⁰.

После краткого обзора летописных текстов, рассказывающих о битве на реке Калке, необходимо подвести некоторые итоги. В смысле сообщаемых сведений наиболее надежными вариантами Повести следует считать три ее древнейших — в Новгородской I старшего извода, Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. Как уже было сказано, важнейшей из них является Новгородская I летопись, где сообщаются и точная дата события (31 мая), и более исправные сведения о количестве дней похода от Днепра до Калки (9, а не 8), и подробности трехдневной обороны Мстислава Романовича вплоть до деталей устройства его оборонительного лагеря («в колех», т.е. при помощи повозок). Вариант Повести о битве в Лаврентьевской летописи по причине его краткости следует ставить на третье место, а относительно сведений о битве из Ипатьевской летописи необходимо учитывать несколько обстоятельств. С одной стороны, повторяю этот важный тезис еще раз, первоначальный вариант рассказа о битве в летописи восходит к впечатлениям участника событий. Именно здесь впервые сообщается о «другой» (т.е. второй) реке Калке, и здесь же рассказывается о конечной точке монгольского преследования побежденных русских князей — небольшой крепости Новгороде Святополче на Днепре. С другой стороны, в тексте Ипатьевской летописи можно заметить пропуски (так, здесь не указана дата события), неточности и ошибки («людеи» вместо «лодеи», «по Днепру» вместо «по Днестру»); в него уже в XIII в. внесена редакторская правка, в результате которой и само сражение, и роль «старейших» князей оказались заслонены фигурой юного владими́ро-волы́нского князя Даниила Романовича, который «**бе бо дерзь и храборь, от главы и до ногоу его не бе на немь порока**»¹³¹.

Второй по степени надежности известий является группа летописей, несущих сокращенный вариант Повести о битве новгородского происхождения, — в первую очередь это Новгородская IV и Новгородская Карамзинская (по второй выборке) летописи. Но вызывают

¹²⁹ Никаноровская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 156–157.

¹³⁰ Там же. С. 156.

¹³¹ См. прим. 22 настоящей работы.

доверие далеко не все сведения, а только о численности первого монгольского посольства (10 человек) и продолжительности похода союзников — 17 дней.

Третья, менее надежная группа — это Софийская I летопись обеих редакций и близкие к ним общерусские летописи (Московско-Академическая, Вологодско-Пермская, Воскресенская). Летопись не вполне достоверна, но ее самой выигрышной стороной является форма подачи материала, объединяющая сведения из ранних источников. Эта форма в самых разных вариациях повторилась в поздних русских временниках вплоть до XVIII в. Группа общерусских летописей XV–XVI вв., как уже было сказано, представляет интерес только с точки зрения литературной истории Повести о битве. Они полны сомнительных подробностей. Видимо, единственной деталью, на которую стоит обратить внимание, является сообщение Тверского сборника о том, что дата 16 июня имеет отношение не к сражению, а к восшествию Владимира Рюриковича на киевский великокняжеский престол.

Недостоверными приходится признать все краткие сообщения о битве на Калке (кроме текста «Никифора патриарха Царяграда летописца вскоре»), а подробные известия русских летописей XVII–XVIII вв. следует считать крайне ненадежными.

REFERENCES

1. *Azbelev S.N.* Dve redaktsii novgorodskoy letopisi Dubrovskogo [Two editions of the Novgorod chronicle by Dubrovsky] // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. Vyp. 9. Novgorod, 1959. S. 219–228.
2. *Azbelev S.N.* Novgorodskie letopisi XVII v. [Novgorod chronicles of the XVII century]. Novgorod, 1960.
3. *Bobrov A.G.* Iz istorii letopisaniya pervoy poloviny XV veka [From the history of chronicle writing in the first half of the XV century] // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. 46. St. Petersburg, 1993. S. 3–20.
4. *Bobrov A.G.* Redaktsii Novgorodskoy chetvertoy letopisi [Editions of the Novgorod fourth chronicle] // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. 51. St. Petersburg, 1999. S. 107–136.
5. *Fomina T.Yu.* Izuchenie novgorodskogo letopisaniya v otechestvennoy istoriografii: Avtoref. kand. diss. [The study of the Novgorod chronicle in Russian historiography: Abstract cand. diss.] Kazan', 2006.
6. *Istrin V.M.* Otkrovenie Mefodiya Patarskogo i apokrificheskie videniya Daniila v vizantiyskoy i slavyano-russkoy literaturakh. Issledovaniya i teksty [The revelation of Methodius, Bishop of Patara, and the apocryphal visions of Daniel in Byzantine and Slavic-Russian literature. Studies and texts]. Moscow, 1897.
7. *Istrin V.M.* Otkrovenie Mefodiya Patarskogo i letopis' [Revelation of Methodius, Bishop of Patara, and chronicle] // Izvestiya Otdela russkogo yazyka i slovesnosti Akademii Nauk. T. 29. Leningrad, 1925.
8. *Keltuyala V.A.* Kratkiy kurs istorii russkoy literatury [A short course in the history of Russian literature]. Ch. 1. Kn. 1. St. Petersburg, 1912.
9. *Kloss B.M.* Spisok Tsarskogo Sofiyskoy I letopisi i ego otnoshenie k Voskresenskoy letopisi [List of the Sofia I Chronicle by Tsarskiy and its relation to the Voskresenskaya Chronicle] // Letopisi i khroniki. Moscow, 1984.
10. *Kloss B.M.* Predislovie k izdaniyu 1997 g. [Preface to the 1997 edition] // Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 1. Moscow, 1997 (Lavrent'evskaya letopis').

11. *Kloss B.M.* Predislovie k izdaniyu 2000 g. [Preface to the 2000 edition] // *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 15. Moscow, 2000 (Rogozhskiy letopisets. Tverskoy sbornik).
12. *Kloss B.M.* Predislovie k izdaniyu 2000 g. [Preface to the 2000 edition] // *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 16. Moscow, 2000 (Letopis' Avraamki).
13. *Kloss B.M.* Predislovie k izdaniyu 2000 g. [Preface to the 2000 edition] // *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 24. Moscow, 2000 (Tipografskaya letopis').
14. *Kloss B.M.* Predislovie k izdaniyu 2000 g. [Preface to the 2000 edition] // *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 9. Moscow, 2000 (Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu).
15. *Kloss B.M.* Vtoroe predislovie k izdaniyu 2000 goda [The second preface to the 2000 edition] // *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 4. Ch 1. Moscow, 2000 (Novgorodskaya chetvertaya letopis').
16. *Kloss B.M.* Predislovie k izdaniyu 2007 g. [Preface to the 2007 edition] // *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 18. Moscow, 2007 (Simeonovskaya letopis').
17. *Kniga Stepennaya tsarskogo rodosloviya, soderzhashchaya istoriyu Rossiyskuyu* [The Stepennaya book of the royal genealogy, containing the history of Russia]. Moscow, 1775.
18. *Kuchkin V.A.* Arseniy Nikolaevich Nasonov. Biografiya i tvorcheskiy put' [Arseny Nikolaevich Nasonov. Biography and career] // *Letopisi i khroniki*. Moscow, 1974.
19. *Kuchkin V.A.* Povesti o Mikhaile Tverskom [Tales of Mikhail Tverskoy]. Moscow, 1974.
20. *Kuchkin V.A.* Ob izdanii Rogozhskogo letopistsa [On the publication of the Rogozhsky chronicler] // *Drevnyaya Rus'. Problemy medievistiki*. 2004. № 3(17). S. 101–109.
21. *Latukhinskaya Stepennaya kniga. 1676 god* [Latukhinskaya Stepennaya book. 1676]. Moscow, 2012.
22. *Likhachev N.P.* Bumaga i drevneyshie bumazhnye mel'nitsy v Moskovskom gosudarstve [Paper and the oldest paper mills in the Muscovite state]. St. Petersburg, 1891.
23. *Litvinova Ye.V.* Spiski «Otkroveniya Mefodiya Patarskogo» v Drevlekhranilishche IRLI [Lists of the «Revelations of Methodius, Bishop of Patara» in the Ancient Storage of the IRI] // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. T. 37. Leningrad, 1983.

24. *Lur'ye Ya.S.* Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv. [All-Russian chronicles of the XIV–XV centuries]. Leningrad, 1976.
25. *Lur'ye Ya.S.* Letopisets Rogozhskiy [Chronicler Rogozhsky] // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Leningrad, 1989. Vyp. 2. Ch. 2. S. 22–23.
26. *Mayorov A.V.* Predislovie // Novgorodskaya pervaya letopis'. Berlinskiy spisok [Preface // Novgorod First Chronicle. Berlin List]. St. Petersburg: Scriptorium, 2010.
27. Mnenie chlena komissii N.P. Likhacheva o vremeni napisaniya sbornika, soderzhashchego tekst Rogozhskogo letopitsa, na osnovanii dannyykh filigranograficheskikh [Opinion of a member of the commission N.P. Likhachev about the time of writing the collection containing the text of the Rogozhsky chronicler, based on filigree data] // Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 15. Vyp. 1. Petrograd, 1922 (Rogozhskiy letopisets).
28. *Murav'yeva L.L.* Rogozhskiy letopisets XV veka [Rogozhsky chronicler of the XV century]. Moscow, 1998.
29. *Nasonov A.N.* Letopisnye pamyatniki Tverskogo knyazhestva [Chronicle monuments of the Tver Principality] // Izvestiya AN SSSR. Seriya 7. Leningrad, 1930. № 9. S. 709–738; № 10. S. 739–773.
30. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov [Novgorod first chronicle of the senior and junior editions]. Moscow; Leningrad, 1950.
31. *Novikova O.L.* Predislovie // Polnoe sobranie russkikh letopisey [Preface // Complete collection of Russian chronicles]. T. 43. Moscow, 2004 (Novgorodskaya letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo).
32. Otdel rukopisey RGB. Piskaryovskoe sobranie [Department of Manuscripts of the RSL. Piskarevsky collection]. F. 228. Doc. 176.
33. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 1. Vyp. 3. Leningrad, 1928 (Lavrent'evskaya letopis'. Prilozheniya: Prodolzhenie Suzdal'skoy letopisi po Akademicheskomu spisku. Ukazateli).
34. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 1. Moscow, 1962 (Lavrent'evskaya letopis').
35. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 1. Moscow, 1997 (Lavrent'evskaya letopis').
36. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 2. St. Petersburg, 1843 (Ipat'evskaya letopis'. Pribavlenie k Ipat'evskoy letopisi: Gustinskaya letopis').

37. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 2. Moscow, 1962 (Ipat'evskaya letopis').
38. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 3. Moscow, 2000 (Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov).
39. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 4. St. Petersburg, 1848 (Novgorodskie i pskovskie letopisi).
40. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 4. Ch. 1. Petrograd, 1915 (Novgorodskaya IV letopis').
41. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 4. Ch. 1. Vyp. 3. Leningrad, 1929 (Novgorodskaya IV letopis').
42. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 4. Ch. 1. Moscow, 2000 (Novgorodskaya chetvyortaya letopis').
43. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 4. Ch. 2. Vyp. 1. Petrograd, 1917 (Novgorodskaya V letopis').
44. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 5. Vyp. 1. Leningrad, 1925 (Sofiyskaya pervaya letopis').
45. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 5. Vyp. 1. Moscow, 2003 (Pskovskie letopisi).
46. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 6. Vyp. 1. Moscow, 2000 (Sofiyskaya pervaya letopis' starshego izvoda).
47. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 7. St. Petersburg, 1856 (Voskresenskaya letopis').
48. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 10. St. Petersburg, 1885 (Nikonovskaya letopis').
49. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 15. Moscow, 1965 (Rogozhskiy letopisets. Tverskoy sbornik).
50. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 16. St. Petersburg, 1889 (Letopis' Avraamki).
51. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 18. St. Petersburg, 1913 (Simeonovskaya letopis').
52. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 20. Ch. 1. St. Petersburg, 1910 (L'vovskaya letopis').

53. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 20. Moscow, 2005 (L'vovskaya letopis').
54. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 21. Ch. 1. St. Petersburg, 1908 (Kniga Steppennaya tsarskogo rodosloviya).
55. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 23. St. Petersburg, 1910 (Ermolinskaya letopis').
56. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 24. Petrograd, 1921 (Tipografskaya letopis').
57. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 25. Moscow; Leningrad, 1949 (Moskovskiy letopisnyi svod kontsa XV veka).
58. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 26. Moscow; Leningrad, 1959 (Vologodsko-Permskaya letopis').
59. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 27. Moscow; Leningrad, 1962 (Nikanorovskaya letopis'. Sokrashchennyye letopisnye svody kontsa XV veka).
60. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 28. Moscow; Leningrad, 1963 (Letopisnyy svod 1497 g.; Letopisnyy svod 1518 g.).
61. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 30. Moscow, 1965 (Vladimirskiy letopisets. Novgorodskaya vtoraya [Arkhivskaya] letopis').
62. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 31. Moscow, 1968 (Letopisty posledney chetverti XVII veka).
63. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 33. Leningrad, 1977 (Kholmogorskaya letopis'. Dvinskoy letopisets).
64. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 34. Moscow, 1978 (Postnikovskiy, Piskaryovskiy, Moskovskiy i Bel'skiy letopisty).
65. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 37. Leningrad, 1982 (Ustyuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVIII vekov).
66. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 39. Moscow, 1994 (Sofiyskaya I letopis' po spisku I.N. Tsarskogo).

67. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 42. St. Petersburg, 2002 (Novgorodskaya Karamzinskaya letopis’).
68. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 43. Moscow, 2004 (Novgorodskaya letopis’ po spisku P.P. Dubrovskogo).
69. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 45. Moscow, 2018 (Varshavskiy letopisnyi sbornik).
70. Potapov P. K voprosu o literaturnom sostave letopisi [To the question of the literary composition of the chronicle] // Russkiy filologicheskiy vestnik. T. 65. Warsaw, 1911. № 1.
71. Priselkov M.D. Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vekov [History of Russian chronicle writing in the XI–XV centuries]. Leningrad, 1940.
72. Priselkov M.D. Troitskaya letopis’. Rekonstruktsiya teksta [Troitskaya chronicle. Text reconstruction]. St. Petersburg, 2002.
73. Romanov V.K. Bitva pri reke Kalke i eyo otrazhenie v russkom letopisanii (istoriko-tekstologicheskoe issledovanie): diss. ... kand. ist. nauk [The battle of the Kalka River and its reflection in Russian chronicles (Historical and textual research): Diss. ... cand. of Hist. Sci.]. Moscow, 1983.
74. Sakharov V.A. Eschatologicheskie skazaniya i sochineniya v drevnerusskoy pis’mennosti i vliyanie ikh na narodnye dukhovnye stikhi [Eschatological legends and writings in ancient Russian literature and their influence on folk spiritual verses]. Tula, 1879.
75. Shakhmatov A.A. Razbor sochineniya I.A. Tikhomirova «Obzor letopisnykh svodov Rusi severo-vostochnoy» [Analysis of the essay by I.A. Tikhomirov «Review of the Chronicles of North-Eastern Rus’»]. St. Petersburg, 1899.
76. Shakhmatov A.A. Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv. [Review of Russian chronicles of the XIV–XVI centuries]. Moscow; Leningrad, 1938.
77. Shakhmatov A.A. Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv. [Review of Russian chronicles of the XIV–XVI centuries] // Razyskaniya o russkikh letopisyakh. Moscow, 2001.
78. Shibayev M.A. Sofiyskaya I letopis’ mladshey redaktsii: Avtoref. kand. diss. [Sofia I chronicle of the younger edition: Abstract cand. diss.]. St. Petersburg, 2000.
79. Sreznevskiy I.I. Drevnie pamyatniki russkogo pis’ma i yazyka (X–XIV vekov) [Ancient monuments of Russian writing and language (X–XIV centuries)]. St. Petersburg, 1882.

80. Steppennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneyshim spiskam [Stepennaya book of royal genealogy according to the most ancient lists]. T. 1. Moscow, 2007.
81. *Veselovskiy A.* Opyty po istorii razvitiya khristianskoy legendy [Experiments on the history of the development of the Christian legend] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1875, April. S. 283–331; 1876, May. S. 48–130.
82. *Vodovozov N.V.* «Povest' o bitve na reke Kalke» [«The tale of the battle on the Kalka River»] // Uchyonye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. T. 67. Vyp. 6. Moscow, 1957.

Ключевые слова:

Повесть о битве на реке Калке, «Калки», общерусские летописи, «Откровение Псевдо-Мефодия Патарского», монголы («татары»), половцы, русские князья, Александр Попович.

Andrey A. Astaykin

THE TALE OF THE BATTLE OF KALKA RIVER IN RUSSIAN CHRONICLES OF THE 13TH—18TH CENTURIES

The article presents a textual analysis and chronicle categorization of paragraphs from different Russian Chronicles depicting the Tales of the 1223 Battle of Kalka River. The factual data has been thoroughly examined (including names, number of troops and losses, chronicle and geographical details, sequence, and participants of the historical events). These create a basis for further investigation of textual overlap or possible losses. As a result, three chronicles have been derived as the most authentic — the First Novgorod Chronicle (especially), the Laurentian Codex, and the Hypatia Codex. They are followed by a group of annual chronicles consisting of a shortened variations of Novgorodian Chronicle (the Fourth and the Fifth Novgorodian Chronicles, Novgorodian Karamzin Codex, Novgorodian chronicle according to P.P. Dubrovsky's copy).

The third level for reliability of the data is a set of the all-Russian chronicles of 15th–17th centuries (the First Sofia's Codex, Moscow Academic, Vologda-Perm, Voskresenskaya chronicles, Tver collection as a Vast edition of the Tale, etc.). These are of an interest exclusively in relation to the literary history of the text.

The unreliable short chronicle records (except the text of Patriarch Nicephorus the annalist of Tsarigrad) that require comprehensive examination for the news of the Russian chronicles of 17th and 18th centuries are otherwise noted.

Key words: the Tales of the Battle of Kalka River, «Kalki», All-Russian Chronicles, «Apocalypse of Pseudo-Methodius», Mongol (Tartar), Kuman, Princes of Rus', Alexandr Popovich.

Andrey A. Astaykin — Independent Researcher.

 Астайкин Андрей Анатольевич

независимый исследователь

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.45.003

В.Н. Рудаков

ПАМЯТЬ О ДВУХ БИТВАХ ЭПОХИ БАТЫЕВА НАШЕСТВИЯ

удя по дошедшим источникам, сопротивление завоевателям во время нашествия Батгя, главным образом, оказывали жители русских городов¹. В отличие от стран Азии и государств Восточной Европы, «при прохождении монгольских войск через русские земли почти не было полевых сражений», организованных силами местных князей². В источниках упоминаются лишь три военных столкновения с татарами, случившихся за пределами крепостных стен: два из них приходятся на время похода Батгя на Северо-Восточную Русь — это сражения под Коломной и на реке Сити³. Обе битвы окончились победой завоевателей. Однако это были совершен-

¹ Рапов О.М. Русские города и монгольское нашествие // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 77.

² Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 181.

³ Третье сражение произошло под стенами Чернигова осенью 1239 г. во время похода монголов на Южную Русь, когда князь Мстислав Глебович, «слышавъ же нападение на град иноплеменьных, приде на ны со всими вои. Бившимъся имъ, побѣжень бысть Мъстиславъ, и множество от вои его избъенымъ бысть, и градъ взяша и запалиша огньмъ». См.: ПСРА. Т. 2. М., 1998 (Ипатьевская летопись). Стб. 782. В Лаврентьевской летописи сам факт взятия татарами Чернигова упомянут, однако о действиях князя Мстислава ничего не говорится. См.: Там же. Т. 1. М., 1997. Стб. 469.

но разные сражения. Разной оказалась и память о них: первое было почти забыто, второе — явно переоценено потомками. Почему так случилось?

Битва без героя

Многие годы сражение под Коломной, произошедшее в самом конце декабря 1237-го или в начале января 1238 г. на границе Рязанского и Владимирского княжеств, рассматривалось историками «просто как стычка передового отряда *владимирской* рати (чуть ли не «сторожи») с татарскими авангардами» (курсив мой. — В.Р.)⁴. В действительности же это был один из самых героических эпизодов борьбы с захватчиками, и главную роль в нем сыграли, судя по всему, вовсе не владимирцы.

Специфика коломенского сражения была обусловлена несколькими факторами. Во-первых, под Коломной монголам противостояли соединенные полки сразу нескольких правителей русских земель: рязанского князя Романа Ингваревича, присоединившегося к нему названного в летописи только по отчеству пронского князя кюр-Михайловича, а также старшего сына великого князя владимирского — Всеволода Юрьевича, пришедшего к Коломне вместе с воеводой Еремеем Глебовичем. Во-вторых, во время сражения был смертельно ранен один из крупных ордынских военачальников, младший сын Чингисхана (т.е. родной дядя хана Батгя) по имени Кулькан. Об этом сообщается в «Сборнике летописей» персидского историка и государственного деятеля Рашид ад-Дина, писавшего в начале XIV в.: «...они овладели также городом Ике [*Коломна*]. Кулькану была нанесена там рана, и он умер. Один из русских эмиров, по имени Урман [*Роман*], выступил с ратью (против монголов), но его разбили и умертвили»⁵. Событие было явно неординарным: Кулькан оказался едва ли не единственным погибшим в ходе «западного похода» монгольской армии царевичем-чингизидом: видимо, именно поэтому сражение под Коломной и попало в анналы персидского историка.

Вообще рассказ Рашид ад-Дина о завоевании Руси весьма лаконичен и содержит сведения лишь о нескольких эпизодах нашествия — осадах городов «Арпан» (считается, что так персидский историк именовал Рязань), «Ике» (Коломна — по созвучию с названием Оки, на которой стоит город), «Макар» (некоторые исследователи полагают, что речь

⁴ Каргалов В.В. Русь и кочевники. М., 2008. С. 146.

⁵ Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. С. 407.

могла идти о Москве), а также «города Юргия Великого» (вероятнее всего, Владимира-на-Клязьме)⁶. Интересно, что при этом Рашид ад-Дин упоминает по имени и сообщает о действиях только трех русских князей, остальные имена используя лишь как топонимические ориентиры. Об одном из этих князей говорится, что он был убит (некто «Улайтимур» — если судить по созвучию, то это, вероятно, правивший в Москве князь Владимир Юрьевич: согласно Лаврентьевской летописи (далее — Лавр.), он был пленен татарами, приведен под стены Владимира и затем убит⁷), о другом («Ванке-Юрку», вероятно, великий князь Юрий Всеволодович) — что он бежал в лес, а затем был пойман и умерщвлен. И лишь о князе Романе (в «Сборнике летописей» он назван «Урманом») сообщается, что тот выступил против монголов и бился с ними. «Эта неожиданная дань уважения коломенскому князю была высказана спустя 70 (!) лет в далекой Персии, причем его имя, в отличие от многих других, приводилось практически без изменений: *Ур-ман / Ро-ман*. Пожалуй, сложно придумать лучший памятник храброму воину», — справедливо отмечал по этому поводу современный исследователь Д.Г. Хрусталеv⁸.

Казалось бы, подвиг защитников рязанской земли и, прежде всего, главного героя битвы под Коломной — князя Романа Ингваревича должен был занять достойное место и в русской исторической памяти. Однако в ранних летописных источниках, легших в основу всех последующих рассказов о нашествии и составленных ненамного раньше (70-е гг. XIII в. — начало XIV в.) «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, информация о битве под Коломной оказалась едва ли не более лаконичной, чем в сочинении персидского историка. И если о смертельном ранении царевича-чингизида русские книжники вполне могли не знать, то уж имя князя, героически сражавшегося под стенами Коломны, им должно было быть известно наверняка. Однако князь Роман Ингваревич упоминался только в одном из трех ранних летописных рассказов о нашествии Батыеv — в статье Новгородской первой летописи старшего извода (далее — НПЛ), которая, судя по всему, передавала информацию своего рязанского источника⁹. Две другие летописи — Ипатьевская (да-

⁶ Там же.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461–462.

⁸ См. подробнее: Хрусталеv Д.Г. Русь от нашествия до «ига». 30–40 гг. XIII в. СПб., 2008. С. 99–100.

⁹ Комарович В.Л. Рязанский летописный свод XIII века // История русской литературы. Т. II. Ч. I. М., Л., 1945. С. 75; Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 184–187.

Князя Всеволод Юрьевич и Роман Ингварович готовятся к обороне Коломны.
 Миниатюра. Лицевой летописный свод

лее — Ипат.) и Лавр., в которых также содержатся рассказы о событиях под Коломной, о князе ничего не сообщали.

По версии Лавр., под Коломной сражался только владимирский отряд во главе с князем Всеволодом Юрьевичем и воеводой Еремеем Глебовичем¹⁰. Ипат. же рассказывала об участии в сражении еще и некоего князя кюр-Михайловича («то слышавъ великий князь Юрьи посла сына своего Всеволода со всеми людми и с нимъ кюръ Михайловичъ. Батыеви же устремлешюся на землю Суждальскую, и сръте и Всеволодъ на Колоднѣ, и бившимся имъ и падъшимъ многимъ от нихъ от обоихъ»)¹¹. При этом про Романа в обеих летописях не сказано ни слова. НПЛ, наоборот, ничего не сообщала об участии в сражении князя Всеволода Юрьевича и кюр-Михайловича. Вслед за известием о том, что «иноплеменьници погании оступиша Рязань и острогомъ оградиша», а князь Юрий Ингваревич «затворися въ градъ с людми», НПЛ рассказывала, что его брат князь Роман Ингваревич «ста битися противу ихъ (татар. — В.Р.) съ своими людьми» под Коломной. Именно туда владимирский князь Юрий Всеволодович направил свой отряд, который, по версии НПЛ, возглавлял не князь Всеволод, а воевода Еремей Глебович: «князь же Юрьи Во-

¹⁰ ПСРА. Т. 1. Стб. 460.

¹¹ Там же. Т. 2. Стб. 778–779.

лодимирьскыи тогда посла Еремѣя въ сторожихъ воеводою, и сняся с Романомъ. И оступиша ихъ Татарове у Коломны, и бишася крѣпко, и прогониша ихъ к надолобомъ, и ту убиша князя Романа и Еремѣя. И много паде ту съ княземъ и съ Еремѣемъ»¹².

Впрочем, Лавр. и Ипат., упоминая об участии в событиях под Коломной Всеволода Юрьевича, сообщают, что он, в отличие от «иных мужей многих», не пострадал. Согласно Ипат., «побѣжену бывшу Всеволоду, исповѣда отцю бывшую брань устремленныхъ на землю и грады его»¹³. Лавр. подтверждает эту версию: «и убиша у Всеволода воеводу Еремѣя Глѣбовича и иных мужии много убиша у Всеволода, и прибѣжа Всеволодъ в Володимеръ в малъ дружинѣ, а Татарове идоша к Москвѣ»¹⁴. Так что составители и Ипат, и Лавр. все-таки знали некоторые подробности сражения у Коломны и тем не менее не упомянули об участии в нем рязанского князя Романа Ингваревича. Между тем он, вероятнее всего (об этом пишет НПА, передающая не дошедший рязанский источник, и эта информация подтверждается сведениями Рашид ад-Дина), был центральной фигурой сражения и разделил трагическую судьбу пришедших ему на помощь владимирского воеводы Еремея Глебовича и «иных мужей многих».

С чем могло быть связано невнимание летописцев к фигуре героически погибшего князя Романа? Вероятно, версия новгородского летописца, в которой главным действующим лицом сражения оказывался представитель рязанской династии, а роль владимирцев была сугубо вспомогательной, не устраивала составителя рассказа о событиях, отразившегося в Лавр. Более того, в изображении НПА получалось так, что из всех русских князей реальное сопротивление монголам оказали именно рязанские князья, тогда как владимирские (и Всеволод Юрьевич, которому впоследствии будет поручена оборона Владимира, и его отец Юрий Всеволодович, о котором речь пойдет дальше) фактически отказались от борьбы с завоевателями¹⁵. Поэтому составители рассказов Лавр. и Ипат. нарисовали иную картину. Согласно их версиям, глав-

¹² Там же. Т. 3. М., 2000. С. 75.

¹³ ПСРА. Т. 2. Стб. 779.

¹⁴ ПСРА. Т. 1. Стб. 460. По мнению новейшего биографа великого князя Юрия Всеволодовича А.А. Кузнецова, княжич «под впечатлением от увиденного (и невидимого ранее) побоища по глубоким снегам бежал во Владимир». См.: Кузнецов А.А. Князь великий Георгий. Основатель Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 2017. С. 161.

¹⁵ Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV в. 3-е изд., испр. и доп. М., 2017. С. 71–72.

Воевода Еремей Глебович встречает князей. *Миниатюра. Лицевой летописный свод*

ной фигурой сражения под Коломной был владимирский князь Всеволод Юрьевич. Однако при всех симпатиях к этому князю («своему», по крайней мере, для составителя Лавр.) превратить его в подлинного героя сражения было затруднительно даже владимирцу, ведь князь Всеволод, в отличие от героически погибшего в бою Романа, спасся бегством во Владимир. В итоге рассказ о коломенской битве в изложении Лавр. и Ипат. оказался своего рода «поэмой без героя», хотя, в действительности, это было не так: как раз в этом сражении настоящий герой был.

Всеволод и примкнувший к нему Роман

В более поздних летописных сводах рассказ о сражении под Коломной претерпевал существенные изменения, однако все они также были «не в пользу» Романа Ингваревича. Так, в схожих между собой рассказах Новгородской IV, Софийской I и Новгородской Карамзинской летописей, отражающих общерусский свод митрополита Фотия (первая четверть XV в.¹⁶), информации Лавр. отдавалось большее предпочтение, и в итоге на первом месте среди участников сражения также оказывался

¹⁶ Бобров А.Г. Летописный свод митрополита Фотия (Проблема реконструкции текста) // ТОДРА. СПб., 2001. Т. 52. С. 99–137.

владимирский князь Всеволод Юрьевич. При этом Роман Ингваревич хоть и упоминался (в отличие от Лавр.), но отодвигался составителями летописного рассказа на второй план: «Тое же зимы *пойде Всеволодъ*, сынъ Юрьевъ, внукъ Всеволожъ, и князь Романъ Инъвгоровичъ съ своими вои из Володимеря противу татаромъ. Князь же Юрьи Володимерьскыи тогда посла Еремѣя Глѣбовича въ сторожѣхъ воеводою»¹⁷. При этом в результате редакторской работы составителя свода получалось, что Роман Ингваревич вместе с Всеволодом Юрьевичем отправился к Коломне... из Владимира, что явно противоречило не только логике событий, но логике изложения ранних летописных рассказов о нашествии.

В более позднем Московском своде 1479 г. и в зависящих от него летописях князь Роман был отодвинут и вовсе на третий план, потому что, согласно предложенной летописцами трактовке, инициатором похода на татар, как и в повествовании Ипат., оказывался... великий князь Юрий Всеволодович: «Князь же великии Юрьи посла противу им сына своего Всеволода из Володимеря, и с ним князь Романъ Инъвгорович с вои своими, а воеводу своего Еремѣя Глѣбовича посла князь Юрьи напред в сторожих»¹⁸. Эта же трактовка впоследствии оказалась и в Никоновской летописи¹⁹, составленной в 1520–1530-е гг. и легшей в основу других летописных памятников XVI в., а также многих последующих исторических сочинений о нашествии Батыя²⁰.

Схожая версия нашла отражение и в составленной в совершенно иную эпоху «Скифской истории» Андрея Лызлова (окончена в 1692 г.²¹). В ней Роман Ингваревич также упоминается лишь на треть-

¹⁷ ПСРА. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 215–216. Ср.: Там же. Т. 42. СПб., 2002. С. 112; Там же. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. С. 290.

¹⁸ ПСРА. Т. 25. М., 2004. С. 127.

¹⁹ Там же. Т. 10. М., 2000. С. 106. См.: Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 51.

²⁰ См.: Лицевой летописный свод XVI в. Русская летописная история. Кн. 5. 1217–1241 гг. М., 2014. Л. 311 об.; Путь к граду Китежу. Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах / подг. текстов и иссл. А.В. Сиренова. СПб., 2003. С. 63.

²¹ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 306. Одним из источников А. Лызлова была Степенная книга, опиравшаяся, в свою очередь, на повествование Никоновской летописи. Однако в Степенной книге, составленной на рубеже 1550–1560-х гг. и оказавшей огромное влияние на последующее историописание (см., напр.: Усачев А.С. «Долгий XVI век» российской историографии // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 109–112), рассказу о коломенской битве места и вовсе не нашлось. Города, которые покорил Батый, там перечислялись через запятую, без подробностей: «Преблагий Богъ хотя конечнаго запустѣнія свободити насъ, тогда же мучительнѣшаго варвара кровоядного царя Батыя, отъ Восточныя страны на-

Князь Юрий Всеволодович. Фреска Архангельского собора Московского Кремля. XVII в.

ем месте. При этом роль великого князя владимирского Юрия Всеволодовича (названного в «Скифской истории» московским князем) оказывается еще более преувеличенной: «По сем (т.е. после взятия Рязани. — В.Р.) погании поидоша к Коломне. Великий же князь Юрье Всеволодичь московский, слышав такое бедство и видев себе не могуща брани составити с ними неравности ради множества поганых, отъиде во град Владимир со княгинею и с чады. Старейшаго же сына своего Владимира (на самом деле старшим сыном был Всеволод. — В.Р.) на Москве остави, заповедав крепче бранитися с погаными. Воинства же, елико возможе собрати, собрав, посла противо татаром. С ними же посла сына своего Всеволода, да князя Романа Инсвороговича, да воеводу Еремиа Глебовича. Тии же шедше к Коломне и тамо учиниша велию брань с погаными. Всяко же от множества их побеждени быша

веде на Русьскую землю *первѣ на Рязань, потомъ же на Коломну и на Москву и на Владимиръ и на инья многія грады*» (ПСРА. Т. 21. 1-я пол. СПб., 1908. С. 262). Даже в знаменитой «Повести о разорении Рязани Батыем», дошедшей в версии, составленной не ранее середины XVI в. (см.: Поппэ А.В. К начальной истории культа св. Николая Зараского // Essays to Honor of A.A. Zimin. Columbus, 1983. С. 289, 296; Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 415), в которой фигурирует легендарный герой Евпатий Коловрат, реальный персонаж событий — князь Роман Ингваревич — и вовсе оказался не упомянут (см.: ПЛДР. XIII век. Л., 1981. С. 184–199).

христиане и толико избиени, яко едва сам князь Всеволод в мале дружине убежа во Владимир»²².

Версия Московского свода 1479 г., в соответствии с которой главным организатором отпора татарам под Коломной являлся великий князь Юрий Всеволодович, отразилась и в первых научных сочинениях, созданных в XVIII в. При этом в ряде из них (В.Н. Татищев, Екатерина II) князь Роман Ингваревич, так же как и в своде 1479 г., продолжал оставаться на третьих ролях в качестве посланного вместе с Всеволодом Юрьевичем к Коломне военачальника. В создававшейся в 1730–1740-е гг. «Истории Российской» В.Н. Татищев написал, что «послал князь великий к Коломне сына своего князя Всеволода Юрьевича, и с ним рязанского князя Романа Ингоревича со всеми оставшимися войсками рязанскими. Воеводу же Еремея Глебовича послали в передовой страже, и оные сошлись все у Коломны»²³.

В созданных несколько позднее сочинениях М.М. Щербатова (1770-е гг.) и И.М. Стриттера (1780-е гг.), вероятно, в этой части опиравшихся на более ранние летописные свидетельства, роль Романа Ингваревича была скорректирована: согласно их сочинениям, посланный отцом Всеволод соединялся с Романом и другими рязанскими князьями, уже находившимися под Коломной. Так, М.М. Щербатов писал, что «князь Георгий, увидев ясно, что разорение княжения Рязанского может навлещи несчастья и разорение его княжению Владимирскому, послал сына своего Всеволода, придав ему воеводу Еремея Глебовича с войском на помощь к князьям рязанским, которые пришед по разорении и опустошении Рязани, довольствовались присоединиться к Роману Инваревичу, стоящему у Коломны, для защищения прочих Российских стран»²⁴. И.М. Стриттер описал события схожим образом: «тогда великий князь Юрий Всеволодович послал сына своего Всеволода с некоторым числом войска и с воеводою Еремеем Глебовичем к одному городу, где они соединились с князем Романом Инваревичем и с остальными рязанскими войсками»²⁵.

²² Лызлов А. Скифская история. М., 1990. С. 22.

²³ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 3. М., 1774. С. 470. Екатерина II в своих «Записках касательно российской истории» в этом месте в точности воспроизвела текст В.Н. Татищева. Ср.: Екатерина II. Записки касательно российской истории. Ч. V. СПб., 1801. С. 67.

²⁴ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. II. СПб., 1771. С. 563–564.

²⁵ Стриттер И. История Российского государства. Ч. II. СПб., 1801. С. 50.

Не сильно отклонился от «магистральной» владимирской трактовки событий и Н.М. Карамзин. Первым назвав сражение под Коломной «битвой» и убрав при этом из рассказа упоминание о роли великого князя в ее организации, он, тем не менее, на первое место поставил Всеволода Юрьевича: «Батый близ Коломны встретил сына Георгиева, Всеволода. Сей юный²⁶ князь соединился с Романом Ингоровичем, племянником Юрия Рязанского, и неустрашимо вступил в битву, весьма неравную. Знаменитый воевода его, Еремей Глебович, князь Роман и большая часть из дружины погибли от мечей татарских; а Всеволод бежал к отцу в Владимир»²⁷.

Загадки Ситской битвы

В исторической памяти об эпохе Батыева нашествия сражение под Коломной было вытеснено на второй план рассказом о «битве на реке Сити», произошедшей 4 марта 1238 г. Связано это было с тем, что в ней принял участие великий князь владимирский Юрий Всеволодович. Восприятие его как «главного среди князей» в летописании Северо-Восточной Руси, а затем и в историописании Московской Руси, предопределило то преувеличенное значение, которое придавалось и сражению на Сити, и действиям самого Юрия. На этом фоне некоторые важные особенности поведения великого князя в период нашествия ушли на второй план, оставшись за рамками летописного повествования.

Прежде всего это касается причин отъезда великого князя из хорошо укрепленного Владимира и его появления с «малой дружиной» на реке Сити, находившейся, по выражению В.А. Кучкина, «на самом краю владений суздальских Рюриковичей»²⁸. В историографии анализ этого сюжета традиционно опирается на трактовку, предложенную составителем Лавр.: «Тое же зимы выѣха Юрьи из Володимеря в малѣ дружинѣ, урядивъ сыны своя в собе мѣсто Всеволода и Мстислава. И ѣха на Вольгу с сыновци своими с Васильком, и со Всеволодом, и с Володимером, и ста на Сити станом, а ждучи к собѣ брата своего Ярослава с полкы и Святослава с дружиною своею. И нача Юрьи князь великый совкупляти

²⁶ В реальности Всеволоду Юрьевичу было неполных 25 лет. Согласно Лавр., князь родился 23 октября 6721 мартовского, т.е. 1213 г. См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 438. Березков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 103.

²⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1991. Т. II–III. М., 1991. С. 509.

²⁸ Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 14.

воѣ противу татаром, а Жирославу Михайловичю приказа воеводство в дружинѣ своеи...»²⁹

Но почему могущественный правитель Суздальской земли в решающий для своего княжества час оказался именно в этом забытом Богом месте? На этот счет Лавр. не дает ответа. В науке есть разные точки зрения на этот счет. О том, что Юрий Всеволодович рассчитывал, что, «собрав войско, успеет спасти отечество и столицу», писал еще Н.М. Карамзин³⁰. Точно так же трактовал события Г.В. Вернадский, по мнению которого, Юрий покинул Владимир, «очевидно полагая, что город выдержит осаду до тех пор, пока он освободит его с новой армией, которую он планировал собрать на севере»³¹. Такой же точки зрения придерживались и большинство советских историков³². До сих пор многие, даже самые, казалось бы, scrupulous исследователи продолжают принимать на веру версию Лавр., отмечая, что либо «Юрий решил уехать из Владимира на северные окраины княжества и собирать там войско для войны с татарами»³³, либо «решил применить самую известную впоследствии русскую тактику затягивания противника вглубь страны»³⁴. На основе такого прочтения источника и сформировалось широко распространенное мнение, согласно которому на берегах затерянной в далеких лесах крохотной речки Сити произошло едва ли не одно из важнейших событий эпохи Батыева нашествия и даже нечто более значительное³⁵. Однако подобные интерпретации опираются лишь на весьма предвзятое по отношению к великому князю сообщение Лавр.

Другие ранние летописи иначе описывают события. Согласно НПЛ, правитель Суздальской земли изначально не собирался драться с врага-

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461.

³⁰ Впрочем, он же в другом месте отмечал, что князь «по безрассудной надменности допустил татар до столицы, не взяв никаких мер для защиты государства» (курсив мой. — В.Р.). Ср.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II—III. М., 1991. С. 510; Т. IV. М., 1992. С. 8.

³¹ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 59.

³² См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XI—XV вв. Ч. 1. М., 1953. С. 832; Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей. 2-е изд. М., 1977. С. 195 и др.

³³ Карпов А.Ю. Батый. М., 2011. С. 64.

³⁴ Хрусталева Д.Г. Указ. соч. С. 106–108.

³⁵ В ходе проходившего в одном из регионов страны празднования 780-летия событий на реке Сити это сражение на высоком официальном уровне назвали даже «одной из величайших битв в истории нашей страны». См.: Ситская битва 1238 года. Исторические и творческие заметки. Брейтово, 2018. С. 4 (<http://www.breytovo.ru/documents/00lymws5.pdf> — дата обращения 1 июня 2023 г.).

Битва на реке Сити. Миниатюра из *Жития Ефросинии Суздальской*

ми: «князь же Юрьи выступи изъ Володимиря и бѣжа на Ярославль». Автор рассказа НПЛ отметил также, что татары «погнашася по Юрьи князи», и только узнав об этом, тот «начал полкъ ставити около себе». Но было поздно: «не успѣвъ ничто же», он опять «побѣже», в результате чего оказался на реке Сити. Здесь татары и настигли Юрия, «и животь свои сконча ту». «Богъ же вѣсть, како скончася: много бо глаголють о немъ инии»³⁶, — констатировал новгородец. Как отметил А.Ю. Бородихин, в НПЛ «речь идет уже не о борьбе, не сопротивлении врагу, а только о бесславной, в глазах новгородца, гибели великого князя»³⁷. Версия НПЛ о бегстве великого князя полностью подтверждается сообщением Рашид ад-Дина («эмир этой области Ванке Юрку бежал и ушел в лес: его также поймали и убили»³⁸). Ипат. и вовсе сообщает, что Юрий был убит еще до взятия татарами Владимира, т.е. фактически не успев принять участие в отражении нашествия. О событиях же на реке Сити в этой летописи вообще не упоминается: «Юрьи же князь, оставивъ сынъ свой во Володимерѣ и княгиню, изииде изъ града, и совокупляюще ему около

³⁶ ПСРА. Т. 3. С. 76.

³⁷ Бородихин А.Ю. Цикл повестей о нашествии Батые в летописных и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв. Дисс. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Новосибирск, 1989. С. 53.

³⁸ ПСРА. Т. 3. С. 75. Ср.: Золотая Орда в источниках. Т. 1... С. 407.

себе вои, и не имѣющу сторожии, изъѣханъ бысть безаконнымъ Бурондаема, весь городъ изогна и самого князя Юрья убиша»³⁹. Ничего не было известно о сражении на реке Сити и такому весьма осведомленному современнику событий, как сплитский архидиакон Фома: «Сначала они (татары. — В.Р.) окружили и осадили один очень большой город христиан по имени Суздаль и после долгой осады не столько силой, сколько коварством взяли его и разрушили, а самого короля по имени Георгий они предали смерти (курсив мой. — В.Р.) вместе с огромным множеством его народа»⁴⁰. Таким образом, только в рассказе Лавр., написанном во многом с целью прославления погибших владимирских князей, содержится информация, согласно которой Юрий Всеволодович выехал из столицы, чтобы собрать войска для дальнейшей борьбы с татарами.

Между тем даже Лавр. не позволяет судить о том, что, очутившись на реке Сити, великий князь готовился оказать сопротивление татарам. Если не брать в расчет молитвы, которые, согласно Лавр., перед боем произносил Юрий Всеволодович, то в сухом остатке картина «битвы» даже в комплиментарном по отношению к Юрию источнике оказывается весьма странной. «*Внезапу <...> поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю. Слышав же (об этом) князь Юрги с бротом своимъ Святославом, и с сыновци своими Василком, и Всеволодом, и Володимером, и с мужи своими, поидоша противу поганым. И ступишиа ся обои, и бысть стѣча зла, и побѣгоша наши пред иноплеменники. И ту убьенъ бысть князь Юрьи»*⁴¹. При этом, если доверять сообщениям Лавр. до конца (а другие источники такой хронологической информации не содержат), стоит признать: времени на подготовку к бою у Юрия было предостаточно. Татары оказались у стен Владимира 3 февраля — к этому времени великий князь уже покинул столицу своих владений. А события на реке Сити Лавр. датирует 4 марта 1238 г.⁴² Значит, в общей сложности Юрий Всеволодович перемещался по заснеженным лесам и равнинам самого глухого угла Суздальской земли больше месяца. За это время, согласно Лавр., татары «взяша городовъ 14, опрочъ свободъ и погостовъ»⁴³, однако Юрий к сражению оказался совершенно не готов. Получается, даже Лавр. содержит такие детали описания действий великого князя, которые плохо соотносятся с информацией о его намерении дать бой татарам.

³⁹ ПСРА. Т. 2. Стб. 779.

⁴⁰ См.: Фома Сплитский. История архиепископов Салона и Сплита. М., 1997. С. 104.

⁴¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 465.

⁴² Подробнее об этих датах: Кучкин В.А. Указ. соч. С. 8–9.

⁴³ ПСРА. Т. 1. Стб. 464.

«Луче бы ми умрети, нежели жити»

В силу этого нет сколько-нибудь серьезных причин считать, что рассказ, который составлялся в Новгороде (НПЛ), менее достоверен, чем рассказ, который редактировался во Владимире (Лавр.). Скорее, наоборот: есть основания полагать, что составитель рассказа НПЛ (как установил А.А. Гишпиус, это Тимофей пономарь, который был автором текста летописи за 1228–1274 гг.⁴⁴) опирался на рассказы участников событий. В.А. Кучкин считает, что создававший в XIII в. источник этой летописи пономарь Тимофей «специально интересовался судьбой Юрия Всеволодовича и расспрашивал о нем многих людей», тем более что «после боя на р. Сити многие воины Юрия, скорее всего, бежали в лежавшие рядом новгородские земли и вскоре оказались в самом Новгороде»⁴⁵.

К тому же в пользу версии о бегстве князя говорят также косвенные данные. Учитывая расположение реки Сити, можно утверждать, что непроходимая местность на севере подконтрольных Юрию территорий в гораздо большей степени подходила для того, чтобы скрываться от неприятелей, нежели для того, чтобы собирать силы, готовясь к нанесению им ответного удара. Здесь не было укрепленных пунктов и невозможно было пополнить те скудные ресурсы, которые «малая дружина» Юрия захватила с собой из Владимира — ни фуража лошадям, ни питания воинам, ни подкреплений за счет жителей окрестных селений. «Углубившись в болотистые дебри, Юрий сам себе устроил ловушку, причем безвыходную», — отмечал К.И. Комаров⁴⁶. Как полагают современные исследователи, вполне вероятно, что «в дальнейшие планы Юрия вовсе не входило давать врагу генеральное сражение, во всяком случае, таким сражением нельзя считать стычку с одним из татарских отрядов на р. Сити, в которой Юрий бесславно погиб»⁴⁷.

При этом нужно учитывать, что отъезд Юрия Всеволодовича вполне вписывался в норму поведения значительной (если не большей) части известных нам правителей русских земель того нелегкого времени. По моим подсчетам, из 37 князей, упомянутых по именам в ранних ис-

⁴⁴ Гишпиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 6 (16). СПб., 1997. С. 8–12.

⁴⁵ См. подробнее: Кучкин В.А. Указ. соч. С. 7–8, 14–15.

⁴⁶ Комаров К.И. О нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь в 1237–1238 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 91–92.

⁴⁷ Майоров А.В. Завоевание русских земель в 1237–1240 годах // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 91.

точниках, повествующих о нашествии Батые (Лавр., НПЛ и Ипат.) за период с декабря 1236 г. по 1241 г. (включительно), примерно треть князей погибли (13, в том числе и бежавший, согласно НПЛ, Юрий Всеволодович), один князь, возможно, попал в плен⁴⁸, незначительное число (5) в момент нашествия находилось на безопасном расстоянии от татар, остальные же (почти половина от общего числа!) либо точно бежали, о чем есть соответствующие указания источников (5), либо сделали это с большой долей вероятности (13). При этом в дошедших до нас произведениях книжности, посвященных событиям периода нашествия Батые, нет и намека на осуждение князей за бегство от монголов. Наоборот: успешное бегство правителя подавалось книжниками как результат Промысла Божьего, защитившего того или иного князя от его врагов⁴⁹. В этом контексте НПЛ не рассказывала о великом князе владимирском ничего такого, что выходило бы за рамки распространенного в годы нашествия поведения многих других правителей русских земель. Однако у составителя рассказа Лавр., который все-таки не стал упоминать о бегстве Юрия Всеволодовича, а изложил дело так, что князь якобы готовился дать татарам вооруженный отпор, судя по всему, был иной взгляд на произошедшее.

Вероятнее всего, причину этому следует искать в том, что возможное бегство великого князя владимирского, в отличие от аналогичных поступков других правителей русских земель, завершилось *не спасением* Юрия Всеволодовича от врагов, а его *гибелью*. А значит, параллель с бегством, являющимся дарованным Господом способом «избавления», в данном случае явно не срабатывала: коль скоро замысел Юрия не удался, значит, Господь оказался не на его стороне.

Составитель же Лавр. явно стремился создать панегирик погибшему правителю Суздальской земли. При этом ему неизбежно приходилось считаться с тем, что рассказ о полководческих талантах Юрия Всеволодовича по определению не мог лечь в основу такого панегирика, ведь как раз эти таланты князь и не проявил. Вероятно, именно с данным обстоятельством связано стремление преподнести историю гибели Юрия

⁴⁸ Вывод о пленении князя Олега Ингваревича делается на основе отрывочного сообщения Лавр. См.: ПСРА. Т. 1. Стб. 472. Аргументы в пользу неправомерности подобной трактовки см.: *Воротынцев А.В.* «Ордынский плен» рязанского князя Олега Ингваревича Красного (1238–1258 гг.): от историографического мифа к историческим реалиям // *Золотоордынское обозрение*. 2021. Т. 9. № 4. С. 733–748.

⁴⁹ См. подробнее: *Рудаков В.Н.* События на реке Сити в контексте поведения правителей русских земель в годы нашествия Батые // *Вестник МГУ. Серия 8. История*. 2023. № 1. С. 3–26.

в ином смысловом контексте — не как бегство, а как неудавшееся военное приготовление (частью которого был отъезд из столицы) и последующую гибель, с которой князь внутренне уже смирился. Юрий показан в Лавр. как человек, готовый к предстоящей искупительной жертве, подобно своим «сродникам» святым Борису и Глебу (неслучайно автор рассказа вложил в уста Юрия предсмертную молитву, повторявшую предсмертную молитву святого князя Глеба в той же Лавр.: «*Увы мнѣ, Господи, лучше бы ми умерети, нежели жити на свѣтѣ семь<...>* — якобы произносит владимирский князь. — *И сице ему молящюся со слезами, и се внезапно поидоша татарове*»⁵⁰. И «*луче бы ми с тобою (т.е. вместе с братом Борисом. — В.Р.) умерети, нежели въ свѣтѣ семь прельстнемъ жити*», — произносит святой князь Глеб. «*И сице ему молящюся съ слезами, и внезапно придоша послании от Святополка на погубленье Глѣба*»⁵¹).

Фактически описание поведения князя *post factum* «подгонялось» под печальный финал его жизни. В итоге в Лавр. Юрий Всеволодович оказался изображен не столько воином, стремящимся совершить воинский подвиг, сколько князем-страстотерпцем, готовым смиренно встретить ниспосланные ему испытания (завоевание врагом его владений, гибель ближайших родственников в осажденном Владимире, поругание «безбожными» святых церквей и т.д.) и покорно (можно даже сказать — христоподобно!) принять грядущую смерть, в деталях напоминающую мученическую кончину первых русских святых князей⁵².

В более позднем летописании, начиная с XV в., рассказы о действиях Юрия сочетают, казалось бы, несочетаемое, соединяя известия о событиях на реке Сити обоих ранних источников — НПЛ и Лавр. Впрочем, соединение касалось лишь подробностей самого сражения. Поведение же великого князя описывалась ровно так, как об этом рассказывала Лавр. Иными словами, превознося готовность Юрия Всеволодовича к самопожертвованию и оплакивая его гибель, книжники не уточняли причины того, как и почему он оказался на Сити⁵³. В середине XVI в. в Степенной книге про события на Сити было сказано, что там «*бысть брань велика и съча зла и кровь многа, яко вода проляся. Богу же попустившу, побежени быша Русьстїи князи и бояре и все воинство отъ*

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464–465.

⁵¹ Там же. Стб. 135–136.

⁵² Ср.: Горский А.А. Георгий (Юрий) Всеволодович // Православная энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 88–97.

⁵³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 218; Т. 42. С. 113; Т. 6. Вып. 1. С. 290; Т. 10. С. 109–110; Т. 25. С. 128–129.

поганыхъ Татаръ». Впрочем, про самого Юрия Всеволодовича составил Степенной книги оставил весьма примечательную запись: «великий князь Георгій венъчася кровію, ею же взыде ко Христу, отъ Него же и мученическій вѣнецъ пріятъ, *его же желаше*»⁵⁴. Такому взгляду на мотивы поступков великого князя способствовало местное прославление Юрия в лике святых, а в дальнейшем — его общерусская канонизация, произошедшая в январе 1645 г.⁵⁵ Созданная тогда же новая гробница Юрия Всеволодовича была посвящена «мученически вѣнчашемуся кровію *за вѣтру христіанскую*, Владимирскому чудотворцу, убиенному от злочестиваго и безбожнаго царя Батяя <...> за Волгою рѣкою, на рѣке Сити»⁵⁶.

Таким образом, рассказ Лавр. о событиях на реке Сити, направленный на превозношение христианских добродетелей великого князя Юрия Всеволодовича, вытеснил из исторической памяти более критический по отношению к нему рассказ НПЛ, а образ великого князя Юрия Всеволодовича, желающего не столько победить, сколько пострадать за веру, надолго закрепился в исторической памяти. При этом сам сюжет сражения на реке Сити вытеснил историю Коломенской битвы. Своеобразная аберрация памяти произошла вполне естественным путем: детали ранних рассказов о героическом сражении под Коломной, отразившиеся в НПЛ, в последующей летописной традиции оказались замещены позднейшими «подробностями», изначально возникшими при составлении рассказа Лавр. В итоге поступки князя Романа Ингваревича потеряли героический ореол, оказались вторичны по отношению к действиям представителей владимирской великокняжеской династии. В последующей секулярной историографии XVIII в. образ великого владимирского князя и вовсе трансформировался: из князя-мученика Юрий превратился в князя-воина, организовавшего решающую битву с завоевателями⁵⁷. В дальнейшем именно эта трактовка оказалась доминирующей в исторической литературе. В этом смысле великий князь владимирский оказался в беспроегрешной ситуации.

⁵⁴ Там же. Т. 21. 1-я пол. СПб., 1908. С. 262.

⁵⁵ Путь к граду Китежу... С. 25–28.

⁵⁶ Там же. С. 36.

⁵⁷ О работе Екатерины II над сюжетами, связанными с нашествием Батяя, см. подробнее: Рудаков В.Н. Екатерина Великая и память о святом благоверном князе Михаиле Черниговском в XVIII веке // Тетради по консерватизму. 2022. № 1. С. 237–246.

REFERENCES

1. *Berezhevskov N.G.* Khronologiya russkogo letopisaniya [Chronology of Russian annals]. Moscow: Izdatel'stvo Akad. nauk SSSR, 1963. 376 s.
2. *Bobrov A.G.* Letopisnyi svod mitropolita Fotiya (Problem rekonstruktsii teksta) [Chronicle of Metropolitan Photius (Problems of Reconstruction of the Text)] // TODRL. T. 52. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2001. S. 98–137.
3. *Borodikhin A.Yu.* Tsikl povestey o nashestvii Batyya v letopisnykh i letopisno-khronograficheskikh svodakh XIV–XVII vekov: Diss. ... kandidata filolog. nauk [A cycle of stories about the invasion of Batu in chronicles and chronicles-chronographic collections of the XIV–XVII centuries: Diss. ... cand. philolog. sci.]. Novosibirsk, 1989. 250 s.
4. *Cherepnin L.V.* Mongolo-tatary na Rusi (XIII v.) // Tataro-mongoly v Azii i Evrope. Sb. statey. Izd. 2-e [Mongol-Tatars in Rus' (XIII century) // Tatar-Mongols in Asia and Europe. Comp. articles. Ed. 2nd]. Moscow: Nauka, 1977. S. 186–209.
5. *Foma Splitskiy.* Istoriya arkhiepiskopov Salona i Splita [Thomas of Split. History of the Archbishops of Salona and Split]. Moscow: Indrik, 1997. 319 s.
6. *Gippius A.A.* K istorii slozheniya teksta Novgorodskoy pervoy letopisi [On the history of the composition of the text of the Novgorod First Chronicle] // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. № 6(16). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1997. S. 3–72.
7. *Gorskiy A.A.* Georgiy (Yuriy) Vsevolodovich // Pravoslavnaya entsiklopediya / Pod obshch. red. Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II. T. 11 [George (Yuri) Vsevolodovich // Orthodox Encyclopedia / Under total ed. Patriarch of Moscow and All Rus' Alexy II. Vol. 11]. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, 2006. S. 88–97.
8. *Gorskiy A.A.* Rus'. Ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo tsarstva [Rus. From the Slavic settlement to the Muscovite Kingdom]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 392 s.
9. *Karamzin N.M.* Istoriya gosudarstva Rossiyskogo [History of the Russian state]. T. 2–3. Moscow, 1991. 832 s.; T. 4. Moscow, 1992. 480 s.
10. *Kargalov V.V.* Rus' i kochevniki [Rus' and nomads]. Moscow: Veche, 2008. 479 s.

11. *Karpov A.Yu.* Batyi [Batu]. Moscow, 2011. 347 s.
12. *Khrustalev D.G.* Rus' ot nashestviya do «iga». 30–40 gg. XIII v. [Rus' from the invasion to the «yoke». 30–40's years of XIII century]. St. Petersburg: Evraziya, 2008. 380 s.
13. *Kloss B.M.* Izbrannye Trudy [Selected works]. T. 2. Moscow, 2001. 448 s.
14. *Kloss B.M.* Nikonovskiy svod i russkie letopisi XVI–XVII vekah [Code of Nikon and Russian chronicles of the XVI–XVII centuries]. Moscow, 1980. 312 s.
15. *Komarov K.I.* O nashestvii Batyya na Severo-Vostochnuyu Rus' v 1237–1238 gg. [On the invasion of Batu into North-Eastern Rus' in 1237–1238] // *Voprosy istorii.* 2012. № 10. S. 87–96.
16. *Komarovich V.L.* Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Chronicle] // *Istoriya russkoy literatury.* T. II. Ch. 1. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1945. S. 90–96.
17. *Kuchkin V.A.* Zavoevanie Rusi Batyem [The conquest of Rus' by Batu] // *Rossiyskaya istoriya.* 2020. № 4. S. 3–30.
18. *Kuznetsov A.A.* Knyaz' velikiy Georgiy. Osnovatel' Nizhnego Novgoroda [Great Prince George. Founder of Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod: Dekom, 2017. 231 s.
19. *Litseyevy letopisnyy svod XVI veka.* Russkaya letopisnaya istoriya. Kniga 5. 1217–1241 [The Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible, XVI century. Russian chronicle history. Book 5. 1217–1241]. Moscow, 2014. 478 s.
20. *Lyzlov A.* Skifskaya istoriya [Scythian history]. Moscow: Nauka, 1990. 518 s.
21. *Mayorov A.V.* Zavoevanie russkikh zemel' v 1237–1240 godakh [The conquest of Russian lands in 1237–1240] // *Zolotaya Orda v mirovoy istorii.* Kazan', 2016. S. 89–113.
22. *Nasonov A.N.* Istoriya russkogo letopisaniya XI — nachala XVIII vekah. Ocherki i issledovaniya [History of Russian Chronicle XI — early XVIII centuries. Essays and research]. Moscow: Nauka, 1969. 555 s.
23. *Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. XI–XV veka.* Ch. 1 [Essays on the history of the USSR. period of feudalism. XI–XV centuries. Part 1]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1953. 984 s.
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. T. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1998. 648 s. (Ipat'evskaya letopis').
25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. T. 21. St. Petersburg: 1908. 342 s. (Kniga stepennaya tsarskago rodosloviya).

26. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1997. 496 s. (Lavrent'evskaya letopis').
27. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 10. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 248 s. (Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu).
28. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 25. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 488 s. (Moskovskaya letopis' kontsa XV veka).
29. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 3. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 720 s. (Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izdaniy).
30. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 4. Part 1. Moscow, 2000. 728 s. (Novgorodskaya chetvertaya letopis').
31. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 42. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2002. 221 s. (Novgorodskaya Karamzinskaya letopis').
32. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 6. Vyp. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 312 s. (Sofiyskaya pervaya letopis' starshego izvoda).
33. *Poppe A.* K nachal'noy istorii kul'ta sv. Nikolaya Zarazskogo [To the initial history of the cult of St. Nikolai Zarazsky] // Essays in honour of A.A. Zimin. Columbus (Ohio), 1983. S. 289–304.
34. *Povest' o razorenii Ryazani Batyem* [The Tale of the Devastation of Ryazan by Batu] // PLDR. XIII vek. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1981. 616 s.
35. *Put' k gradu Kitezhu. Knyaz' Georgiy Vladimirskiy v istorii, zhitiyakh, legendakh / Podg. tekstov i issledovanie A.V. Sirenova* [Way to the city of Kitezh. Prince George of Vladimir in history, lives, legends / Preparation texts and research by A.V. Sirenova]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. 227 p.
36. *Rapov O.M.* Russkie goroda i mongol'skoe nashestvie // Kulikovskaya bitva v istorii i kul'ture nashey Rodiny [Russian cities and the Mongol invasion // Battle of Kulikovo in the history and culture of our Motherland]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1983. S. 77–89.
37. *Rudakov V.N.* Ekaterina Velikaya i pamyat' o svyatom blagovernom knyaze Mikhaile Chernigovskom v XVIII veke [Catherine the Great

- and the Memory of the Holy Prince Michael of Chernigov in the XVIII century] // Tetradi po konservatizmu. 2022. № 1. S. 237–246.
38. *Rudakov V.N.* Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV vekov. Izd. 3-e, ispr. i dop. [Mongol-Tatars through the eyes of ancient Russian scribes of the middle of the XIII–XV centuries. Ed. 3rd, rev. and additional]. Moscow, 2017. 272 s.
  39. *Rudakov V.N.* Sobytiya na reke Siti v kontekste povedeniya praviteley russkikh zemel' v gody nashestiya Batyya [Events on the City River in the context of the behavior of the rulers of the Russian lands during the years of the Batu invasion] // Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya. 2023. № 1. S. 3–26.
  40. Sitskaya bitva 1238 goda. Istoricheskie i tvorcheskie zametki [Sith battle in 1238. Historical and creative notes]. Breytovo, 2018. 36 s. URL: <http://www.breytovo.ru/documents/00lymws5.pdf> (Visited: 01.06.2023).
  41. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 3 (XVII vek). Ch. 2 [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus'. Issue 3 (XVII century). Part 2]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1993. 438 s.
  42. *Usachev A.S.* «Dolgiy XVI vek» rossiyskoy istoriografii [«Long XVI century» of Russian historiography] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2008. № 2. S. 104–115.
  43. *Vernadskiy G.V.* Mongoly i Rus' [Mongols and Rus']. Tver'; Moscow: Agraf, 1997. 476 s.
  44. *Vorotyntsev L.V.* «Ordynskiy plen» ryazanskogo knyazya Olega Ingvarovicha Krasnogo (1238–1258 gg.): ot istoriograficheskogo mifa k istoricheskim realiyam [«Horde captivity» of the Ryazan prince Oleg Ingvarovich Krasny (1238–1258): From historiographical myth to historical realities] // Zolotoordynskoe obozrenie. 2021. T. 9. № 4. S. 733–748.
  45. Zolotaya Orda v istochnikakh. T. 1. Arabskie i persidskie sochineniya [Golden Horde in the sources. Vol. 1. Arabic and Persian compositions]. Moscow: Nauka, 2003. 448 s.

Ключевые слова:

великий князь Юрий Всеволодович Владимирский, рязанский князь Роман Ингваревич, нашествие Батые, сражение под Коломной, битва на реке Сити, историческая память.

Vladimir N. Rudakov

THE MEMORY OF THE TWO BATTLES OF THE BATU'S INVASION EPOCH

The article is dedicated to the historical memory of two battles of Batu's invasion to the northeastern Russia epoch – near Kolomna and on the Sit River.

The article reveals why the true hero of resistance, Ryazan Prince Roman Ingvarovich and the battle of Kolomna, during which the Mongols suffered impressive damage, were not imprinted in historical memory? The article gives answer to that question.

At the same time as the battle on the Sit River, the history of which is rather hazy described in the sources, became one of the symbols of the resistance against the Mongols, its participant – the Grand Duke of Vladimir Yuri Vsevolodovich, whose actions during the Batu's invasion were extremely contradictory, remained in the memory of descendants as almost the main fighter against the invaders.

The author concludes that that such a depiction of the events had been greatly affected by the personal demands of the compiler of the Laurentian Chronicle, who deliberately told about «his» princes in the most favorable form and kept silent about «strangers». Subsequently, the version of this chronicle formed the basis for later stories about the events of the invasion epoch.

Key Words: Grand Duke Yuri Vsevolodovich of Vladimir, Prince Roman Ingvarovich of Ryazan, Invasion of Batu, Battle of the Sit River, the Battle of Kolomna, Historic Memory.

Vladimir N. Rudakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-Chief of the «Historian» Magazine.

 Рудаков Владимир Николаевич

кандидат филологических наук, главный редактор журнала «Историк»

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.45.004

Ю.В. Селезнев

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДЖУЧИЕВА УЛУСА (ОРДЫ)¹

реди свидетельств об Орде в XIII столетии известия Лаврентьевской летописи являются важными носителями синхронной описываемым событиям информации. То есть данные записи отражают наблюдения и осмысление свидетелей и участников событий, отраженные в письменных памятниках. Летопись представляет собой свод, переписанный на пергамене в 1377 г. двумя писцами при незначительном участии третьего, по заказу великого князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича. Второй писец назвал себя в приписке — монах Лаврентий (от его имени и происходит название летописи). Переписчик указал, что он начал работу 14 января, а закончил 20 марта 6885 (1377) г. по благословию епископа Суздальского Дионисия². Лаврентий переписал л. 40 об. — 173 об., первый писец — л. 1 об. — 40 об. Чуть позже в летопись вставлены три листа: л. 157 и л. 167 переписаны третьим писцом, а л. 161 — вторым. Текст свода завершается событиями 6813 (1304) г.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>, реализуемого в Воронежском государственном университете.

² ПСРА. Т. I: Лаврентьевская летопись. 1962. С. 487–488.

Данный свод отражал владимирскую летописную традицию, которая при этом была сложной: в основе летописи лежало несколько владимирских сводов XII–XIII вв., опиравшихся на различные источники.

В заключительной части летописных известий слилось собственно владимирское летописание (связанное с князьями Юрием и Ярославом Всеволодовичами) и летописание Ростова (где княжил старший сын Всеволода Большое Гнездо Константин)³. Именно эта часть охватывает XIII столетие и представляет для истории Орды и русско-ордынских отношений первостепенное значение. Проанализировав данную часть летописного свода, М.Д. Приселков пришел к выводу, что свод 1305 г., лежащий в основе ее, был великокняжеской летописью владимиротверского князя Михаила Ярославича⁴.

Для рассматриваемого периода — времени существования Джучиева Улуса — важны пропуски в рукописи летописи: 6771 (1263) — 6791 (1283) гг. является следствием утраты листов в рукописи; и 6795 (1283) — 6802 (1294) гг., происхождение которого спорно: он мог быть отражением дефекта в непосредственном оригинале или в самой рукописи⁵.

Завоевание русских княжеств монголо-татарами и установление системы ордынского ига представляли собой весьма значительные события геополитического масштаба⁶ и не могли не отразиться в синхронном летописании. В Лаврентьевской летописи в 29 погодных записях выделяется 42 известия, имеющих отношения к истории Монгольской империи, Орды или русско-ордынских отношений (под 6731, 6736, 6740, 6744, 6745, 6746, 6747 (три), 6748, 6749 (два), 6751, 6752, 6753, 6754 (три), 6755, 6757 (два), 6758 (два), 6760 (четыре), 6764, 6765 (два), 6766 (два), 6769, 6770, 6791, 6792, 6802 (два), 6805, 6808, 6809, 6811 гг.). Для записей Лаврентьевской летописи за 1223–1304 гг. можно условно выделить 174 рассказа. Сравнение доли «ордынских свидетельств» дает нам 24 %, т.е. практически четверть в объеме известий, привлечших внимание летописца. К примеру, Т.В. Гимон

³ Лурье Я.С. Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 241–245.

⁴ Приселков М.Д. Летописание XIV в. // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 28–39; он же. «Летописец» 1305 г. // Века. Пг., 1924. Т. 1. С. 30–35; он же. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий // Учен. зап. ЛГПИ, 1939. Т. 19. С. 175–197; он же. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 60–113.

⁵ Лурье Я.С. Летопись Лаврентьевская. С. 241.

⁶ Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Нашествие Батые и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. Воронеж, 2004.

в условном исчислении для записей периода 1156–1263 гг. выделил 346 известий и рассказов⁷. В тематическом отношении автор выделил политические и военные события (включая смерти князей и их поездки в Орду), которые составили 193 известия и рассказов, или 55,8 % от общего их числа. При этом доля свидетельств об Орде составила 18 % (35 записей из 193), а от общего количества — 10 % (35 известий из 246)⁸. Таким образом, для периода 1223–1304 гг. доля свидетельств об Орде и русско-ордынских отношениях в Лаврентьевской летописи представляет собой до четверти от общего числа известий. Такой объем наглядно показывает, что летописцы обращали пристальное внимание на события в Орде, которые, в свою очередь, имели важное значение для общества средневековой Руси.

Последовательное хронологическое изложение событий в Лаврентьевской летописи естественным образом начинается с фиксации известий о завоевательных походах монголо-татар. Первым среди них является «Повесть о битве на Калке». В версии Лаврентьевской летописи сохранилось уникальное упоминание о посылке в помощь общерусской коалиции войск Суздальской земли во главе с князем Василько Константиновичем Ростовским. Однако армия, направленная владимирским князем Юрием Всеволодовичем, к общему сбору не успела: князь Василько в Чернигове получил известие о поражении русских войск и вернул рать в Ростов «схранень Бомь и силою крѣта чѣтнаго. и млтвюю вѣѣа своего Костантина. и стрѣла своего Георгия»⁹. Тем не менее факт направления ростовской дружины для участия в общерусском походе против монголо-татар говорит о сохранении к 1223 г. прочных связей между всеми землями раздробившейся Руси. Поражение на Калке и пленение верховного правителя князя Мстислава Киевского поставило и вопрос о суверенитете всей Руси.

В Лаврентьевской летописи сохранились свидетельства о военных перипетиях 1220–1230 гг. в Половецкой степи. Именно в ней отмечены прорыв войск монголо-татар через рубеж на Яике в 1228 г.¹⁰ и появление войск вблизи Булгара и зимовка там значительного контингента захват-

⁷ Гимон Т.В. Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 43.

⁸ Там же. С. 42–47.

⁹ ПСРА. Т. I. Стб. 447.

¹⁰ Там же. Стб. 453.

чиков в 1232 г.¹¹ Отмечена и гибель Булгарского государства в результате нашествия монголо-татар осенью 1236 г. и зимой 1236/37 г.¹²

Повесть о нашествии Батыя, помещенная в Лаврентьевской летописи, традиционно относится к одним из важнейших источников о покорении Северо-Восточной Руси монголо-татарами¹³. В плане выявления особенностей тактики и стратегии монголо-татар показательны свидетельства «Повести» о том, что после штурма Владимира захватчики разделились на отдельные отряды, которые «идоша» к Ростову, Ярославлю, «на Волгу на Городецъ <...> доже и до Галича Мерьскаго», к Переяславлю, «доже и до Торжку»; всего отмечена гибель 14 городов «опрочь свободъ и погостовъ». Данное известие совпадает со свидетельствами восточных авторов (Джувейни и Рашид ад-Дина) о том, что, взяв столицу Северо-Восточной Руси, армия Батыя разделилась на тумены и двинулась разорять княжества широкой облавой.

«Повесть» также упоминает об участии в сражении на Сити брата князя Юрия Всеволодовича Владимирского князя Святослава Юрьевского (Юрьев-Польского), который избежал гибели и позже получил ярлык от Батыя (после смерти еще одного своего старшего брата Ярослава) на великое Владимирское княжество. Однако в 1249 г. он утратил права на великокняжеский стол, переданные племянникам Ярославичам: Александру и Андрею. Тем не менее до своей кончины в 1252 г. князь Святослав Всеволодович пытался оспорить при дворе Батыя потерю великокняжеского титула. Все эти свидетельства заставляют более внимательно отнестись к роли Святослава в битве на реке Сити и к последствиям этого участия: не исключено, что лишение князя ярлыка на Владимир и передача его племянникам были связаны с вооруженным сопротивлением Святослава войскам Батыя в 1237/1238 гг.

В рамках повествований о нашествии на русские княжества важными являются последовательные упоминания о завоевании монголо-татарскими войсками Переяславля: «[1239] Того^ж лѣ. Татарове възша. Переяславль Рускѣи. и епѣпа оубиша и люди избиша. а гра^дпожьгоша вгне^м. и люди. и полона много взе^мше ѿидоша»¹⁴ и Чернигова: «[1239] Того^ж . лѣ^д. Возша Татарове Черниговъ... а гра^д пожегше и люди избиша. и ма-

¹¹ Там же. Стб. 459.

¹² Там же. Стб. 460.

¹³ Гартман А.В. Хронология похода Батыя на Северо-Восточную Русь // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–2 (60). С. 17–21.

¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.

настырѣ пограбиша. а епта Перфурья пустиша в Глуховѣ»¹⁵. Причем в Лаврентьевской летописи отмечено, что князья черниговского дома укрылись в Венгрии: «кнѣзи ихъ. въѣхаша въ Оугры». Показательно, что летописец отметил после разорения княжества отступление монголо-татарских войск в степи: «а сами идоша в станы своѣ»¹⁶.

Отмечено в Лаврентьевской летописи и падение Киева. Причем разорение столицы описано в категориях падения христианской святыни: «Взаша Къюевъ Татарове и стую Софью разграбиша. и монастыри всѣ. и иконы. и крѣты чѣтныя. и взѣ оузорочьѣ цркъвная взаша». Только затем отмечено, что «люди ѿ мала и до велика. всѣ убиша мече»¹⁷. Завоевание города приурочено к христианским праздникам: «си же злоба приключисѣ до Ржѣтва Гѣна. на Николинъ днѣ»¹⁸. Собственно, в Лаврентьевской летописи указана точная дата полного захвата Киева — 6 декабря — Николин день осенний.

Поход войск Батыя за пределами Руси в 1241–1242 гг. описан лаконично: «В лѣтѣ . ѡ. ѡ. мѣ. [1241] ...Тогожѣ . лѣтѣ . Татарове побѣдиша Оугры»¹⁹. Больше книжников волновали вопросы, связанные с русскими землями. В частности отмечено, что «В лѣтѣ . ѡ. ѡ. мѣ. [1241] ...Тогожѣ . лѣтѣ . Татарове оубиша. Мстислава. Рѣльскаго»²⁰.

Особенности религиозной политики в Орде и завоеванных землях отражены в статье об учреждении сарайской епархии в 1261 г.²¹; в статье о восстании в 1262 г., когда вечевого набат вывел на улицы людей против «лютаго томленья бесурменьскаго» и «выгнаша из городовъ» откупщиков налогов, а кроме того, убили Изосиму, который «отвержеса Хса и бысѣ бесурменинѣ. вступивъ в прелесть лжаго пррѣка Ма[х]меда». Яркое свидетельство напряженного религиозного противостояния характеризует описание начала восстания, которое вспыхнуло в связи со злоупотреблениями чиновника, прибывшего из Каракорума: «бѣ бо тогда титамъ приѣхаль ѿ цсрѣ Татарьскаго. именемъ Кутлубии». Чиновник — титям — являлся мусульманином («золъ съи бесурменинѣ»). Жители русских городов связали его чиновничью деятельность с религиозным фактором, с его верой: «того поспѣхомъ

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Стб. 470.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Стб. 476.

Князь Ярослав Всеволодович. Фреска Архангельского собора Московского Кремля

вканнѣи лишенѣкъ. твораше хсръяномъ велику досаду. крѣсту и стѣмъ црѣквамъ поругаясѣ». Эти действия вызвали негодование и мятеж: «югда же люди на врагы своя двигшасѣ на бесурмены. изгнаша инѣхъ избиша»²². Показательно, что никаких карательных мер со стороны хана Берке источники, в том числе Лаврентьевская летопись, не фиксируют. Исследователи это объясняют тем обстоятельством, что чиновник прибыл из Каракорума от кагана Хубилая, с которым у Берке сложились враждебные отношения — Берке поддерживал другого претендента на общемонгольский престол — Ариг-Бугу.

Важным известием, связанным с религиозной ситуацией в Орде, является упоминание в Лаврентьевской летописи под 1300 г. о перенесении митрополитом Максимом места пребывания из Киева «в Суждальскую землю». Причины данного шага указаны хотя и лаконично, но весьма четко и определенно: митрополит покинул Киев «не терпя Татарьского насилья». Причем после отъезда Максима «весь Киевъ розбѣжалсѣ», а поведение митрополита характеризуется словами: «встава митрополью и збѣжа ис Киева»²³. Сами насильственные действия не описаны. Однако можно предполагать, что связаны они были с поражением Ногая в войне с Токтой и с военными действиями последнего на территориях, ранее подконтрольных исключительно влиянию Ногая.

²² Там же.

²³ Там же. Стб. 485.

В Лаврентьевской летописи фиксируется первая поездка русского князя — Ярослава Всеволодовича ко двору Батые и получение им инвеституры из рук нового повелителя. При этом летопись фиксирует закрепление за князем Ярославом старейшинства и, соответственно, первенства на Руси: «Великѣи кнѣ^ѣ Ярославъ поѣха в Татары к Батыевѣи.... Батыи же почти Ярослава великого ч^ѣстью и мужи юго. и ѿпусти и ре^ѣ ему. Ярославе буди ты старѣи всѣ^ѣ кнѣзѣ^ѣ. в Русско^ѣ язѣцѣ^ѣ»²⁴. В данное время решения такого уровня подтверждались в Каракоруме, поскольку Лаврентьевская летопись указывает, что Ярослав в это же время «снѣ своего Константин^ѣ посла къ Канови» (к кагану. — Ю.С.)²⁵. Старейшинство и главенство на Руси в Каракоруме связывали с Киевом. Такой вывод можно сделать из свидетельства Лаврентьевской летописи о возвращении с назначением князя Александра Ярославича в 1249 г., когда «Приѣха Ѡлександръ. и Андрѣи ѿ Кановичъ. и приказаша Ѡлександрови Къевъ. и всю Русьскую землю. а Андрѣи сѣде в Володимери на столѣ^ѣ»²⁶. Владение «Русской землей», «Русским улусом» в летописной записи напрямую зависит от стола в Киеве, и старший из наследников Ярослава получает именно этот город.

Включение русских княжеств в политическую систему Монгольской империи представлено в Лаврентьевской летописи последовательно: после получения власти из рук Батые Ярославом в степь «В лѣ^ѣ. #s. ѿ. нѣ.» [1244] отправились князья Суздальской земли — Владимир Константинович Углицкий, Борис Василькович Ростовский, Василий Всеволодович Ярославский. Пребывание князей закончилось получением ярлыков на свои княжества и иммунитетных прав против князя Ярослава: «Батыи же почтивѣ я. ч^ѣстью достоиною. и ѿнустивѣ я. расудивѣ имѣ когождо в свою вѣину. и приѣхаша с ч^ѣстью на свою землю»²⁷.

В следующем 1245 г. из Каракорума вернулся князь Константин Ярославич «ѿ Кановичъ къ вѣю своѣму с ч^ѣстью»²⁸, а в ставку Батые выехали «Великѣи кнѣ^ѣ Ярославъ. и с своею бра^ѣею. и с сыновци^ѣ»²⁹.

Вполне закономерно, что свидетельства о пребывании в Орде князей и о борьбе за ярлыки на те или иные владения представляют в Лав-

²⁴ Там же. Стб. 470.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Стб. 472.

²⁷ Там же. Стб. 470.

²⁸ Там же. Стб. 470–471.

²⁹ Там же. Стб. 471.

Князь Константин Ярославич. Фреска Архангельского собора Московского Кремля

рентьевской летописи уникальную информацию, что делает источник исключительно информативным в данном аспекте.

Кроме того, свидетельства о тех или иных поездках князей ко двору ордынских ханов позволяют уточнить внутреннюю историю Орды. К примеру, начиная с 1256 г. Лаврентьевская летопись фиксирует правление в Орде Улагчи: к нему с дарами едут русские князья³⁰. На поклон к Улагчи князья отправляются и в 1257 г., и летом 1258 г. Поскольку в данных погодных записях применяется мартовский календарный стиль³¹, то на основании указанных свидетельств можно предполагать, что смерть Улагчи наступила осенью 1258 г. (А.Н. Насонов на основании данных русских летописей датировал начало правления Берке 1258 г.).

Весьма показательными являются сведения Лаврентьевской летописи о проведении переписных мероприятий в 1257 г. В частности, в летописи отмечено: «[1257] Тою же зимы прихаша числениці исщетоша всю землю Сужальскую и Разаньскую, и Мюромьскую и ставиша десятники, и сотники, и тысящники и темникї, и идоша в Ворду, толико не чтоша игуменовъ, чернцовъ, поповъ, крилошанъ, кто зрить на стюю

³⁰ ПСРА. Т. I. Стб. 474.

³¹ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 113.

Бѣю. и на вадѣку»³². Летописец отмечает, что церковное имущество не было обложено повинностями. При этом сведения о назначении десятников, сотников, тысячников и десятидесятников (темников) находят аналогии в свидетельствах независимого происхождения. К примеру, по данным персидского автора Джувейни, долгое время служившего при дворе ильханов, монголо-татары на завоеванных землях «повсюду ввели перепись по установленному образцу и все население поделили на десятки, сотни и тысячи и установили порядок набора войска, ямскую повинность и расходы на проезжающих и поставку фуража, не считая денежных сборов»³³.

Свидетельство летописи о возвращении из ставки хана в форме «[1252] Тогожъ лѣта. Пустыша Татарове Гѡлга князя Рязаньскаго. в свою землю»³⁴ вызвало в историографии различные трактовки. Большинство исследователей полагают, что князь Олег Рязанский был в Орде задержан на десять лет и освобожден только в 1252 г.³⁵ Однако других примеров, чтобы монголо-татары или ханы Орды задерживали иноземных правителей более чем на три года, в источниках не встречается. Более того, другие летописи (в частности, Новгородская IV летопись) отмечают под 1242 г. отъезд князя Олега Ингваревича Красного в Каракорум: «къ Канови иде»³⁶; а летопись Авраамки сохранила дату возвращения князя из длительной поездки под 1243 г.: «прииде Олегъ отъ Кана»³⁷. Вологодская летопись отмечает и поездку князя в 1250 г.: «князь Олег Рязанской пошел в Орду и всадиша его в садъ»³⁸. Летописец отмечает, что князя взяли под стражу («всадиша его в садъ»). А.В. Кузьмин предположил, что арест рязанского князя мог быть связан с попытками Даниила Галицкого и митрополита Кирилла создать антиордынскую коалицию из русских княжеств, в которую могли пытаться привлечь и Олега Ингваревича³⁹. Однако гипотетичность такого объяснения остается весьма высокой.

³² Там же. Стб. 475.

³³ *Ала-ад-Дин ата-Мелик Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира.* М., 2004. С. 25.

³⁴ ПСРА. Т. I. Стб. 473.

³⁵ См., напр.: *Насонов А.Н. Монголы и Русь // Арабески истории.* М., 1994. Вып. 3–4. Русский разлив. Т. 1. С. 96.

³⁶ ПСРА. Т. IV. Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848. С. 37.

³⁷ ПСРА. Т. XVI. Летопись Авраамки. М., 2000. Стб. 52.

³⁸ ПСРА. Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 165.

³⁹ *Кузьмин А.В. Рязанские, Пронские и муромские князья в XIII– середине XIV века (историко-генеалогическое исследование) // Записки отдела рукописей РГБ. Статьи и сообщения.* М., 2008. Вып. 53. С. 42.

Князья Юрий и Олег Рязанские встречают монгольских послов.
Миниатюра. Лицевой летописный свод

Таким образом, мы наблюдаем фиксацию источниками двух разных поездок Олега Ингваревича в ставки монгольских правителей. Причем в отношении первой поездки можно предполагать, что рязанский князь получил вызов действительно от монгольского каана, вероятно, Угедая. Надо полагать, что через полтора года он вернулся на Русь, приняв инвеституру из рук верховного правителя степной империи, получив тем самым определенные иммунитетные права, как по отношению к владимирскому князю, так и к хану Джучиева Улуса.

Не менее широкая дискуссия развернулась в связи с описанием в летописях поездки в 1252 г. в ставку хана Батыея князя Александра Ярославича⁴⁰.

Однако последовательность известий в Лаврентьевской летописи позволяет поставить под сомнение утверждение В.Н. Татищева о прямом вмешательстве — жалобе — князя Александра Ярославича Киевского в свержении с владимирского стола брата Андрея. Ибо в летописи сначала отмечены отъезд князя Александра в ставку хана и его вокняжение⁴¹.

⁴⁰ Историографию вопроса подробнее см.: Селезнев Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М., 2017. С. 110–112.

⁴¹ ПСРЛ. Т. I. С. 473.

Затем описаны мятеж князя Андрея Ярославича и карательная экспедиция⁴². И только после этого отмечено возвращение князя Александра Ярославича и его посажение на престол во Владимире⁴³. Нет ни одного прямого или косвенного указания на роль в смещении брата князя Александра⁴⁴. Единственным указанием, которое, вероятно, позволило В.Н. Татищеву выдвинуть идею «жалобы» старшего брата на младшего, выступает последовательность событий: князь Александр выезжает до смещения князя Андрея и карательной акции против него ордынцев, а возвращается уже после, избежав нашествия и заняв владимирский стол.

Данные обстоятельства позволили А.А. Горскому прийти к выводу о том, что поход ордынского воеводы Неврюя не мог являться результатом усилий князя Александра. Он был «запланированной акцией хана в рамках действий против не подчинявшихся ему князей». Бату-хан, выйдя фактически победителем во внутривосточной борьбе в Монгольской империи, вызвал к себе братьев Ярославичей для перераспределения княжеских столов, осуществленных враждебным правительством Гуюк-хана⁴⁵.

Стоит обратить внимание на то, что для традиционной монгольской политической практики характерна необходимость при смене главы государства подтверждения существующих владетельных прав⁴⁶. Причем эти права должны были быть обеспечены личной явкой владетеля в ставку верховного правителя. И действительно, в связи со сменой главы Монгольской империи в начале 1250-х гг. армянские источники фиксируют вызов в степь армянских правителей. Киракос Гандзакецци, в частности, описывает данные события следующими словами: «...когда воцарился Мангу-хан, великий военачальник Батый ... послал [людей] к царю Хетуму с [приглашением] приехать повидать его и Мангу-хана»⁴⁷. Смбаг Спарапет относит начало поездки царя Хетума к 1253 г.⁴⁸

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Кучкин В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси. С. 28.

⁴⁵ Горский А.А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 71–72; *он же*. «Всего еси исполнена земля русская»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 59–60.

⁴⁶ Подробнее см.: Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 54.

⁴⁷ Киракос Гандзакецци. История Армении. М., 1976. С. 222.

⁴⁸ Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. М., 1962. С. 47; Золотая Орда в источниках (материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). Т. V: Армянские источники. М., 2019. С. 217–218.

Таким образом, А.А. Горский верно подметил связь и последовательность событий в 1252 г. Русскими князьями, получившими инвеституру в Каракоруме (в 1249 г.), являлись братья Александр и Андрей (старший — Киев и всю Русскую землю; младший — Владимирское княжество)⁴⁹, а также Олег Ингваревич Рязанский. Тогда делами государства управляла вдова монгольского каана Гуюка Огул-Каймиш⁵⁰, которая и выдала ярлыки на княжества. Однако в результате политической борьбы на престоле Монгольской империи оказывается Менгу, которого активно, в том числе военной силой, поддерживал глава Джучиева Улуса Бату-хан. Официальная интронизация была осуществлена в месяц зу-ль-када 648 г. х., который соответствует 25 января — 23 февраля 1251 г.⁵¹ Р.Ю. Почекаев полагает, что ярлыки на владения братьям Ярославичам выдал еще Гуюк⁵². Однако великий каан скончался в 1248 г., возглавляя империю «около года». Андрей и Александр прибыли в Каракорум, когда делами государства управляла вдова Гуюка Огул-Каймиш⁵³. Именно братья Ярославичи и князь Олег Ингваревич Рязанский обязаны были явиться в ставку правителя, который занимался делами «Русского улуса». С большой долей вероятности можно предполагать, что Менгу-каан передал функции управления русскими землями своему надежному союзнику и завоевателю Руси Батыю. Именно к нему в 1252 г. и отправляется князь Александр Ярославич. Вероятно, его поездка была напрямую связана с необходимостью подтверждения своих владетельных прав, хотя источники этого не фиксируют. Бату-хан подтвердил ярлык 1249 г. «давшие ему старейшинство во всей братии его».

Как отмечено выше, Лаврентьевская летопись фиксирует возвращение в 1252 г.⁵⁴ из степи Олега Ингваревича Рязанского. Можно предполагать, что князь Олег отправился в степь еще до официальной интронизации и был задержан в ставке Батыя в связи с намерением ехать в Каракорум. Однако Батый, получив полномочия по управлению русскими княжествами в свои руки, властно распорядился судьбой рязан-

⁴⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 472.

⁵⁰ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1952. С. 128.

⁵¹ Там же. С. 132.

⁵² Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб., 2007. С. 226.

⁵³ Селезнев Ю.В. Поездка «в Татары» Александра и Андрея Ярославичей в 1247–1249 годах: наблюдения над хронологией событий в степи // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 3. С. 54–60.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 473.

ского князя, взяв его сначала под стражу, а затем все-таки выдав ярлык на его княжение. Тем не менее поездка рязанского князя в степь в 1250–1252 гг. косвенно подтверждает цели поездки князя Александра Невского за возобновлением инвеституры.

Его брат Андрей Ярославич не предстал перед ордынским троном. Как отмечено в Лаврентьевской летописи, «здума... с своими бояры бѣгати нежели цесарем служити»⁵⁵. Не дождавшись приезда Андрея, Батый посылает на Русь военную экспедицию, результатом которой становится изгнание князя в «невѣдому землю»⁵⁶. Александр получает после этих событий ярлык и на Киевское, и на Владимирское княжества, объединя тем самым общерусский киевский стол с суздале-владимирским⁵⁷.

Таким образом, свидетельства Лаврентьевской летописи позволяют связать ряд событий внутрирусской политической жизни с внутримонгольскими событиями⁵⁸.

Показательно, что летописец скорее осуждает действия князя Андрея, нежели поведение князя Александра. Данные мотивы тесно перекликаются с «Житием Александра Невского», также помещенным в Лаврентьевской летописи. К сожалению, в рукописи Лаврентьевской летописи утрачены листы, на которых были расположены упоминания об отношениях князя Александра с Ордой и Берке (именно на них выпадает пропуск в рукописи летописи 6771 (1263) — 6791 (1283) гг.). Тем не менее свидетельства «Жития...» позволяют утверждать, что оправдание действиям князя Александра русские книжники второй половины XIII столетия искали в соответствиях с библейскими сюжетами. Можно предполагать, что в период написания соответствующей статьи Лаврентьевской летописи о «Неврюевой рати»

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV вв. Пути политического развития. М., 1996. С. 29; Ставиский В.И. «Киевское княжение» в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в.) // Внешняя политика Древней Руси (тезисы докладов). М., 1988. С. 95; Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1991. С. 190–191.

⁵⁸ Селезнев Ю.В. Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 36–42; Селезнев Ю.В. Князь Александр Ярославич (Невский) при дворе ордынского хана // Ледовое побоище в зеркале эпохи. Сборник научных работ, посвященный 770-летию битвы на Чудском озере. Липецк, 2013. С. 230–240; Селезнев Ю.В. «И жаловася Александр на брата своего...»: к вопросу о вокняжении Александра Невского в 1252 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3. С. 98.

(1280–1305 гг.⁵⁹) и «Жития Александра Невского» (1263–1280-е гг.⁶⁰) начала формироваться историософская концепция «плена»/«пленения», наибольшее соответствие которой находили в «Вавилонском плене» израильского народа (в этом случае должен был быть прослежен временный характер данной зависимости. Ведь власть вавилонского царя ограничена Всевышним «доколе не придет время и его земле и ему самому» (Иер. 27, 7))⁶¹.

Утрата листов в рукописи обусловила тот факт, что рассказ о событиях в Курском княжестве, отразившийся в других летописях более полно, в Лаврентьевской летописи начинается буквально с полуслова⁶². Сохранившийся текст является наиболее ранним рассказом «О зле в Курском княжении»⁶³ и дает картину действий карательного отряда баскака Ахмата против мятежных князей Олега Воргольского и Рыльского и Святослава Липовичского в районе Воргола. Далее под 6792 г. летописец повествует о разгроме отряда дружиной князя Святослава Липовичского после того, как сам Ахмат отправился «в Татары держаса полку Татарского», оставив во главе войск своих братьев. Воспользовавшись ситуацией, князь Святослав напал на слободы, организованные баскаком, и разгромил ордынский отряд, двигавшийся к Курску. Однако вернувшийся из ставки хана князь Олег обвинил Святослава в разбое и призвал отправиться в ставку хана для разбирательств: «в Руси лихо разбои оучинити. поиди въ Сърду ѿвѣчай». Однако Святослав отказался и получил обвинения в том, что «со мною юси ко цррю не бѣжаѣ», «а

⁵⁹ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII–первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий. М., 1990. С. 43; он же. Летописные рассказы о битве на р. Калке. Рассказ в Лаврентьевской летописи // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я.Н. Шапова. СПб., 2003. С. 76.

⁶⁰ Охотникова В.И. Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. С. 357; Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII–первая четверть XIV в.). С. 36–39; Бегунов Ю.К. Памятники русской литературы XIII в. и «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., С. 20, 163.

⁶¹ Селезнев Ю.В. Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 40.

⁶² ПСРА. Т. I. Стб. 481.

⁶³ Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. I. М., 1996. С. 5–57; он же. Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовичского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий // Липецк: начало истории. Липецк, 1996. С.7–39.

крѣтного цѣлованья забывъ». Кроме того, в данной части рассказа прозвучали упреки князя Олега по отношению к Святославу в том, что последний отказывается от судебных разбирательств в Орде: «ти не идешь ни к своѣму цѣрю ни к Ногою на исправу». В результате «прида Олеге из Орды с Тотары и оуби Стослава по цѣрву слову»⁶⁴.

Таким образом, сохранившийся в Лаврентьевской летописи текст рисует нам широкую картину юрисдикции ордынского хана на территории русских княжеств. Именно к нему апеллируют русские князья в своих противоречиях с баскаком Ахматом. Именно он принимает решения о разорении слобод и именно он отдает приказ о казни князя Святослава. Верховная судебная функция ордынского хана подчеркнута в летописи тем, что ставка верховного правителя является главной арбитражной инстанцией: «на исправу» необходимо ехать либо «к своѣму цѣрю», либо «к Ногою». При этом за неправомерные действия необходимо отправиться «въ Ордю ѿвѣчай», а казнь осуществляется «по цѣрву слову»⁶⁵.

Кроме того, летописный рассказ отражает ситуацию двоевластия, сложившуюся при Ногае, возвышение которого фиксируется после смерти хана Менгу-Тимура. Детали повествования ярко иллюстрируют, что уделы Курского княжества стали местом борьбы за влияние и власть между лидером второго политического центра Ногаем и главой центрального ордынского правительства — официально занимающим сарайский престол ханом. Сохранившийся более полный текст повести, к примеру, в Симеоновской летописи, называет имя хана, при котором произошли события: «Князь же Олегъ иде в орду ...с жалобою къ царю Телебузе»⁶⁶. Таким образом, борьба за сферы контроля на Руси разразилась в годы правления хана Тула-Бути (1286–1291 гг.). Комплексный анализ летописных памятников, посвященных событиям в курском баскачестве, позволил В.А. Кучкину убедительно датировать события периодом весны 1289 г. — осени 1290 г.⁶⁷ В Лаврентьевской летописи эти события помещены в годовые статьи 6791 (1283) и 6792 (1284) гг.

⁶⁴ ПСРА. Т. I. Стб. 482.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ПСРА. Т. XVIII. С. 79.

⁶⁷ Аргументацию см.: Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. I. М., 1996. С. 5–57; он же. Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовичского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий // Липецк: начало истории. Липецк, 1996. С. 7–39.

Вокняжение князя Дмитрия Александровича во Владимире.
Миниатюра. Лицевой летописный свод

В результате второго пропуска — 6795 (1283) — 6802 (1294) гг. — в Лаврентьевской летописи оказалось утрачено начало рассказа о вторжении в Северо-Восточную Русь войск Тудана (Дюдены) (так называемая «Дюденева рать»). Повествование возобновляется сведениями о возвращении князя Михаила Ярославича в Тверь: находясь рядом с Москвой, он получает известие, что в городе находятся ордынские войска. Обойдя опасность стороной, князь оказывается в Твери, на которую ордынцы и союзный им князь Андрей Александрович Городецкий не решаются напасть⁶⁸.

Таким образом, Лаврентьевская летопись фиксирует, что Твери удалось избежать «Дюденева» разорения. Однако следующая запись под тем же годом отмечает, что зимой 1294 г. в Тверь прибывает «Цръ Тогтарскыи» Токтемер, который «много тагости люде^м оучинивъ поиде в своя си»⁶⁹.

События зимы 1293/94 г. являются также яркой иллюстрацией борьбы за власть между ханом Токтой и его влиятельным родственником Ногаем. Князь Дмитрий Александрович получил ярлык на владимирское княжение в 1283 г. от Ногая. Это дало ему преимущество над родным братом Андреем (князем Городецким), который в 1282/1285 гг.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 483.

⁶⁹ Там же.

оспаривал права на верховный владимирский стол. Однако в 1293 г. князь Андрей Александрович, заручившись широкой поддержкой князей Северо-Восточной Руси, принес жалобу хану Токте. Последний воспользовался поводом для отстранения от власти ставленника Ногая.

Не исключено, что отголоском борьбы за власть в Орде являлся и поход князя Даниила Александровича Московского на Рязань в 1301 г. Тогда, по данным Лаврентьевской летописи, «Даиило wдолѣль. много и Татаръ избито бы^с». Князь Константин Рязанский был отправлен в Москву⁷⁰. Никаких карательных акций со стороны сарайского правительства не последовало. Это позволяет предполагать, что избитые татары были из «Ногаевой орды» (к примеру, баскаческий отряд, как в Курском княжестве), а князь Константин Рязанский также получил ранее ярлык от Ногая.

Еще две записи, относящиеся к заключительным статьям Лаврентьевского списка, представляют собой информацию о поездках в ставку хана князя Андрея Александровича, прочно занимавшего к тому времени владимирский стол. И если запись под 1303 г. лаконична: «Того^с. лѣ^с. Великѣи. кнѣ^с Аньдрѣи во wсенинѣ. поиде в Татары»⁷¹, то обстоятельства, связанные с поездкой 1296 г., представлены на страницах летописи более подробно. Точнее, описаны события по возвращении князя Андрея из ставки хана. Сразу же по прибытии во Владимир князь собрал войска и направился к Переяславлю. Этот факт позволил А.А. Горскому связать поездку князя Андрея с судьбой Переяславского княжества, с его претензиями на удел брата и племянника⁷². Однако навстречу князю Андрею вышли войска его брата Даниила Московского и двоюродного брата Михаила Тверского. У города Юрьева противники пришли, по данным Лаврентьевской летописи, к мирному соглашению. Показательно, что князь Иван Дмитриевич Переяславский находился в это время в Орде и оставил свое княжество на попечении тверского князя; «приказаль Михаилу кнѣзю. блюсти wчѣи^ны своее и Переяславлѣ»⁷³. А.А. Горский обращает внимание на одновременное пребывание в Орде и князя Андрея, и его племянника князя Ивана. Это обстоятельство позволило исследователю сделать предположение о том, что князь Иван Дмитриевич обратился

⁷⁰ Там же. Стб. 486.

⁷¹ Там же.

⁷² Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 26.

⁷³ ПСРА. Т. I. Стб. 484.

Князь Михаил Тверской.

Фреска Софийского собора в Вологде работы Дмитрия Плеханова. XVII в.

за поддержкой к Ногаю и находился в его ставке: иначе сложно объяснить, почему в то время, когда князь находится при дворе хана, его владение собираются захватить⁷⁴ (если князь Иван находится в ставке Токты, то судьба княжества еще не решена: князь же Андрей действует так, как будто распоряжение хана у него уже есть). В случае, если предположение А.А. Горского справедливо, мы наблюдаем очередной виток борьбы за сферы влияния между ордынскими политическими центрами, между Токтой и Ногаем.

Кроме фактологического материала определенный информационный пласт представляет собой оценочные характеристики.

К примеру, татары получают эпитеты, подчеркивающие враждебное отношение летописцев к завоевателям. Больше всех — девять раз — они названы «безбожными», в том числе один раз сентенция усилена определением «проклятые» («проклятии безбожнии»⁷⁵).

Кроме того, они получают определение «поганых» — пять раз; «окаянных» — три раза, «кровопийцев» — два раза (причем один раз эпитеты «окаянные» и «кровопийцы» поставлены рядом); «беззаконных» (в форме «никакоже не покориша^с ихъ беззаконью»)⁷⁶ — один раз.

⁷⁴ Горский А.А. Москва и Орда. С. 26.

⁷⁵ ПСРА. Т. I. Стб. 465.

⁷⁶ Там же.

Наибольшее значение имеет прямая информация о русско-ордынских отношениях, отразившаяся в Лаврентьевской летописи. Это уникальный набор свидетельств о завоевании и установлении системы монгольского, а затем ордынского владычества. При этом мы получаем представления о позиции владими́ро-ростовских книжников и их оценку русско-ордынских отношений. К примеру, в отличие от галицко-волинской традиции, для которой «злее зла честь татарская»⁷⁷, для летописцев Суздальской земли «честь», оказанная ханами Орды русским князьям, — «великая»⁷⁸ и «достойная»⁷⁹. В то же время, в отличие от новгородского летописания, особенностью которого является восприятие русско-ордынских отношений только в рамках их связи с историей Новгородской земли⁸⁰, подбор известий в Лаврентьевской летописи носит общерусский характер и отличается более широким кругозором авторов.

Кроме того, свидетельства Лаврентьевской летописи представляют нам широкий пласт косвенной информации, позволяющий выявлять особенности внутривосточного развития в Орде во второй половине XIII столетия. Сравнительный анализ свидетельств Лаврентьевской летописи с известиями источников иного происхождения позволяет уяснить специфику унификационных мероприятий монгольского императорского двора в данный период. При этом подтверждаются и уточняются независимые сведения китайских, персидских, армянских и других памятников синхронного времени.

⁷⁷ Подробнее см.: Селезнев Ю.В. Галицко-Волинская летопись как источник по истории Джучиева Улуса // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 123–130.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 470.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Селезнев Ю.В. Новгородский взгляд на Орду и русско-ордынские отношения (опыт анализа выборки из Новгородской Первой летописи) // Новгородика-2015. От «Правды Русской» к российскому конституционализму: материалы V Междунар. науч. конф. 24–25 сентября 2015 г. Ч. I. Великий Новгород, 2016. С. 29–36.

REFERENCES

1. *Ala-ad-Din ata-Melik Dzhuveyni*. Chingiz-khan. Istoriya zavoyevatelya mira [Genghis Khan. History of the conqueror of the world]. Moscow, 2004. (In Russian)
2. *Amel'kin A.O., Seleznov YU.V.* Nashestviye Batyya i ustanovleniye ordynskogo iga v obshchestvennom soznanii Rusi XIII–XVII vv. [The invasion of Batu and the establishment of the Horde yoke in the public consciousness of Rus' in the XIII–XVII centuries]. Voronezh, 2004. (In Russian)
3. *Begunov Yu.K.* Pamyatniki russkoy literatury XIII v. i «Slovo o pogibeli russkoy zemli» [Monuments of Russian literature of the XIII century. and «The Word about the destruction of the Russian land»]. Moscow, Leningrad, 1985. (In Russian)
4. *Berezhtkov N.G.* Khronologiya russkogo letopisaniya [Chronology of Russian annals]. Moscow, 1963. (In Russian)
5. *Galstyan A.G.* Armyanskiye istochniki o mongolakh. Izvlecheniya iz rukopisey XIII–XIV vv. [Armenian sources about the Mongols. Extracts from manuscripts of the XIII–XIV centuries]. Moscow, 1962. (In Russian)
6. *Gartman A.V.* Khronologiya pokhoda Batyya na Severo-Vostochnuyu Rus' [Chronology of Batu's campaign against North-Eastern Rus']. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai State University]. 2008. № 4–2 (60). S. 17–21. (In Russian)
7. *Gimon T.V.* Tematika soobshcheniy Lavrent'yevskoy letopisi (tekst za 1156–1263 gg.) [Topics of the messages of the Laurentian Chronicle (text for 1156–1263)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky]. 2012. № 6 (3). P. 42–47. (In Russian)
8. *Gorskiy A.A.* «Vsego yesi ispolnena zemlya russkaya»: Lichnosti i mental'nost' russkogo srednevekov'ya: Ocherki [«The Russian land is full of everything»: Personalities and mentality of the Russian Middle Ages: Essays]. Moscow, 2001. (In Russian)
9. *Gorskiy A.A.* Dva «neudobnykh» fakta iz biografii Aleksandra Nevskogo [Two «inconvenient» facts from the biography of Alexander Nevsky]/

- Aleksandr Nevskiy i istoriya Rossii [Alexander Nevsky and the history of Russia]. Novgorod, 1996. S. 71–72. (In Russian)
10. *Gorskiy A.A.* Moskva i Orda [Moscow and the Horde]. Moscow: Nauka, 2000. (In Russian)
  11. *Gorskiy A.A.* Russkiye zemli v XIII–XIV vv. Puti politicheskogo razvitiya. [Russian lands in the XIII–XIV centuries. Ways of political development]. Moscow, 1996. (In Russian)
  12. Zolotaya Orda v istochnikakh (materialy dlya istorii Zolotoy Ordy ili ulusa Dzhuchi). T. V: Armyanskiye istochniki [The Golden Horde in the sources (materials for the history of the Golden Horde or the Jochi ulus). Vol. V: Armenian sources]. Moscow, 2019. (In Russian)
  13. *Kirakos Gandzaketsi.* Istoriya Armenii [History of Armenia]. Moscow, 1976. (In Russian)
  14. *Kuzmin A.V.* Ryazan, Pronsk and Murom princes in the XIII – middle of the XIV century (historical and genealogical research). Notes of the department of manuscripts of the Russian State Library. Articles and messages. Moscow, 2008. Issue 53. P. 35–60. (In Russian)
  15. *Kuchkin V.A.* Aleksandr Nevskiy – gosudarstvennyy deyatel' i polkovodets srednevekovoy Rusi [Alexander Nevsky – statesman and commander of medieval Rus']. Otechestvennaya istoriya [Patriotic history]. 1996. № 5. S. 18–33. (In Russian)
  16. *Kuchkin V.A.* Letopisnyye rasskazy o bitve na r. Kalke. Rasskaz v Lavrent'yevskoy letopisi [Chronicle stories about the battle on the river. Kalka. The story in the Laurentian Chronicle] / Pis'mennyye pamyatniki istorii Drevney Rusi. Letopisi. Povesti. Khozhdeniya. Poucheniya. Zhitiya. Poslaniya: Annotirovannyi katalog-spravochnik / Pod red. YA.N. Shchapova [Written monuments of the history of Ancient Rus'. Chronicles. Tales. Walking. Teachings. Lives. Messages: Annotated directory-reference book / Under ed. Ya.N. Shchapova.]. St. Petersburg, publishing house «Russian-Baltic information center “Blits”». 2003. S. 74–78. (In Russian)
  17. *Kuchkin V.A.* Letopisnyye rasskazy o slobodakh baskaka Akhmata [Chronicle stories about the settlements of the Baskak Akhmat]/ Srednevekovaya Rus'. Vyp. I [Medieval Rus'. Issue. I]. Moscow, 1996. S. 5–57. (In Russian)
  18. *Kuchkin V.A.* Letopisnyye rasskazy s upominaniyem knyazya Svyatoslava Lipovichskogo: istoriografiya, drevneyshiye teksty, khronologiya i geografiya sobytii [Chronicle stories with the mention of Prince Svyatoslav Lipovichsky: historiography, ancient texts, chronology and

- geography of events]. Lipetsk: nachalo istorii [Lipetsk: the beginning of history]. Lipetsk, 1996. S. 7–39. (In Russian)
19. *Kuchkin V.A.* Mongolo-tatarskoye igo v osveshchenii drevnerusskikh knizhnikov (XIII– pervaya chetvert' XIV v.) [The Mongol-Tatar yoke in the coverage of ancient Russian scribes (XIII – the first quarter of the XIV century)]. *Russkaya kul'tura v usloviyakh inozemnykh nashestviy* [Russian culture in the conditions of foreign invasions]. Moscow, 1990. S. 36–39. (In Russian)
  20. *Lur'ye Ya.S.* Letopis' Lavrent'yevskaya [Chronicle of Lavrentievskaya]. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. XI – pervaya polovina XIV v. [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus'. XI – the first half of the XIV century]. Leningrad, 1987. S. 241–245. (In Russian)
  21. *Nasonov A.N.* Mongoly i Rus' [Mongols and Rus']. Arabeski istorii [Arabesques of history]. Moscow, 1994. Vyp. 3–4. Russkiy razliv [Russian spill]. T.1. S. 64–263. (In Russian)
  22. *Okhotnikova VI.* Povest' o zhitii Aleksandra Nevskogo [The Tale of the Life of Alexander Nevsky]. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus']. Leningrad, 1987. S. 354–363. (In Russian)
  23. *Pochekayev R.Yu.* Batyy. Khan, kotoryy ne byl khanom [Batu. Khan, who was not a Khan]. Moscow; St. Petersburg, 2007. (In Russian)
  24. *Priselkov M.D.* «Letopisets» 1305 g. [«Chronicler» 1305]. Veka [Century]. Petrograd, 1924. T. 1. S. 30–35. (In Russian)
  25. *Priselkov M.D.* Istoriya rukopisi Lavrent'yevskoy letopisi i yeye izdaniy [The history of the manuscript of the Laurentian Chronicle and its editions] // Uchenyye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gertsena [Scientific notes of the Leningrad State Pedagogical Institute. A.I. Herzen]. 1939. Vol. 19. P. 175–197. (In Russian)
  26. *Priselkov M.D.* Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv. [History of Russian Chronicle XI–XV centuries]. Leningrad, 1940. S. 60–113. (In Russian)
  27. *Priselkov M.D.* Letopisaniye XIV v. [Chronicle of the XIV century] // Sbornik statey po russkoy istorii, posvyashchennykh S.F. Platonovu [Collection of articles on Russian history dedicated to S.F. Platonov]. Petrograd, 1922. P. 28–39. (In Russian)
  28. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. I. Lavrent'yevskaya letopis' [Laurentian Chronicle]. M., 1962. (In Old Russian)

29. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. IV: Novgorodskiye i Pskovskiye letopisi [Novgorod and Pskov chronicles]. St. Petersburg, 1848. (In Old Russian)
30. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. XVI. Letopis' Avraamki [Annals of Abraham]. Moscow, 2000. (In Old Russian)
31. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. XVIII. Simeonovskaya letopis' [Simeon Chronicle]. Moscow, 2007. (In Old Russian)
32. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. XXXVII. Ustyuzhskiye i vologodskiye letopisi XVI–XVIII vv. [Ustyug and Vologda chronicles of the 16th–18th centuries]. Leningrad, 1982. (In Old Russian)
33. *Rashid ad-Din*. Sbornik letopisey [Collection of annals]. T. II. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR [Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR], 1952. (In Russian)
34. *Seleznev Yu.V.* «I zhalovasya Aleksandr na brata svoeyego...»: k voprosu o voknyazhenii Aleksandra Nevskogo v 1252 g. [«And Alexander complained about his brother...»: on the issue of the reign of Alexander Nevsky in 1252] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki* [Ancient Rus'. Questions of medieval studies]. 2007. № 3. S. 98–99 (In Russian)
35. *Seleznev Yu.V.* Voknyazheniye Aleksandra Nevskogo v 1252 g.: politicheskiye realii i ikhotrazheniye v russkoy pis'mennoy traditsii [The reign of Alexander Nevsky in 1252: political realities and their reflection in the Russian written tradition]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki* [Ancient Rus'. Questions of medieval studies]. 2009. № 1 (35). P. 36–42. (In Russian)
36. *Seleznev Yu.V.* Galitsko-Volynskaya letopis' kak istochnik po istorii Dzhuchiyeva ulusa [Galicia-Volyn Chronicle as a source on the history of the Dzhuchiev ulus]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde civilization]. № 9. 2016. S. 123–130. (In Russian)
37. *Seleznev Yu.V.* Knyaz' Aleksandr Yaroslavich (Nevskiy) pri dvore ordynskogo khana [Prince Alexander Yaroslavich (Nevsky) at the court of the Khan of the Horde] // *Ledovoye poboishche v zerkale epokhi* sbornik nauchnykh rabot, posvyashchenny 770-letiyu bitvy na Chudskom ozere [Battle on the Ice in the mirror of the era, a collection of scientific papers dedicated to the 770th anniversary of the battle on Lake Peipus]. Lipetsk, 2013. S. 230–240. (In Russian)
38. *Seleznev Yu.V.* Novgorodskiy vzglyad na Ordu i russko-ordynskiy otnosheniya (opyt analiza vyboriki iz Novgorodskoy Pervoy letopisi)

- [Novgorod view of the Horde and Russian-Horde relations (an experience of analyzing a sample from the Novgorod First Chronicle)] / Novgorodika-2015. Ot «Pravdy Russkoy» krossiyskomu konstitutsionalizmu: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. 24–25 sentyabrya 2015 g. CH. I [Novgorodika-2015. From Pravda Russkaya to Russian Constitutionalism: Materials of the 5th Intern. scientific conf. September 24–25, 2015 Part I]. Velikiy Novgorod, 2016. S. 29–36 (In Russian)
39. *Seleznev Yu.V.* O vremeni, zatrachivayemom russkimi knyaz'yami na poyezdki v Ordu [On the time spent by Russian princes on trips to the Horde]. Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural Historical Bulletin]. 2012. № 2 (35). P. 31–36. (In Russian)
  40. *Seleznev Yu.V.* Poyezdka «v Tatory» Aleksandra i Andreya Yaroslavichey v 1247–1249 godah: nablyudeniya nad khronologiyey sobytiiy v stepi [A trip «to the Tatars» of Alexander and Andrei Yaroslavich in 1247–1249: observations on the chronology of events in the steppe]. Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya [Bulletin of VSU. Series: History. Political science. Sociology]. 2021. № 3. S. 54–60. (In Russian)
  41. *Seleznov Yu.V.* Russkiye knyaz'ya pri dvore khanov Zolotoy Ordy [Russian princes at the court of the khans of the Golden Horde]. Moscow: Lomonosov, 2017. (In Russian)
  42. *Staviskiy V.I.* «Kiyevskoye knyazheniye» v politike Zolotoy Ordy (pervaya chetvert' XIV v.) [«Kyiv reign» in the policy of the Golden Horde (the first quarter of the XIV century)]. Vneshnyaya politika Drevney Rusi (tezisy dokladov) [Foreign Policy of Ancient Rus' (abstracts)]. Moscow, 1988. S. 95. (In Russian)
  43. *Tolochko A.P.* Knyaz' v Drevney Rusi: vlast', sobstvennost', ideologiya [Prince in Ancient Rus': power, property, ideology]. Kiyev, 1991. (In Russian)
  44. *Fedorov-Davydov G.A.* Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy [Social structure of the Golden Horde]. Moscow: Izd-vo MGU [Publishing House of Moscow State University], 1973. (In Russian)

Ключевые слова:

Лаврентьевская летопись, источники, Джучиев Улус, Золотая Орда,
русско-ордынские отношения.

Yury V. Seleznev

THE LAURENTIAN CHRONICLE AS A SOURCE ON THE HISTORY OF JUCHIEV ULUS

The article examines the evidence of one of the early Russian chronicles – the Laurentian Chronicle. The article focuses upon the history of the Russian-Horde relations and the Juchi Ulus (Golden Horde) in order to identify their relevance.

The study is based on the analysis of a sample of evidence about the Horde and the Russian-Horde relations from the Laurentian Chronicle (1377). To identify the reliability of the evidence of this chronicle, news from sources of other origin – Armenian chronicles (in particular, Kairakos Gandzaketsi), Persian authors Juveini and Rashid al-Din, as well as data were used other Russian chronicles (Novgorod I, Novgorod IV, Ipatiev Chronicles, Avraamka Chronicle, Simeonovskaya Chronicle, Ustyuzhsky and Vologda chronicles).

As a result of the analysis of the Laurentian Chronicle, 42 pieces of news about the Horde and Russian-Horde relations recorded in 29 weather records were identified. At the same time, the share of these certificates for the period 1223–1304 amounted to up to a quarter (25%) of the total amount of news. This analysis shows the special relevance of the events in the Horde for the Old Russian chroniclers and the society of Medieval Russia.

The Laurentian Chronicle reflects a unique set of evidence about the conquest and establishment of the system of Mongol, and then, Horde rule; the position of the Vladimir-Rostov scribes and their assessment of Russian-Horde relations. The selection of news in the Laurentian Chronicle has an all-Russian character and is distinguished by a broad outlook of the authors.

While comparing the news of the Laurentian Chronicle with the evidence of sources of other origin, it is possible to understand the specifics of the unification measures of the Mongolian

central government at the time under consideration. In addition, independent information of Chinese, Persian, Armenian, and other monuments of synchronous time is confirmed and clarified. The evidence of the Laurentian Chronicle is a wide layer of indirect information that allows us to identify the features of internal political development in the Horde in the second half of the XIII century.

Key words: Laurentian Chronicle, sources, Juchiev Ulus, Golden Horde, Russian-Horde relations

Yury V. Seleznev – D. Sc. (History), Head of the Department of Russian History, Voronezh State University, Head of the Voronezh Club of the International Public Organization «Association of Researchers of the Golden Horde».

 Селезнев Юрий Васильевич

доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России
Воронежского государственного университета, руководитель
Воронежского клуба МОО «Ассоциация исследователей
Золотой Орды»

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.45.005

А.В. Духанина

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В КРАТКИХ РЕДАКЦИЯХ ЖИТИЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

Основным источником сведений о жизни и трудах Стефана Пермского является его Житие, написанное вскоре после кончины святителя, вероятно, в самом начале XV в.¹, младшим его современником Епифанием, получившим впоследствии прозвище Премудрый. Епифаний лично знал

Стефана, будучи иноком того же ростовского монастыря Григория Богослова, где пребывал Стефан до своего ухода на проповедь в пермские земли. И впоследствии Епифаний имел возможность общаться со Стефаном, когда тот посещал Троицкий монастырь, куда Епифаний перешел, став учеником преподобного Сергия Радонежского. Все это придает вес свидетельствам Епифания. Однако агиографический канон диктовал особый подход к исторической информации, ведь на первом плане в житии изображение духовной жизни персонажа, его трудов и подвигов на пути к спасению. В обширном епифаниевском сочинении обнаруживается скудный событиями биографический материал о Стефане, при этом

¹ О датировках сочинения см., напр.: Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / Подгот. текста, пер., коммент., иссл. А.В. Духаниной. М.; Брюссель: Conference Sainte Trinite du Patriarcat de Moscou ASBL; Екатеринбургский мужской монастырь, 2015 (Patrologia Slavica. Вып. 3). С. 560–561.

Свт. Стефан Пермский, с житием. Икона. Третья четверть XVII в. Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

многочисленные экскурсии помещают его фигуру в широкий контекст не только русской, но и всемирной, а также библейской истории, подчеркивая равноапостольность подвига первого пермского епископа. Литературные особенности Жития предопределили разные оценки епифаниевского текста как исторического источника — от серьезных претензий к фактографической составляющей² до признания высокой историчности текста³.

Начавшаяся Епифаниевской редакцией рукописная традиция Жития Стефана Пермского с развитием почитания святителя была продолжена целым рядом восходящих к ней кратких редакций. Вес первой редакции Жития в его рукописной традиции невелик — сегодня известно около 40 его списков XV–XVIII вв.⁴, число же списков кратких редак-

² См., напр., известную характеристику В.О. Ключевского (*Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Издание К. Солдатенкова (тип. Грачева), 1871. С. 95).*

³ См.: *Котылев А.Ю. Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV–XXI веков. Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. С. 93–96.*

⁴ В это число не вошли отрывки из Жития, составившие особую часть его рукописной традиции, представляющую текст как энциклопедический источник.

ций больше в разы (выявлено более сотни), не говоря уже о тысячных тиражах старопечатных изданий, куда также вошли краткие редакции Жития. И именно эти вторичные редакции формировали образ Стефана и его место в истории для массового читателя. При этом каждая редакция неизбежно становилась сокращенным и переработанным вариантом своего источника.

В настоящей работе мы обратимся к рукописной традиции Жития Стефана Пермского XV–XVI вв. и старопечатной XVII в.⁵ и рассмотрим, как авторы и редакторы кратких редакций Жития, созданных в это время, обращались с историческим материалом и что могли читатели узнать из этих текстов о жизни святителя и истории Руси второй половины XIV в.

Пахомиевская Проложная редакция и ее рукописная традиция

Создание Епифаниевской редакции Жития Стефана Пермского не имело прямой связи с формированием культа святителя.

Оформление церковного почитания Стефана Пермского отмечено появлением необходимых для богослужения текстов: Службы святителю и краткого Жития, помещенного в ней после 6-й песни канона и уже к началу XVI в. включавшегося в прологи, что позволяет отнести первую краткую редакцию Жития к проложным. Эти тексты были написаны книжником Пахომием Сербом по заказу епископа Пермского Филофея в начале 70-х гг. XV в.⁶

В работе над краткой редакцией Жития Стефана Пермского Пахомий опирался только на один источник — Епифаниевскую редакцию, к другим источникам книжник не обращался и пополнять текст какой-то новой информацией не считал нужным.⁷

⁵ За рамками исследования мы оставили недостаточно изученную пока рукописную традицию Жития XVII в.

⁶ Об атрибуции Пахомию Сербу Службы Стефану Пермскому и краткого Жития, включавшегося в ее состав, см.: Духанина А. В. Атрибуция Пахомию Сербу старшего Проложного Жития Стефана Пермского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 4 (70). С. 93–106.

⁷ Не используя в том числе и сюжет о чудесном общении на расстоянии Стефана Пермского и преподобного Сергия Радонежского, описанный им самим в одной из глав нескольких редакций Жития Сергия Радонежского, над которыми он работал в предшествующие десятилетия (см. подробнее ниже, при анализе Особой редакции Жития Стефана Пермского).

Святитель Стефан Пермский.

*Миниатюра к Пахомиевской Проложной редакции Жития Стефана Пермского.
Сборник. РГБ, ф. 299 (собрание Н. С. Тихонравова), № 258. Начало XVII в.*

Текст Пахомия конспективно излагает содержание Епифаниевской редакции, перечисляя без подробностей основные события биографии Стефана: рождение от благочестивых родителей; скорое обучение грамоте; уход в монастырь, пострижение и добродетельная жизнь там, восхождение по ступеням иерархии: чтец, затем диакон, затем иеромонах; изучение пермского языка, составление для него азбуки и перевод на него книг, изучение греческого языка; уход в Пермскую землю и проповедь среди язычников, сопровождавшаяся сжиганием кумирниц; основание первой церкви в честь Благовещения; «прение» с волхвом Памом-сотником и победа Стефана; отправление в Москву за епископом для новопросвещенной Пермской земли и принятие сана епископа Пермского; возвращение в Пермь и продолжение проповеди «лѣта доволна»; приезд в Москву «о церковных потребах», тяжелая болезнь и кончина; погребение. В заключение дается небольшая похвала Стефану.

Исторический материал Пахомий сохраняет в самом минимальном объеме. Так, он указывает происхождение Стефана («бысть от

страны Двиньския, града нарицаемаго Устюгъ» (Вяз. Q.10, л. 125)⁸), однако опускает национальность (Епифаний Премудрый сообщает, что Стефан «бѣ убо родомъ русинъ» (Лих. 161, л. 168)⁹); приводит имена родителей (Симеон и Мария), но не упоминает об их статусе и службе отца в Успенском соборе Устюга (ср. в Епифаниевской редакции: «от родителю нарочиту, сынъ нѣкоего христоролюбца, мужа вѣрна, христіяна, именовемъ Симеона, единого от клирикѣ великия съборныя церкви Святыя Богородица, иже на Устюзѣ» (Лих. 161, л. 168 об.)); не указывает название монастыря, в котором подвизался Стефан, кто и при каких иерархах постриг его, место погребения Стефана. Если Епифаний подробно описывает, кем и когда был поставлен Стефан в каждый сан, ср.: «И тако за многую его добродѣтель поставленъ бысть въ дияконы от Арсения, епископа и князя Ростовскаго. Таче посемь, по преставлении Алексѣя митрополита, повелѣниемъ намѣстника его именовемъ Михаила, нарицаемаго Митяя, поставленъ бысть въ презвитеры от Герасима, епископа Коломенского» (Лих. 161, л. 172–172 об.), то Пахомий приводит лишь последовательность чинов церковной иерархии, которые получает Стефан: «посемь чтець бывает, таже и дияконъ, посем же и священству сподобляется» (Вяз. Q.10, л. 125). Что интересно, здесь сербский книжник был не слишком внимателен к материалу источника: Епифаний указал, что Стефан стал чтецом в устюжском соборе вскоре после овладения грамотой, еще до ухода в монастырь, Пахомий же поместил это сообщение после упоминания о пострижении Стефана. Для Пахомия важно только имя митрополита, поставившего Стефана в епископа Пермского (Пимен), — о том, что это значимое событие — образование новой епископии и выбор ее первого иерарха — проходило при деятельном участии великого князя Дмитрия Ивановича (который, как подчеркнул Епифаний Премудрый, «любяше» Стефана «издавна» (Лих. 161, л. 236)) и сопровождалось консультациями с клириками, сербский книжник не упоминает, представляя выбор епископа для Перми как единоличный акт митрополита («Митрополит же, слышав, рад бысть и много поискавше, но изволися Пимину митрополиту того самого

⁸ Здесь и далее текст Пахомиевской Проложной редакции цитируется по одному из наиболее ранних и исправных списков: РНБ, собрание П.П. Вяземского, Q.10, 80–90-е гг. XV в., л. 125–126 об.

⁹ Здесь и далее текст Епифаниевской редакции цитируется по старшему полному списку СПбИИ РАН, ф. 238 (коллекция Н.П. Лихачева), оп. 1, № 161, 70-е гг. XV в., л. 165–300 об. (листы указываются по пагинации чернилами).

Стефана херотонисати...» (Вяз. Q.10, л. 126)). Особое внимание Пахомия к первоиерархам проявляется и в указании имени митрополита Киприана, при котором Стефан поехал в Москву перед своей кончиной. Таким образом, круг исторических персонажей исчерпывается именами двух русских митрополитов конца XIV в., наряду с которыми приводятся только имена родителей и волхва.

Не интересуют Пахомия и даты. Епифаний Премудрый указал и точное время составления пермской азбуки (а также славянской, позаимствовав соответствующий пассаж из Сказания «О письменех» черноризца Храбра), и время кончины Стефана: славянская азбука была составлена «в лѣто» 6363, пермская — «в лѣто» 6883, Стефан скончался «въ лѣто» 6904 (Лих. 161, л. 250 об., 251 об., 264 об.). Ни одной из этих дат в Пахомиевской Проложной редакции нет. Время кончины Стефана определено в тексте только днем памяти — 26 апреля.

Стоит отметить еще одно новшество пахомиевского текста, связанное с историческим материалом: в рассматриваемой краткой редакции наименование жителей Перми, встречающееся лишь единожды, дается в варианте *пермичи*: «великъ плачь и рыдание пермичем оставль» (Вяз. Q.10, л. 126). В Епифаниевской редакции употребляется только вариант *перминь/пермяне* по отношению к жителям Перми Вычегодской (коми-зырянам), к которым Стефан пришел с проповедью. Вместо этнохоронима Епифания, возможно, образованного им самим (либо первичного, но не закрепившегося впоследствии), Пахомий Серб использовал реальное название жителей Перми, которое встречается в исторических источниках (например, в Уставной грамоте Перми Великой начала XVI в., в Вологодско-Пермской летописи), однако было ли это решение осознанным или случайным — неизвестно.

Как видим, Пахомий в отборе исторического материала следует канону агиографического жанра, для которого, в его понимании, не важны светские исторические лица и даты событий, а также другие детали, составляющие исторический фон происходящего, при этом среди них оказываются даже те подробности, которые значимы в житийном тексте (как, например, упоминание о времени смерти и месте погребения). Пахомий максимально исторически обезличивает житийный текст, оставляя в нем лишь то, что позволяет кратко и традиционно представить агиобиографию святителя, т.е. здесь он во главу угла ставит именно жанр, который не может и не должен восприниматься читателем как исторический источник. Подобное обращение с историческим материалом ха-

рактально для Пахомия-редактора, работавшего с житийными текстами, составленными до него, что уже отмечалось исследователями¹⁰.

Пахомиевская Проложная редакция Жития Стефана Пермского, по сравнению со всеми другими рукописными краткими редакциями Жития, получила наибольшее распространение в русской книжности: на данный момент обнаружено около 70 ее списков конца XV — начала XIX в., а также несколько редакций, составленных на ее основе¹¹. Выявленные списки показывают, что уже к началу XVI в. текст был известен в большинстве крупных книгописных центров: в Москве, Троице-Сергиевом и Кирилло-Белозерском монастырях, Пскове, в вологодских пределах. Примерно до середины XVI в. эта редакция оставалась, по-видимому, единственным кратким житийным текстом о святителе Стефане.

В XVI столетии с распространением почитания Стефана Пермского в связи с его общерусским прославлением, как принято считать, на Макарьевском соборе 1549 г.¹² рукописная традиция Жития святителя стала активно обогащаться и новыми редакциями, и вариантами уже существующих. Этот процесс затронул и Пахомиевскую Проложную редакцию: в XVI в. появилось несколько ее видов с дополнениями по другим источникам¹³.

Не позднее 40-х гг. XVI в. в прологи стали включаться списки варианта Пахомиевской Проложной редакции Жития Стефана Пермского, отнесенные нами при классификации к 1-му Дополненному подвиду

¹⁰ Ср., напр.: Яблонский В.[М.] Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб.: Синод. тип., 1908. С. 238.

¹¹ О рукописной традиции Пахомиевской Проложной редакции см.: Духанина А.В. Рукописная традиция Пахомиевской Проложной редакции Жития Стефана Пермского и реконструкция текста // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 4 (90). С. 131–151.

¹² См., напр.: Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 225. Прим. 3. С. 462; Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т. 2. 2-я пол. тома. М.: Синод. тип., 1911. С. 594; Макарий (Веретенников), архим. Святитель Макарий, митрополит Московский. Очерки о жизни и деятельности. СПб.: Русская симфония, 2010. С. 73. Несмотря на сомнения в существовании соборной грамоты 1549 г. с «канонизационным списком» святых (см.: Мусин А., диакон. Соборы митрополита Макария 1547–1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего Средневековья: XVI век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 146–165; Ткачев Е.В. Канонизация // Православная энциклопедия. Т. 30. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2012. С. 304–307), представление о времени общерусского прославления Стефана Пермского осталось прежним.

¹³ О текстологической классификации списков Пахомиевской Проложной редакции см.: Духанина А.В. Рукописная традиция Пахомиевской Проложной редакции Жития Стефана Пермского и реконструкция текста. С. 136–140.

Основного вида. Этот вариант текста, известный на данный момент в трех списках второй — третьей четверти XVI в., восходящих к одному протографу, содержит две небольшие вставки вначале¹⁴, ср.:

Пахомиевская Проложная редакция Основной вид Основной подвид	Пахомиевская Проложная редакция Основной вид 1-й Дополненный подвид	Епифаниевская редакция
«Сеи преподобнии и богоноснии отецъ нашъ епископъ Стефанъ бысть от страны Двиньския, града, нарицаемаго Устюгъ...» (Вяз. Q.10, л. 125).	«Сеи преподобнии и богоноснии отецъ нашъ и епископъ Стефанъ бѣ <u>убо родомъ русинъ, от языка словенъска, от страны полунощныя, глаголемыя</u> Двиньския, града, нарицаемаго Устига...» (БАН, собрание Ф.А. Каликина, № 148, л. 145в).	«Сеи преподобнии отецъ нашъ Стефанъ бѣ <u>убо родомъ русинъ, от языка словѣньска, от страны полунощныя, глаголемыя</u> Двиньския, от града, нарицаемаго Устюга...» (Лих. 161, л. 168–168 об.).

Как видим, редактор текста посчитал нужным вернуть в него указание о происхождении Стефана, опущенное Пахомием, считая его важной деталью рассказа о святом. Источником вставок могла быть либо Епифаниевская редакция Жития Стефана Пермского, либо составленная, по-видимому, в 40-е гг. XVI в. специально для прологов Вторая Проложная редакция Жития, дословно повторяющая начало первой главы Епифаниевской редакции¹⁵. Учитывая рукописную традицию, второе предположение выглядит более предпочтительным¹⁶.

Шесть списков Пахомиевской Проложной редакции Жития Стефана Пермского второй половины XVI — начала XVII в. представляют вариант текста, которому из-за его текстуральной особенности было дано название Вида с измененным концом. В нем переработано окончание, посвященное похоронам Стефана, а небольшая заключительная похвала опущена, ср.:

¹⁴ Предполагать первичность чтений 1-го Дополненного подвида у нас нет оснований — на это указывает рукописная традиция Пахомиевской Проложной редакции (см. стемму, демонстрирующую взаимоотношения списков: Духанина А.В. Рукописная традиция Пахомиевской Проложной редакции Жития Стефана Пермского и реконструкция текста. С. 141).

¹⁵ См. об этом: Духанина А.В. Вторая Проложная редакция Жития Стефана Пермского, связанная с общерусской канонизацией святителя // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 130–131.

¹⁶ См. подробнее: Духанина А.В. Рукописная традиция Пахомиевской Проложной редакции Жития Стефана Пермского и реконструкция текста. С. 137.

Пахомиевская Проложная редакция Основной вид	Пахомиевская Проложная редакция Вид с измененным концом
<p>«И тако еще сущю славословию во устѣх его, честную и священную душу свою Господеви чисто предасть мѣсяца априля въ 26. Великъ плачь и рыдание пермичем оставль. Тогда, слышавше, князи собрашася, и бояре, и священници, и елици ближних монастыреи бяху архимандрити же и игумени и проводивше честное его тѣло честно, псалмопѣниемъ, надгробными почетше, якоже достояше святителя. На память святаго Василья Амазиискаго совершает же ся соборъ в тои же церкви, иже от него созданныи в Перми. Таковы блаженнаго отца подвиги, такова исправления, такова того священна учения. Преставися тѣлом, духом же Господеви живъ со святыми предстоить. Отиде от трудовъ в покои, от тѣлних пакы въ бытие и божественны покои, егоже и вси да сподобимся о Христѣ Исусѣ Господи нашем, ему же слава со Отцем и Святымъ Духом ныня и присно и в вѣки вѣком. Аминь» (Вяз. Q.10, л. 126–126 об.).</p>	<p>«И тако еще славословию сущю во устѣх его, честную и священную свою душу Господеви предасть мѣсяца апрѣля въ 26. Великъ убо плачь и рыдание людем, иже в Перми сущим. Тогда собрашася святители со священным сбором, надгробными пѣсньми почетше святаго, якоже достояше, и многочестыѣ положиша трудолюбное его тѣло во церкви Происхождение Честнаго Креста, еже есть въ предѣле великия церкви Христова Преображения. Свершает же ся соборъ его в том же честнѣм храмѣ, идѣже честныя его мощи предложиша. Богу же нашему слава» (РНБ, собрание М.П. Погодина, № 892, л. 385–385 об.).</p>

Как упоминалось выше, Пахомий Серб при составлении краткой редакции Жития опустил сообщение о месте погребения Стефана Пермского, хотя Епифаний Премудрый написал об этом («Положиша его въ преименитомъ въ пресловущемъ градѣ Москвѣ, въ монастыри Святаго Спаса, въ церкви каменои, входящимъ въ церковь на лѣвои странѣ» (Лих. 161, л. 266 об.)). Неизвестный нам книжник, быть может, проживавший в Москве и знавший о том, где покоятся мощи святителя, решил дополнить переписываемый им текст этой важной, с его точки зрения, информацией. Однако о монастыре он не сообщил, что свидетельствует о появлении этого вида текста не ранее конца XV в., так как после пожара 1488 г. Спасский монастырь (Спас на Бору) был перенесен из Кремля на берег Москвы-реки, за Язу, а Спасо-Преображенский собор стал дворцовым храмом¹⁷. Зато в тексте

¹⁷ Давиденко Д.Г., Э.П.И. Московский в честь Преображения Господня мужской монастырь (Спас на Бору) // Православная энциклопедия. Т. 47. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2017. С. 396–397.

появилось указание посвящения придела — Происхождения Честного Креста. Некоторые текстуальные пересечения это сообщение о месте упокоения Стефана имеет с соответствующим фрагментом 9-й главы 13-й степени Степенной книги, который, возможно, и стал для автора источником, ср.: «Святое же и честное священное его и трудолюбивое тѣло положено бысть въ церкви всемилостиваго Спаса, иже есть придеѣль у Преображения Господня»¹⁸, и тогда можно говорить о появлении этого вида текста Пахомиевской Проложной редакции не ранее 60-х гг. XVI в.¹⁹

Рассмотренные варианты текста Пахомиевской Проложной редакции свидетельствуют о том, что не всех книжников XVI в. устраивал столь малоинформативный в историческом плане текст и они стремились внести в него хотя бы самые значимые для жизнеописания святого детали: о происхождении Стефана или месте его погребения, при этом они обращались к тем источникам, которые оказывались в их распоряжении.

Продолжением и, пожалуй, наиболее яркой реализацией тенденции к пополнению Пахомиевской Проложной редакции историческими данными стала Контаминированная редакция, которая с учетом известной на данный момент рукописной традиции текстов о Стефане Пермском наиболее обоснованно может быть датирована 30–60-ми гг. XVI в.²⁰ Полный ее список обнаружен в mineйном Торжественнике ГИМ, собрание А.С. Уварова, № 439-1° (далее — Увар. 439), 30–40-х гг. XVII в., но есть также список в Трефологе РНБ, собрание А.А. Титова, № 2623 (далее — Тит. 2623), 50–60-х гг. XVI в., где читается только первая часть рассматриваемой редакции, восходящая к общему с Увар. 439 протографу. В Контаминированной редакции к тексту Пахомиевской Проложной редакции²¹ добавлена летописная

¹⁸ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. В 3 т. Т. 2. Степени XI–XVII. Приложения. Указатели. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 80.

¹⁹ О времени составления Степенной книги см.: Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. С. 125–197.

²⁰ См. о ней подробно: Духанина А.В. Новые редакции как продолжение рукописной традиции Пахомиевской Проложной редакции Жития Стефана Пермского // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени. Вып. 2 (в печати).

²¹ Именно этой первой частью ограничивается сокращенный список редакции Тит. 2623, который мы ранее относили к 2-му Дополненному подвиду Основного вида Пахомиевской Проложной редакции (см.: Духанина А.В. Рукописная традиция Пахомиевской Проложной редакции Жития Стефана Пермского и реконструк-

статья, которая читается под 6904 (1396) г. в списках Сокращенных летописных сводов конца XV в.²², а также в списке Царского Софийской I летописи начала XVI в.²³, куда эта статья попала из какого-то списка одного из Сокращенных летописных сводов²⁴. Выбор источника для второй части определялся, несомненно, наличием в нем дополнительных исторических сведений: эта летописная статья, помимо краткого упоминания о подвиге Стефана по созданию пермской грамоты и просвещению Пермской земли, перечисляет объекты поклонения пермян-язычников, племена, живущие «около Перми», четыре реки, протекающие по ее территории, а также включает информацию о времени кончины Стефана, т.е. дает некоторый исторический фон и дополнения к сведениям Пахомиевской Проложной редакции. При этом обе части Контаминированной редакции содержат вставки из источников, вероятно, летописного происхождения. К той же летописной статье, что воспроизведена во второй части, восходит вставка, сделанная в конце текста первой части, с указанием времени преставления Стефана и имен царя и митрополита, при которых оно имело место: «И тако еще сущу славословию во устѣхъ его, честную и священную душу свою Господеви честно предасть при великомъ князи Васи-
льи Димитрѣвиче и при митрополите Киприянѣ, в лѣто 6000 девять-
сот четвертаго, в преполовение праздника, мѣсяца апрѣля въ 26 день» (Увар. 439, л. 171). А во вторую часть Контаминированной редакции, в свою очередь, были сделаны три вставки из какого-то другого, предположительно также летописного источника. Первая из них уточняет информацию о поставлении Стефана в епископа Пермского, при этом

ция текста. С. 137–138). Впрочем, на данном этапе изучения рукописной традиции Жития мы не готовы окончательно отвергнуть это предположение (см. подробнее: Духанина А. В. Новые редакции как продолжение рукописной традиции Пахомиевской Проложной редакции Жития Стефана Пермского).

²² См.: Полное собрание русских летописей. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 262, 337–338; Новикова О. Л. «Сокращенный свод» в 70–90-х гг. XV века и его Соловецкий вид // Летописи и хроники. Новые исследования. 2013–2014. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 215–216; она же. «Сокращенный свод» редакции 1491 г. (ГИМ, Син. 963) // Летописи и хроники. Новые исследования. 2017–2018. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2019. С. 99.

²³ Полное собрание русских летописей. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М.: Наука, 1994. С. 135.

²⁴ Об источниках списка Царского Софийской I летописи см.: Клосс Б. М. Список Царского Софийской I летописи и его отношение к Воскресенской летописи // Летописи и хроники. 1984 г. М.: Наука, 1984. С. 25–37. О происхождении статьи 6904 г. см.: Там же. С. 28.

ошибочно указывая тот же год, что и во вставке о преставлении: «Сеи убо святитель святыи Стефанъ, новыи апостоль Пермския земли, поставлень бысть епископомъ в Пермь митрополитомъ Пиминомъ всеа Руси во граде Москвѣ в лѣто 6000 деветьсотъ четвертаго, при великомъ князи Димитрие Ивановиче всеа Руси, учитель и просвѣтитель душъ ихъ...» (Увар. 439, л. 171 об.). Вторая вставка сообщает о месте погребения: «И положено бысть пречестное тѣло его въ богохранимомъ градѣ Москвѣ, въ церкви Святаго Спаса за дворомъ великого князя, въ предѣле Спаса Милостиваго, еже есть августа в первыи день» (Увар. 439, л. 172). Наконец, третья вставка, следующая за второй и завершающая текст, указывает: «Ино чудо святаго Стефана в Сергиевыхъ чудесѣхъ писано» (Увар. 439, л. 172), что демонстрирует стремление автора редакции учесть все доступные ему источники о Стефане, упомянув и отсутствующее в пахомиевском тексте Жития святителя чудо. Заметим, что наличие вставок привело к дублированию информации о поставлении Стефана в епископа Пермского и о времени его кончины в тексте Контаминированной редакции, на что ее автор внимания не обратил, как и на неверный год поставления.

Необходимо отметить и противоположную тенденцию в работе русских книжников с текстом Пахомиевской Проложной редакции — его сокращение.

Уже в конце XV в. появился так называемый Неполный вид этой редакции, завершающийся сообщением о преставлении Стефана Пермского: в нем опущены описание похорон Стефана и заключительная похвала²⁵. Учитывая, что никаких конкретных исторических сведений эти фрагменты текста Пахомиевской Проложной редакции не содержат, можно признать, что на информативность текста данное сокращение не повлияло.

Этого, однако, нельзя сказать о Сокращенной Проложной редакции Жития Стефана Пермского, список которой известен в составе Пролога ГИМ, собрание А.С. Уварова, № 680-1° (далее — Увар. 680), 10–20-х гг. XVII в.²⁶ Данная редакция, составленная на основе Пахомиевской Пролож-

²⁵ См. подробнее об этом виде: Духанина А.В. Рукописная традиция Пахомиевской Проложной редакции Жития Стефана Пермского и реконструкция текста. С. 138–139.

²⁶ Время составления редакции неизвестно — она могла появиться и в XVI в. Подробнее о Сокращенной Проложной редакции см.: Духанина А.В. Новые редакции как продолжение рукописной традиции Пахомиевской Проложной редакции Жития Стефана Пермского.

ной редакции, показывает, что даже небольшой текст Пахомия книжники могли сократить, посчитав, что для Пролога нужен еще более конспективный вариант. Это коснулось и исторической информации. Было убрано уточнение о том, что город Устюг, откуда Стефан был родом, находится в «Двинской стране», а также дата преставления — 26 апреля. Некоторые изменения обнаруживаются и в биографии Стефана: в Сокращенной Проложной редакции нет сведений об изучении Стефаном греческого языка, однако это связано с гаплографической утратой в списке-источнике. С другой стороны, Сокращенная Проложная редакция содержит сообщение о месте упокоения Стефана, что объясняется ее составлением на основе списка Вида с измененным концом Пахомиевской Проложной редакции. В Сокращенной Проложной редакции дается прямое указание на чудеса, совершенные святителем: «и многа чюдеса содѣя» (Увар. 680, л. 188), что заменяет фразу Пахомия: «многая же и иная повѣстем достойна сотвори» (Вяз. Q.10, л. 125 об.). Здесь автор Сокращенной Проложной редакции обращается к шаблонному житийному выражению и тем самым вводит в текст упоминание о чудесах, которые не были описаны ни Епифанием, ни Пахомием.

Таким образом, развитие рукописной традиции Пахомиевской Проложной редакции проявлялось как в дополнении текста новыми историческими сведениями из других источников, так и в его сокращении в рамках житийного канона, что отражалось и на объеме исторической информации.

Вторая Проложная редакция и ее переход в печатный Пролог

Как уже отмечалось, общецерковное почитание Стефана Пермского инициировало появление новых редакций его Жития.

Унификация почитания святых, закреплённая, как считается, Макарьевскими соборами 1547 и 1549 гг., предполагала упорядочение литургической практики, в рамках которого собирались или создавались новые службы, а также, как выяснилось, новые проложные редакции житий. Во второй — третьей четвертях XVI в. в Пскове одним кругом книжников был создан целый комплекс из нескольких десятков кратких редакций житий русских и славянских святых и сказаний о праздниках для включения в Пролог. Списки этих редакций вошли в состав Макарьевского вида Псковской редакции Простого пролога на сентябрьскую половину года и Макарьевского варианта Пространной редакции Про-

стого пролога на мартовскую половину года²⁷, а также в так называемый Румянцевский сборник РГБ, ф. 256 (собрание Н.П. Румянцева), № 397 (далее — Рум. 397), середины XVI в., где они образуют единый агиографический блок. Специфика этого комплекса в том, что для него, несмотря на наличие уже существующих и явно известных составителям проложных редакций, создавались новые проложные тексты, причем можно говорить об общих принципах работы над проложными статьями, главным из которых является сокращение с дословным воспроизведением значительных фрагментов источника, что отмечено в большинстве редакций, основанных на более ранних пространных редакциях соответствующих житий²⁸.

К этому комплексу относится и Вторая Проложная редакция Жития Стефана Пермского, созданная, по-видимому, в 40-е гг. XVI в.²⁹

²⁷ Эти разновидности Пролога большого распространения не получили: на данный момент выявлено 3 списка Макарьевского вида Псковской редакции Простого пролога второй — третьей четверти XVI в. и 5 списков Макарьевского варианта Пространной редакции Простого пролога 40-х гг. XVI в. — 20-х гг. XVII в. (см.: Фет Е.А. Новые факты к истории древнерусского Пролога // Источниковедение литературы Древней Руси. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. С. 53–70; Чистякова М.В. Макарьевские варианты Псковской и Пространной редакций Простого пролога // *Latopisy Akademii Supraskiej. Vol. 2. Kościół prawosławny na Bałkanach i w Polsce — wzajemne relacje oraz wspólna tradycja*. Białystok, 2011. S. 163–172). Впрочем, для некоторых списков Пролога принадлежность к Макарьевскому варианту требует более серьезной аргументации, если принимать во внимание не только состав русских статей, но и единство вошедших в сборник редакций.

²⁸ Об этом комплексе в связи с анализом некоторых относящихся к нему редакций см.: Духанина А.В. Вторая Проложная редакция Жития Стефана Пермского, связанная с общерусской канонизацией святителя; *она же*. Проложная редакция Жития Авраамия Ростовского в составе печатного Пролога (к вопросу о происхождении) // Вестник церковной истории. 2019. № 1/2 (53/54). С. 149–157; *она же*. Проложная редакция Жития Исидора Твердислова времени митрополита Макария и ее переход в печатный Пролог // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2021. № 1. С. 95–115; *она же*. Рукописная и старопечатная традиции Проложной редакции Жития Александра Невского // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия) / Институт российской истории РАН, Институт археологии РАН. М.: Индрик, 2021. С. 387–391; *она же*. Проблемы рукописной традиции Жития Исидора Ростовского: две проложные редакции XVI в. // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени. Вып. 1. М.: Ин-т российской истории РАН, 2022. С. 32–45. В указанных статьях приводятся работы других исследователей, посвященные еще ряду редакций, которые рассматриваются вне связи с этим комплексом.

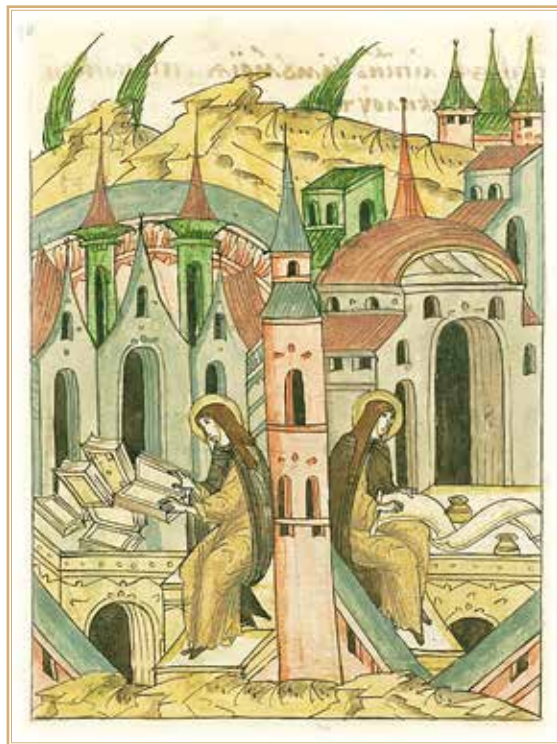
²⁹ См. о ней подробно: Духанина А.В. Вторая Проложная редакция Жития Стефана Пермского, связанная с общерусской канонизацией святителя.

Новая проложная редакция была составлена, как и Пахомиевская, на основе только Епифаниевской редакции, без привлечения других источников.

Сюжетную канву Епифаниевского текста автор Второй Проложной редакции сохранил, но событийный ряд представил богаче, чем Пахомий Серб. Из новой редакции можно было узнать также и такие биографические подробности: Стефан сам переписывал книги («Написа же святыи многи книги своима рукама...» (Рум. 397, л. 420а)) и имел у себя книги на трех известных ему языках («...и у себе их имѣяше всѣх языкъ трех книги: грѣческой, и руской, и пермской» (Рум. 397, л. 420б)); перед отправлением в Пермь Стефан получил от епископа все, что «надобна на освящение святѣи церкви» (Рум. 397, л. 420в); помимо первой церкви во имя Благовещения, впоследствии Стефан основал еще целый ряд церквей («...и хожаше и уча по всеи земли Пермской, и церкви Божии поставяше по мѣстом и по волостемъ» (Рум. 397, л. 421а)); в Москву за епископом для Перми Стефан отправился после совещания «со ученики своими, еже есть с новокрещенными людьми пермичи» (Рум. 397, л. 421а–б) и свою мысль о необходимости учреждения новой епархии «поведал» великому князю Дмитрию Ивановичу и митрополиту Пимену; для выбора кандидатуры епископа Пермского митрополит совещался с великим князем, а также с «епископы и священники» (Рум. 397, л. 421б–в); после возвращения в Пермь в сане епископа Пермского Стефан поставял священников, основывал новые церкви, богослужение в которых велось на пермском языке, а также монастыри (Рум. 397, л. 421в–г); о своем представлении Стефан провидел «за три мѣсяцы или болѣ» (Рум. 397, л. 421г).

Автор Второй Проложной редакции Жития применял тот подход к созданию проложного текста, что характерен и для других проложных редакций комплекса: основываясь только на пространной Епифаниевской редакции Жития Стефана Пермского, он брал оттуда значительные фрагменты текста полностью либо с пословным сокращением, перемежая их пересказом. В каких-то случаях текст воспроизводится дословно, со всеми подробностями и «плетением словес» (например, начало первой главы Епифаниевской редакции, где сохранены все сведения о происхождении Стефана и его родителях); в других случаях наблюдается сокращение риторических украшений и отдельных деталей (например, пропуск прозвища и сана игумена Максима, постригшего Стефана)³⁰.

³⁰ См.: Духанина А. В. Вторая Проложная редакция Жития Стефана Пермского, связанная с общерусской канонизацией святителя. С. 130–132.

Стефан Пермский изучает греческий и пермский языки, составляет пермскую азбуку и переводит книги на пермский язык.
Миниатюра из Лицевого летописного свода. 70-е гг. XVI в.

Это привело к особому набору исторических сведений в новом проложном тексте.

Для автора Второй Проложной редакции значимыми были все те сведения, которые касались непосредственно святителя, поэтому он сохраняет имена всех лиц, с которыми тот контактирует: игумена Максима, постригшего Стефана; епископа Ростовского Арсения, поставившего его в диаконы; «намѣстника митрополичиа Михаила, нарицаемаго Митяя» (Рум. 397, л. 420а–б), повелением которого Стефан был поставлен в презвитеры, и епископа Коломенского Герасима, совершившего поставление; митрополитов Пимена, поставившего Стефана в епископы Пермские, и Киприана, к которому Стефан отправился «о нѣких ради церковных исправлений и о законных правилѣх» перед своей кончиной (Рум. 397, л. 422а), а также великого князя Дмитрия Ивановича, принявшего активное участие в учреждении новой Пермской епархии и выборе для нее первого епископа; великого князя Василия Дмитриевича, при котором Стефан преставился. Сохранены также географические детали: название и место расположения монастыря, где Стефан принял постриг; местонахождение первой

пермской церкви Благовещения («...на мѣсте, нарицаемѣмъ на устии Выми рѣкы...» (Рум. 397, л. 421а)); наконец, полностью воспроизведено описание места захоронения Стефана («...в приснословущем градѣ Москве и положиша в монастырѣ Святаго Спаса, въ церкви каменной, входящим въ церковь на лѣвои странѣ» (Рум. 397, л. 422б)). Из хронологических вех автор Второй Проложной редакции выделил только дату кончины: «Преставися святыи Стефанъ в лѣто 6904-го, мѣсяца априля в 26 день, на четвертой недѣли по Велицѣ дни» (Рум. 397, л. 422б), дату же составления пермской азбуки опустил. Но внимание к хронологии проявилось в указании исторических лиц, что позволило локализовать во времени наиболее значимые события, например, пострижение Стефана состоялось при епископе Ростовском Парфении, поставление в диаконы — по преставлении митрополита Алексия, поставление в епископа Пермского — «по Тактамыше цари, по рати его на другую зиму» (Рум. 397, л. 421в). Вероятно, эти сведения были информативны для самого автора Второй Проложной редакции, но было ли это так для ее читателей — вопрос спорный.

Таким образом, Вторая Проложная редакция Жития Стефана Пермского в большей степени насыщена историческим материалом, чем редакция Пахомия Сербя: в ней нашли отражение практически все исторические сведения, касающиеся непосредственно Стефана, однако широкий исторический и географический фон, представленный в Епифаниевской редакции, почти полностью остался за рамками повествования. В таком подходе можно видеть иное восприятие житийного канона проложного текста.

Есть во Второй Проложной редакции и некоторые фактические изменения. При именовании жителей Перми ее автор, как и Пахомий Серб, обращается к актуальному этнохорониму *пермичи*. А вот при использовании топонимов, наоборот, появляются сведения, противоречащие источникам: во Второй Проложной редакции употребляется топоним *Пермь Великая* как обозначение территории, где проходила миссионерская деятельность Стефана (ср.: «И посем святыи, Богомъ наставляем, иже издавна желаше, иде в землю невѣрную, Пермъ Великую...»; «И посемъ приидѣ святыи Стефанъ в Пермъ Великую и начя учити вѣрѣ Христовѣ...» (Рум. 397, л. 420б, 420в))³¹; однако Стефан проповедовал коми-зырянам в Перми Вычегодской, крещение же Перми Великой, где проживали ко-

³¹ Топоним *Пермь Великая* встречается в тексте наряду с другим обозначением — *Пермская земля*, восходящим к Епифаниевской редакции Жития.

ми-пермяки, состоялось лишь спустя почти столетие³². Возможно, автор Второй Проложной редакции по каким-то причинам распространил или перенес деятельность Стефана на Пермь Великую. Это могло быть сделано либо по незнанию: с крещением и присоединением к Русскому государству Перми Великой (Верхнего Прикамья) значение Перми Вычегодской начинает падать, и книжник мог знать только о Перми Великой; либо при хорошем знании пермских реалий, наоборот, осознанно — для повышения значимости миссионерской деятельности Стефана, которая была распространена и на соседние земли, крещенные гораздо позже. Заметим, что в Перми Великой Стефана чтили как родоначальника Пермской епархии и уже в XVI в. он именовался епископом Великопермским (ср. современное именование в Русской православной церкви: святитель Стефан, епископ Великопермский)³³. Как видим, эти новые исторические реалии не позволяют судить о знаниях автора Второй Проложной редакции о географии и истории пермских земель, однако показательно само внимание к этим деталям. Особое их значение состоит в том, что они создают иное представление о процессе христианизации региона.

О большой востребованности этой первоначальной разновидности Второй Проложной редакции Жития Стефана Пермского говорить не приходится — она известна на данный момент лишь в двух списках: в составе Румянцевского сборника и одного списка Макарьевского варианта Пространной редакции Простого пролога ГИМ, Синодальное собрание, № 241 (далее — Син. 241), 20-х гг. XVII в. Однако в дальнейшем она заняла значимое место в русской книжности.

Список Пролога Син. 241 стал рукописным корректурным экземпляром для первого издания тома на мартовскую половину года Пролога, вышедшего в 1643 г.³⁴ (первый том, на сентябрьскую половину года, изданный повторно, вышел в 1642 г., и потому это издание является вторым изданием Пролога 1642–1643 гг.)³⁵. При подготовке к печати тексты

³² См., напр.: *Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. С. 75 и след.; *Головчанский Г.П.* Христианизация Перми Великой в XV — начале XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006; *Чагин Г.Н.* Пермь Великая и первые века ее христианизации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 5 (42). С. 7–13.

³³ См.: *Чагин Г.Н.* Пермь Великая и первые века ее христианизации. С. 7. Прим. 2.

³⁴ Пролог. Вторая половина (март — август). М.: Печатный двор, 1643. Далее при цитировании ссылки на издание даются в тексте в скобках.

³⁵ См.: *Круминг А.А.* Редакции славянского печатного Пролога (предварительные заметки) // Славяноведение. 1998. № 2. С. 46–60.

прошли несколько уровней правки. Были внесены изменения в содержание: переставлялись или удалялись некоторые тексты или их части, а также добавлялись новые статьи, на более поздней бумаге (1640-х гг.). Весьма значительным был объем языковой правки, включавшей последовательную правку орфографии, пунктуации, знаков ударения и придыхания; исправление ошибок и описок; лексические поновления; наконец, могли вноситься стилистические и фактические изменения. На этапе набора была сделана дополнительная правка, отчасти скорректировавшая уже имевшуюся в рукописи³⁶.

В ходе правки Второй Проложной редакции Жития Стефана Пермского, проведенной в соответствии с отмеченными общими для Пролога тенденциями, особое внимание справщиков привлекли не книжные элементы, унаследованные текстом из Епифаниевской редакции, а также исторический материал³⁷.

Ряд деталей, по-видимому, воспринимавшихся справщиком как незначительные, он убрал из текста: упоминание об обучении Стефана грамоте в Устюге (наверное, он счел достаточным указание Устюга в качестве места рождения святителя); название монастыря (Затвор), где учился и принял постриг Стефан; сообщение о том, что Стефан был поставлен в епископа Пермского через год после нашествия Тохтамышша. По какой-то причине была опущена завершающая текст фраза с датой кончины святителя.

Однако в других случаях справщик, наоборот, посчитал нужным дополнить текст новыми данными. Здесь прежде всего обращает на себя внимание пояснение: «...и преставися къ Богу... при благовѣрном великомъ князѣ Василии, сынѣ Димитриевѣ, великаго князя, иже царя Мамая побѣди...» (Пролог 1643 г., л. 294), ср. во Второй Проложной редак-

³⁶ О правке в ходе подготовки текстов к печати см., напр.: Демин А.С. Современные тенденции в источниковедении древнерусской литературы и задачи изучения печатного Пролога // Русская старопечатная литература. XVI — первая четверть XVIII в. Литературный сборник XVII века «Пролог». М.: Наука, 1978. С. 20–21; Сапожникова О.С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 204–205; Духанина А.В. Проложная редакция Жития Авраамия Ростовского в составе печатного Пролога (к вопросу о происхождении). С. 157–161; она же. Проложная редакция Жития Исидора Твердислова времени митрополита Макария и ее переход в печатный Пролог. С. 106–108; она же. Рукописная и старопечатная традиции Проложной редакции Жития Александра Невского. С. 390–394; она же. Проблемы рукописной традиции Жития Исая Ростовского: две проложные редакции XVI в. С. 46–49.

³⁷ См. подробно: Духанина А.В. Житие Стефана Пермского в составе печатного Пролога // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 36–40.

ции: «...при благовѣрномъ великомъ князе Василии Димитриевиче всеа Руси...» (Син. 241, л. 310). Справщик подчеркнул значение личности Дмитрия Донского, основным деянием которого в исторической памяти была победа над Мамаем³⁸. Это соотносится с общими редакторскими установками правки текстов для печатного Пролога: исследователи отмечают, что «[в]осприятие Куликовской битвы как самого значимого события в жизни великого князя Московского закрепилось во втором издании Пролога 1642 г.»³⁹. В качестве пояснения для читателя справщик также указывает: «Посемъ святыи, Богомъ сыи наставляемъ, и по благословению предреченнаго епископа Коломенскаго Герасима, иже издавна желаше, иде въ землю невѣрную Великия Перми...» (Пролог 1643 г., л. 292–292 об.) — здесь можно предполагать либо обращение к другим редакциям Жития, где об этом говорится (например, к Епифаниевской), либо «восстановление» этой информации как отражение житийного топоса — благословения святого иерархом или другим духовным авторитетом на то или иное действие. Еще одной вставкой справщик уточняет современное состояние храма, где упокоились мощи Стефана, — его превращение в дворцовый храм (см. выше): «...и проводиша тѣло его честно въ приснословуемъ градѣ Москвѣ, и положиша е в монастырѣ Святаго Спаса, идѣже нынѣ дворѣ царевъ, в церкви каменнѣи, на лѣвои странѣ» (Пролог 1643 г., л. 294–294 об.).

Внимание справщика к историческим персонажам проявилось и в том, что упоминаемый Епифанием Премудрым и затем во Второй Проложной редакции ростовский епископ Парфений, при котором Стефан принял постриг, стал Арсением (следующий ростовский епископ, который поставил Стефана в диаконы, о чем в Житии сообщается несколькими строками ниже), ср.: «...и пострижесе во мнишеский чинѣ во градѣ Ростовѣ, въ монастырѣ Святаго Григория Богослова, близъ епископии, при епископѣ Ростовьстѣмъ Арсении...» (Пролог 1643 г., л. 291 об.) — в Син. 241: «Парфении» (л. 308). Неизвестно, какими ображениями справщик руководствовался в данном случае: возможно, его

³⁸ Такое восприятие образа великого князя Дмитрия Ивановича формируется уже в XV в. и сохраняется в XVII в. (см., напр.: Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М.: Квадрига, 2011. С. 266–320).

³⁹ Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. С. 315; обзор упоминаний Дмитрия Донского в статьях Пролога 1642–1643 гг. издания (в том числе в Житии Стефана Пермского) см.: Елеонская А.С. Тема борьбы против ордынского ига в старопечатном Прологе // Куликовская битва в литературе и искусстве. М.: Наука, 1980. С. 109.

исторический багаж включал сведения о ростовских владыках, почерпнутые из источников, где имя Парфения отсутствовало (например, его нет в Степенной книге) (см. об этом также ниже).

Особый интерес представляет инципит редакции в составе печатного Пролога, согласно которому оказывается, что Стефан был родом из *Великой Руси*: «Сеи преподобнии отецъ нашъ Стефанъ бѣ родомъ Великия Руси...» (Пролог 1643 г., л. 291). Появлением этой подробности мы обязаны ошибке в списке Син. 241, где вместо первичного чтения Второй Проложной редакции *русинъ*, восходящего к Епифаниевской редакции и называющего национальность Стефана («...бѣ убо родомъ русинъ...» (Рум. 397, л. 419а)), было дано чтение с указанием страны (возможно, вследствие писцовой ошибки): «...бѣ родомъ Руси...» (Син. 241, л. 307), которое, в свою очередь, справщиком в рукописи было дополнено словом «Великия», что соотносится с общей задачей прославления «Великой Руси», указанной в послесловии к томам печатного Пролога 1642–1643 гг.⁴⁰

В ходе набора в тексте Жития была изменена еще одна историческая деталь — распространено упоминание о митрополичьем наместнике Михаиле-Митяе: «Посем же, по преставлении митрополита Алексия, повелѣниемъ гордаго намѣстника, хотящаго быти митрополитомъ, Михаила, нарицаемаго Митяя, поставленъ бысть святыи Стефанъ презвитеромъ от Герасима, епископа Коломенъскаго» (Пролог 1643 г., л. 292) — ср. в списке Син. 241: «...повелѣниемъ намѣстника митрополита Михаила, нарицаемаго Митѣа...» (Син. 241, л. 308). Простое упоминание исторического лица справщик превратил в сообщение о связанных с ним исторических событиях — стремлении Михаила-Митяя занять митрополичий престол (заметим, что Епифаний Премудрый об этом не пишет в Житии Стефана Пермского)⁴¹.

Этнохороним *пермичи*, неоднократно встречавшийся во Второй Проложной редакции, справщик заменяет нейтральным вариантом *люди*, который может дополняться книжным шаблонным пояснением «своя паствы», замещающим указание на национальность, ср.: «...и многа зла

⁴⁰ См. об этом: Елеонская А.С. Политические цели второго издания Пролога 1642–1643 годов // Русская старопечатная литература. XVI — первая четверть XVIII в. Литературный сборник XVII века «Пролог». М.: Наука, 1978. С. 76, 80. Выражение «Великая Русия» в послесловии см.: Пролог 1643 г., л. 949.

⁴¹ Его нет также в Проложной редакции Жития Сергия Радонежского в составе печатного Пролога 1642 г., хотя он завершает присутствующую в пространных редакциях Жития главу, посвященную попытке митрополита Алексия сделать преподобного Сергия своим преемником на митрополичьем престоле. В Житии митрополита Алексия в печатном Прологе 1642 г. этот сюжет тоже отсутствует.

претерпѣ от некрещенныхъ и невѣрныхъ пермиць» (Син. 241, л. 308 об.) — «...и многа зла претерпѣ от невѣрныхъ людеи» (Пролог 1643 г., л. 292 об.); «И многъ плачь пермицем остави» (Син. 241, л. 310 об.) — «И многъ плачь людемъ свояе паствы остави» (Пролог 1643 г., л. 294 об.); и др. Однако прилагательное *пермьскыи* и наименование страны *Пермь Великая* в тексте сохраняются. Вероятно, справщик рассматривал слово *пермици* как не книжное (как и слово *попы*, также замененное в тексте), что позволяет рассматривать эту правку как стилистическую.

Как видим, одной из основных особенностей правки текста Жития Стефана Пермского для включения в печатный Пролог стало редактирование исторической составляющей. Это привело к дальнейшему сокращению исторических сведений и даже их искажению, а также к появлению в тексте некоторых новых исторических деталей, которые демонстрируют знания справщиков и их интерес к отдельным событиям русской истории и стремление включить повествование о святителе в более широкий исторический контекст, что отвечает целям, обозначенным в послесловии к второму изданию Пролога 1642–1643 гг.

Именно в таком, измененном виде текст Второй Проложной редакции получил широкое распространение в XVII–XIX вв. в рамках как печатной, так и рукописной традиции Жития Стефана Пермского в составе печатного Пролога (прежде всего благодаря многочисленным переизданиям Пролога, выходявшим большими тиражами)⁴².

Особая редакция

Не позднее третьей четверти XVI в. появилась еще одна краткая редакция Жития Стефана Пермского, специфика которой позволяет назвать ее Особой⁴³. Обнаруженные к настоящему времени списки находятся в сборниках, поэтому мы не называем пока эту редакцию проложной, хотя она невелика (занимает всего несколько листов) и сопоставима по объему с рассмотренными проложными редакциями Жития. Всего выявлено 8 списков этой редакции, старший из которых датируется

⁴² См. об этом: Духанина А.В. Редакция Жития Стефана Пермского в составе печатного Пролога: текстология и кодикологическое значение // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 67. СПб.: Наука, 2020. С. 135–174.

⁴³ См. о ней подробно: Духанина А.В. Особая редакция Жития Стефана Пермского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 3 (93). С. 135–154.

третьей четвертью XVI в., а наиболее поздний — 40–60-ми гг. XVIII в., остальные 6 списков относятся к XVII в. Редакция была известна в галичском Успенском Паисиеве монастыре в XVI в. и в Соловецком монастыре в XVII в.; самый поздний список в начале XIX в. бытовал в Ростовском уезде в крестьянской среде, то есть можно говорить о знакомстве с текстом в разных регионах.

В основу Особой редакции положена Епифаниевская редакция Жития Стефана Пермского, отдельные фразы и выражения которой даже воспроизводятся дословно.

Повествование передает основные вехи биографии святителя без сюжетных перестановок, однако, как и в каждой редакции, со своими особенностями.

Менее значимым, по мнению автора, например, оказалось сообщение о тяжелой болезни Стефана перед кончиной, которое он опустил. Зато более пристальное внимание было уделено рассказу о прении Стефана с волхвом. В отличие от рассмотренных проложных редакций, автор Особой редакции сохранил один из аргументов волхва, дающий представление о специфике охоты на медведя в разных регионах в то время: «Аще бы были невелики наши боги, то како единъ насъ шед или два насъ и убьют звѣря великаго медвѣдя, а християньстии людие или ихъ князи ходят до пятидесять или до ста людии и едва могутъ убити или не могутъ» (Тит. 4042, л. 653 об.)⁴⁴. Видимо, именно этот довод показался автору наиболее интересным или значимым по сравнению с другими, приведенными в Епифаниевской редакции (большая «ловля» в Перми и быстрое распространение вестей).

Но главное, что отличает Особую редакцию, — это вольное обращение автора с исторической информацией. Оказывается, что поставил Стефана в епископа Пермского не митрополит Пимен, а митрополит Киприан, причем по повелению великого князя Дмитрия Ивановича: «Посемъ же святыи Стефанъ прииде на Москву, прося епископа в Пермь. Киприянь же митрополитъ повелѣниемъ великаго князя Димитрия постави епископомъ самого Стефана» (Тит. 4042, л. 653 об.–654). Преставился и погребен святитель был опять же «при благовѣрномъ князѣ великомъ Димитрии и при митрополитѣ Киприянѣ» (Тит. 4042, л. 654), хотя Епифаний сообщает дату кончины Стефана и то,

⁴⁴ Старший список Особой редакции содержит значительную лакуну, поэтому текст цитируется по одному из более поздних списков РНБ, собрание А.А. Титова, № 4042, 30–40-е гг. XVII в., л. 652–654.

Св. Стефан Пермский увлекает за собой в огонь зырянского волхва Пама.
*Оригинальный рисунок К.В. Лебедева. XIX в. Из собрания иллюстраций
журнала «Нива».*

что тогда уже семь лет правил великий князь Василий Дмитриевич⁴⁵. Более того, автор Особой редакции начинает свой текст с указания, на чье правление пришлась жизнь Стефана, что предшествует сообщению о происхождении святителя: «Сеи преподобнии отецъ нашъ Стефанъ, епископъ Пермския земли, во дни бысть благовѣрнаго великаго князя Димитрия Ивановича, всея Руси самодержца, родом бѣ Руския земли...» (Тит. 4042, л. 652). Очевидно, что фигура великого князя Дмитрия Ивановича очень значима для автора — настолько, что он даже позволяет себе «переписывать» историю. Все фактические «новшества» Особой редакции объясняются влиянием другого источника — Минеиной редакции Жития Арсения Тверского, в которой особая роль отводится митрополиту Киприану, причем ряд сведений о нем не соответствует историческим реалиям, а глава, посвященная его поставлению на митрополичий престол, начинается указанием на правление великого князя Дмитрия Ивановича подобно инципиту Особой редакции. Выбор этого дополнительного источника связан с упоминанием в нем Стефана Пермского, который вместе с митрополитом Киприаном отправляется в Тверь «ради исправлений церковных», однако этого факта в Особой

⁴⁵ В двух списках Особой редакции сообщается, что Стефан преставился при митрополите Макарии: появление его имени может свидетельствовать о создании либо архетипа текста, либо какого-то списка в период его управления Русской церковью.

редакции нет — Минейная редакция Жития Арсения Тверского привлекается лишь как литературный источник. Что побудило автора Особой редакции предпочесть ошибочные сведения дополнительного источника сведениям епифаниевского текста — пока остается под вопросом. Здесь стоит отметить: Особая редакция была составлена, скорее всего, при Иване Грозном, а великий князь Дмитрий Иванович был одним из наиболее почитаемых царем русских исторических деятелей⁴⁶, и именно в этот период оформляется и упрочивается историческая память победителя Мамаю, который получает прозвище Донской⁴⁷. Быть может, с этим обстоятельством связано и преувеличение его роли в созданной в то время новой редакции Жития Стефана Пермского, но подчеркнем, что это лишь догадки.

В Особой редакции есть и ряд сведений биографического характера, противоречащих тексту Епифания. Так, в ней сообщается: «...и книги на пермския с руских и со греческих преводе» (Тит. 4042, л. 652 об.), тогда как в Епифаниевской редакции говорится только о переводе книг с русского языка, изучение же греческого языка показано как дополнительное («желая же болшаго разума» (Лих. 161, л. 172 об.)), не имеющее прямой связи с составлением пермской азбуки. Вероятно, перед нами попытка автора Особой редакции разобраться в логике материала епифаниевского текста. Но что особенно интересно, новую интерпретацию получил сюжет «прения» с волхвом Паном-сотником: из текста Особой редакции следует, что Стефан прошел испытания огнем и водой: «И зажжена бысть храмина, и поидоста оба ко огню, емшеся за руки. Кудесникъ же еще далече огня не могъ стерпѣти, а святыи Стефанъ без вреда приближися ко огню. Также с нимъ и къ водѣ бысть» (Тит. 4042, л. 653 об.), между тем, согласно Житию Епифания, испытания не состоялись из-за боязни волхва. Здесь мы видим переосмысление некоторых событий текста-источника, при котором «чудесную» интерпретацию получают действия, не имеющие у Епифания такой характеристики.

⁴⁶ См.: Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. С. 311–314; Борисов Н.С. Дмитрий Донской. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 483.

⁴⁷ См.: Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. С. 313; Сиренов А.В. О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 187–188; Мобилизованное средневековье. Т. 2. Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2022. С. 61–62.

В стремлении пополнить ряд чудес автор Особой редакции обращается к еще одному источнику. Особая редакция включает Чудо о духовном общении Стефана Пермского и Сергия Радонежского — приветствии святых на расстоянии, которое получает определение «дара пророческа» (Тит. 4042, л. 654). Этот сюжет, отсутствующий в Житии Стефана Пермского, написанном Епифанием Премудрым, известен как отдельная глава в составе Третьей, Четвертой и Пятой Пахомиевских редакций Жития Сергия Радонежского⁴⁸ — вероятно, какая-то из этих или восходящих к ним редакций Жития и стала дополнительным источником Особой редакции.

Введение в текст рассматриваемой редакции чудес также, вероятно, связано с влиянием Минейной редакции Жития Арсения Тверского: в ней Стефан охарактеризован как «иже в чудесех просиявший», и, возможно, чтобы отразить это, автор Особой редакции одно чудо «придумал», а другое взял из дополнительного источника.

Таким образом, появившаяся не позднее третьей четверти XVI в. новая краткая редакция Жития Стефана Пермского объединила материал трех агиографических источников, содержащих сведения о святителе, — Епифаниевской редакции его Жития, Жития Сергия Радонежского и Минейной редакции Жития Арсения Тверского — и представила в отдельных моментах измененную версию жизни Стефана Пермского, главным историческим лицом которой стал великий князь Дмитрий Иванович. При этом Особая редакция составила некоторую конкуренцию распространявшимся параллельно проложным редакциям, не допуская столь серьезного искажения русской истории.

Редакция Димитрия Ростовского

Важной вехой в истории русской книжности и культуры стала «Книга житий святых» — минейный свод, созданный Димитрием Савичем (Туптало), будущим митрополитом Ростовским и Ярославским, в конце XVII — начале XVIII в. и многократно переиздававшийся значительными тиражами вплоть до начала XX в. Четыри Минеи Димитрия Ростовского — это корпус новых редакций как переводных, так и оригинальных агиографических сочинений, среди которых есть и новая минейная редак-

⁴⁸ По классификации Б.М. Клосса: Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М.: Языки славянских культур, 1998.

ция Жития Стефана Пермского⁴⁹, включенная под 26 апреля в третий том «Книги житий святых», вышедший в 1700 г.⁵⁰

Работая над редакциями житий русских святых, Димитрий Ростовский стремился привлечь все доступные ему источники и критически осмыслить изложенные в них факты. Биография Стефана Пермского была известна ему лишь по двум текстам: Епифаниевской редакции Жития по списку апрельского тома Успенского комплекта Великих Миней Четиих (ГИМ, Синодальное собрание, № 993 (далее — Син. 993), л. 370а–409г) и восходящей к ней редакции в составе печатного Пролога (по изданию 1685 г.)⁵¹. Последняя, как было показано выше, практически не содержит новой информации по сравнению с Епифаниевской редакцией. Однако Димитрий Ростовский изучил оба текста, обратив внимание как на фактические различия, так и на языковые и стилистические, и составил новую минейную редакцию Жития Стефана Пермского, объединив материал обеих редакций⁵².

Из сделанного на поле возле заголовка указания («изъ Великия Минеи Чет(ь)ѣ вократцѣ»⁵³) следует, что основным источником редакции Жития Стефана Пермского в «Книге житий святых» стала Епифаниевская редакция. В стремлении создать краткое, но емкое и логичное повество-

⁴⁹ Эта редакция пока не становилась предметом специального исследования. Мы планируем восполнить этот пробел в отдельной статье.

⁵⁰ О работе над третьим томом «Книги житий святых» см., напр.: *Державин А., прот.* Радуют верных сердца. Четии-Минеи Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. Ч. 1. М.: ИХТИОС, 2006. С. 183–195; *Крумлинг А.А.* Четьи-Минеи святого Димитрия Ростовского: очерк истории издания // *Филевские чтения*. Вып. 9. Святой Димитрий, митрополит Ростовский: исследования и материалы. М.: ЦМиАР, 1994. С. 26–27.

⁵¹ Эти источники редакции Жития Стефана Пермского в «Книге житий святых» указывались исследователями, но анализ работы с ними Димитрия Ростовского не проводился (см.: *Державин А., прот.* Радуют верных сердца. Четии-Минеи Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. Ч. 2. М.: ИХТИОС, 2008. С. 167; *Федотова М.А.* Жития русских святых в составе Четых Миней Димитрия Ростовского // *Книжные центры Древней Руси: Ростово-Ярославская земля*. СПб.: Пушкинский Дом, 2022. С. 208).

⁵² Чудо о Стефане Пермском из Жития Сергия Радонежского Димитрию Ростовскому также было известно: он составил новую редакцию этого Жития на основе Пятой Пахомиевской редакции по списку из ВМЧ, которая его содержит (см. подробно: *Янковска Л.А.* Житие Преподобного Сергия Радонежского в обработке Святителя Димитрия Ростовского // *История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 1992 г. Ростов, 1993*. С. 10–25). Но в свою редакцию Жития Стефана Пермского этот сюжет он включать не стал.

⁵³ Книга житий святых. Т. 3. На три месяцы: март, апрель, май. Киев: Типография Лавры, 1700. Л. 406 об. Далее ссылки на издание редакции даются в скобках.

Димитрий Ростовский. Портрет-парсуна. Начало XVIII в.

вание назидательного характера Димитрий Ростовский глубоко переработал епифаниевский текст. Не столь богатый событиями сюжетный ряд обширного сочинения Епифания был сохранен, что, впрочем, характерно и для других кратких редакций Жития. Но, в отличие от них, Димитрий особо выделил проповедническую деятельность Стефана среди пермян: повествование об этом занимает около 2/3 текста (примерно 5 из 8 листов издания 1700 г.). Отчасти это связано с особенностями источника (Епифаний дает подробный рассказ о проповеди), но одновременно эти сюжеты отвечают и дидактическим целям, поставленным перед собой Димитрием при создании нового минейного свода. Несомненно также, что именно в крещении пермян Димитрий видел основное содержание равноапостольной деятельности Стефана. При этом на другом важнейшем, по мнению Епифания, подвиге Стефана — создании пермской грамоты — Димитрий специально не останавливается, сообщая лишь двумя фразами о создании пермской азбуки и переводе на пермский язык «нѣколикo рускихъ словенскихъ книгъ» перед уходом в Пермь, а также об усилиях Стефана по обучению новокрещенных пермян пермскому языку и написанию на нем книг уже в Перми (Книга житий святых, л. 407 об., 410 об.). Это опять же можно связать с источником — создание новой азбуки как действие Епифанием не описано, а рассуждения и отступления на эту тему, как и на любые другие, Димитрий исключает. Однако это отражает и смену акцентов в восприятии деятельности Стефана Пермского и ее значения для русской истории и культуры, наметившуюся уже

в XVI в., что вполне объяснимо: с завершением в конце XV в. русской колонизации и крещения Коми края развитие и даже сохранение древнепермской письменности теряют свою актуальность и к концу XVII в. она фактически исчезает⁵⁴.

Несмотря на сокращение епифаниевских отступлений и экскурсов, созданная Димитрием Ростовским редакция Жития Стефана Пермского отчасти передает широкий исторический фон, в который включает деятельность Стефана Епифаний. Подробно описывая, вслед за Епифанием, все моменты проповеди Стефана, передавая (хотя и в переработанном виде) диалоги персонажей и даже молитвы святителя, Димитрий сохранил содержащуюся в них информацию. В результате читатель получил возможность познакомиться с особенностями языческих верований (ср.: «Новопросвѣщенныи же людие сокрушаху бывшия в нихъ идолы, иже по домѣхъ, и по стогнахъ, и по путехъ, и по лѣсахъ, и по дубравахъ... Бѣ бо обычаи пермяномъ невѣрнымъ таковъ, еже приносити идоломъ своимъ соболѣ, куницы, горностаи, ласицы, бобры, лисицы, медвѣдна, рысѣ и иная тѣмъ подобная от ловитв своихъ, и вѣшаху то на идолахъ или при идолахъ, еще же и платны изрядными сверха покрываху своя кумиры и пеленами обвиваху, и никтоже от тѣхъ приносимыхъ идоломъ даровъ держаше что взяти...» (Книга житий святых, л. 410)); узнать о специфике охоты в пермских землях и в центральной Руси (какого зверя добывали (см. выше), как охотились, куда шла добытая пушнина); об отношениях Перми и Москвы в конце XIV столетия (ср. слова волхва: «Может ли намъ быти от Москвы что добро? Не оттуду ли тяжкия намъ налагаются дани, и дѣются насылства, и бываютъ тивуны и приставники?» (Книга житий святых, л. 410 об.)) и др. Не считая возможным писатель опустил и сообщение Епифания о заботах Стефана, уже в сане епископа Пермского, о «потребахъ тѣлесныхъ» пермян: «...многожды бо множество жита лод(ь)ями от Вологды въ Пермь привозя, раздаеше туне людемъ убогимъ и препитоваше я въ дни глада» (Книга житий святых, л. 413 об.).

Текст Епифаниевской редакции Жития Димитрий Ростовский по-полняет отдельными фрагментами и деталями из дополнительного источника — редакции в составе печатного Пролога.

Согласно Епифанию, Стефан постригся «при епископѣ Ростовѣstem Парфении», а «поставленъ бысть в диаконы от Арсения, князя и епи-

⁵⁴ См.: Морозов Б.Н. К истории книжной культуры Коми края // Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследования. Сыктывкар: СыктГУ, 2002. С. 94–110; Котылев А.Ю. Стефан Пермский и его время. Личность в эпоху Православного возрождения XIV–XVI веков. Сыктывкар: Коми республ. тип., 2013. С. 113–115.

скопа Ростовьскаго» (ВМЧ; Син. 993, л. 371в, 372б–в). Как отмечалось выше, справщики Пролога при подготовке текста к изданию усомнились в правильности чтения «Парфении»: в тексте проложной редакции в обоих случаях читается «Арсении». Димитрий посчитал верной информацию Пролога, подчеркнув, что речь идет об одном и том же лице: «вышепомяновеннаго Арсения» (Книга житий святых, л. 407). В составленном позднее, в 1705 г., «Летописце о ростовских архиереях» Димитрий Ростовский также усомнился в существовании епископа Парфения, сославшись на известие Степенной книги, где это имя отсутствует в перечне владык, поставленных митрополитом Алексием, и предположив, что епископ Петр получил имя Парфений в схиме⁵⁵. Однако здесь Димитрий Ростовский оказался неправ. Как отмечает А.Г. Бобров, имя ростовского епископа Парфения известно собственно только из двух источников: Епифаниевской редакции Жития Стефана Пермского и Списка ростовских владык (и восходящих к нему текстов)⁵⁶; исследователь полагает, что речь в них может идти о епископе Смоленском Парфении, находившемся на момент пострижения Стефана в Ростове и поименованном ростовским епископом по реальному месту пребывания и служения⁵⁷.

Из текста печатного Пролога Димитрий Ростовский заимствует также фрагмент с описанием похорон Стефана, где указаны лишь два исторических лица, при которых святитель скончался: великий князь Василий, сын великого князя Дмитрия, и митрополит Киприан (Епифаний приводит гораздо более развернутый перечень современников преставления Стефана), кроме того, в этом фрагменте упоминается, что собор Спасского монастыря, где был похоронен святитель, сейчас имеет статус дворцового храма. Вероятно, информацию печатного Пролога Димитрий счел достаточной для составляемой краткой редакции и более актуальной и потому взял этот фрагмент из нее, а не стал перерабатывать текст Епифания.

Помимо исторических деталей, почерпнутых из редакции в печатном Прологе, Димитрий Ростовский внес в текст своей редакции

⁵⁵ См.: Бобров А.Г. «Неизвестно-откуда-взятые» имена в летописном Списке ростовских владык // Книжные центры Древней Руси: Ростово-Ярославская земля. СПб.: Пушкинский Дом, 2022. С. 78–79.

⁵⁶ Согласно А.Г. Боброву, наиболее близкий к архетипу и стадияльно наиболее ранний из дошедших списков читается в составе Второй подборки Новгородской Карамзинской летописи (Там же. С. 56–57).

⁵⁷ Там же. С. 77–83.

еще несколько правок исторического характера от себя. В Редакции Димитрия появляется пояснение о принадлежности Пермской земли: «Пермская же та земля издавна есть въ области Московского государства» (Книга житий святых, л. 407). Трижды упоминаются московские грамоты, с которыми пришел в Пермь Стефан, ср.: «Взять же преподобный и грамоты из Москвы, и идяше новии апостоль въ Пермскую землю...» (Книга житий святых, л. 407 об.). Вероятно, эти уточнения призваны подчеркнуть, что Стефан был проводником московской политики. Только в Редакции Димитрия появляется упоминание о возрасте Стефана на момент преставления: «...уже бо доспѣ старости масти-ти» (Книга житий святых, л. 413 об.) — эта деталь, скорее всего, связана с представлением писателя о том, что Стефан должен был дожить до глубокой старости.

Сохраняя имена исторических персонажей, связанных с жизнью и деятельностью Стефана, Димитрий Ростовский не указывает имени волхва, с которым вел споры о вере Стефан. В обоих источниках Димитрий увидел имя «Панъ сотникъ», и можно предположить, что оно вызвало у писателя закономерные сомнения в истинности, учитывая современные ему значения обоих слов, в особенности в Малороссии⁵⁸, в связи с чем он предпочел это имя опустить. Проповедь Стефана проходила в отдаленном для Димитрия Ростовского регионе, и это отразилось в соответствующей лексике: в отличие от других кратких редакций, здесь встречаются только этнохоронимы из епифаниевского текста: *пермяне*, *пермские люди*, а место проповеди обозначается как *Пермская земля*, *Пермь* и даже появляется вариант *Пермия*.

Интересно также, что хронологическую информацию, имевшуюся в Епифаниевской редакции Жития, — даты создания пермской азбуки (6883 (1375) г.) и время кончины Стефана (6904 (1396) г.) — Димитрий Ростовский убирает, хотя известно, что он обратил на них пристальное внимание, сделав из списка Епифаниевской редакции (из ВМЧ) обширные выписки, включающие, помимо дат, перечень современников этих двух событий, в свой сборник, содержащий черновые материалы для летописи — хронологические таблицы с некоторыми историческими да-

⁵⁸ Ср.: «панъ» — «1. пан (вельможа, дворянин, вообще человек, принадлежащий к привилегированному слою общества в Польско-Литовском государстве); 2. барин, помещик; 3. О поляках и выходцах из Польши, Литвы, западнорусских земель» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М.: Наука, 1988. С. 143); «сотникъ» — «4. В русском войске XVI–XVII вв. — воинская должность» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. М.: Наука, 2002. С. 241).

тами (Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского, ф. 306 (собрание Киево-Печерской лавры), № 345)⁵⁹.

Как видим, редакция Жития Стефана Пермского, созданная Дмитрием Ростовским в самом конце XVII в. для «Книги житий святых», будучи минейной редакцией, предполагающей явно выраженный назидательный характер, сохраняет довольно много исторической информации, включая некоторые этнографические, исторические и географические подробности, создающие более широкий фон деятельности Стефана Пермского. Несмотря на соответствие агиографическому канону, Редакция Дмитрия Ростовского демонстрирует критическое отношение автора к историческому материалу, соответствующее уже творчеству Нового времени. При этом писатель считает возможным и пополнять текст данными, опираясь на свои представления или знания истории.

Редакция Дмитрия Ростовского стала одним из основных источников сведений о Стефане Пермском, как святом и историческом персонаже, для массового читателя XVIII — начала XX в., благодаря огромной популярности «Книги житий святых» и ее регулярным переизданиям⁶⁰. И она давала, несомненно, гораздо больше исторической информации, чем редакция в составе печатного Пролога, также продолжавшего регулярно переиздаваться и в XVIII, и в XIX столетиях.

* * *

Рассмотренные редакции Жития Стефана Пермского, восходящие к первой его редакции, написанной Епифанием Премудрым, показывают эволюцию представлений об исторической составляющей кратких житийных текстов на протяжении второй половины XV — конца XVII в.

Первая проложная редакция, созданная Пахомием Сербом в начале 70-х гг. XV в., характеризуется минимальным объемом сохраненного исторического материала: она передает лишь самые основные биографические сведения и имена, важные для агиографического канона.

В XVI столетии происходит активизация рукописной традиции Жития Стефана Пермского, связанная с распространением общерусского

⁵⁹ См. об этом подробно: Федотова М.А. Святитель Димитрий Ростовский: Житие, Служба, чудеса (исследование и тексты). СПб.: Пушкинский Дом, 2021. С. 488–489.

⁶⁰ О печатной традиции «Книги житий святых» см.: Круминг А.А. Четвы-Минеи святого Димитрия Ростовского: очерк истории издания.

почитания святителя. Новые редакции и виды текста демонстрируют другой подход, при котором роль исторического контекста в кратком житии возрастает, в чем можно видеть проявление характерного для той эпохи внимания к собственной истории. В это время появляются виды Пахомиевской Проложной редакции Жития Стефана Пермского с дополнениями о происхождении Стефана и месте его погребения из других источников, а также, возможно, Контаминированная редакция, механически объединившая текст Пахомиевской Проложной редакции с летописной статьей о Стефане. Вероятно, в 40-е гг. XVI в. на основе Епифаниевской редакции была составлена Вторая Проложная редакция Жития, где событийный ряд представлен с большим числом подробностей, связанных непосредственно со святителем, и сохраняет, в частности, все имена исторических лиц, с которыми он так или иначе пересекался, а также дату его кончины. Не позднее третьей четверти XVI столетия появляется еще одна краткая редакция — Особая — с иным отношением к историческому материалу, допускающим замену исторических персонажей и выдвигание в качестве главного исторического лица в жизни Стефана великого князя Дмитрия Ивановича.

XVII столетие добавило к рукописной житийной традиции, посвященной Стефану Пермскому, старопечатную, с новыми подходами к исторической составляющей. Переработка Второй Проложной редакции Жития для издания Пролога 1642–1643 гг. включала правку исторических сведений, что находилось в русле общих тенденций редактирования текстов при подготовке Пролога к печати. Редакция, вышедшая из-под пера Дмитрия Ростовского в конце XVII в., отражает уже особенности творческой манеры Нового времени: писатель привлекает в ходе работы все доступные ему источники и при передаче исторического материала стремится критически осмыслить изложенные в них факты, позволяя себе также включение в текст деталей, основанных на собственных представлениях. В рассказе о подвиге Стефана в этой редакции смещены акценты — на первый план вышли сюжеты миссионерской деятельности святителя. Будучи минейной, Редакция Дмитрия Ростовского дает читателю возможность также отчасти представить исторический фон эпохи, передавая некоторые исторические, географические, этнографические подробности.

Отдельные сведения Епифаниевской редакции Жития Стефана Пермского привлекали особое внимание авторов кратких редакций, допуская в том или ином объеме внесение новых исторических деталей, что могло приводить как к искажению фактов, так и к появлению в тексте

актуальной информации. Так, можно отметить три версии поставления Стефана в епископа Пермского: помимо восходящего к епифаниевскому тексту рассказа об участии в принятии решения митрополита Пимена, великого князя Дмитрия Ивановича и клириков (Вторая Проложная редакция, Редакция Димитрия Ростовского), есть версия Пахомия Серб, который приписывает решение митрополиту Пимену, не упоминая о роли великого князя, а также версия Особой редакции, согласно которой поставил Стефана в епископа Пермского митрополит Киприан по повелению великого князя Дмитрия Ивановича. Многие книжники считали важной информацию о месте упокоения Стефана Пермского: в Пахомиевской Проложной редакции сведения о нем отсутствуют, но ими был дополнен Вид с измененным концом этой редакции, и они имеются в составленных на ее основе Сокращенной Проложной и Контаминированной редакциях; в некоторых редакциях был уточнен современный автору статус храма, отражающий его превращение из монастырского, что было указано Епифанием, в дворцовый в конце XV в. (Контаминированная, Сокращенная Проложная редакции, редакции в составе печатного Пролога и Димитрия Ростовского). Справщики, работавшие над подготовкой Пролога к печати, и Димитрий Ростовский сочли недостоверной информацию о существовании ростовского епископа Парфения, заменив его епископом Арсением. Некоторые книжники обращали внимание также на наименование жителей Перми и самого региона: и Пахомий Серб, и автор Второй Проложной редакции вместо епифаниевского наименования *пермяне* использовали современный им этнохороним *пермичи*, причем автор Второй Проложной редакции пошел дальше и ввел топоним *Пермь Великая* для обозначения территории, где проходила проповедь Стефана, что искажает представление о процессе христианизации пермских земель.

Таким образом, авторы и редакторы кратких редакций Жития Стефана Пермского, возникших на протяжении нескольких веков, по-разному подходят к отбору исторического материала и демонстрируют разные взгляды на возможность фактических изменений и дополнений, предлагая читателю иногда в чем-то искаженную версию жизни и трудов первого пермского епископа и даже русской истории конца XIV в. При этом изменение отношения к исторической составляющей находится в рамках общих процессов русской культуры.

REFERENCES

1. *Amel'kin A.O., Seleznev Ju.V.* Kulikovskaja bitva v svidetel'stvah sovremennikov i pamjati potomkov [The Battle of Kulikovo in the Testimonies of Contemporaries and the Memory of Descendants]. M.: Kvadriga, 2011. 384 p.
2. *Bobrov A.G.* «Neizvestno-otkuda-vzjatye» imena v letopisnom Spiske rostovskih vladyk [«Unknown-from-whence-taken» Names in the Chronicle List of Rostov Hierarchs] // Knizhnye centry Drevnej Rusi: Rostovo-Jaroslavskaja zemlja [Book Centers of Old Rus: Rostov-Yaroslavl Land]. SPb.: Pushkinskij Dom, 2022. P. 50–91.
3. *Borisov N.S.* Dmitrij Donskoj [Dmitry Donskoy]. M.: Molodaja gvardija, 2014. 505, [2] p., [16] l. il.
4. *Chagin G.N.* Perm' Velikaja i pervye veka ee hristianizacii [Perm the Great and the First Centuries of Its Christianization] // Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the Orthodox St. Tikhonov's University for the Humanities]. Ser. II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [History. History of the Russian Orthodox Church]. 2011. Vyp. 5 (42). P. 7–13.
5. *Chistjakova M.V.* Makar'evskie varianty Pskovskoj i Prostrannoj redakcij Prostogo prologa [Makarievsky Variants of the Pskov and Prostrannaya Redactions of the Simple Prologue] // Latopisy Akademii Supraskiej. Vol. 2. Kościół prawosławny na Bałkanach i w Polsce – wzajemne relacje oraz wspólna tradycja. Białystok, 2011. S. 163–172.
6. *Davidenko D.G., Je.P.I.* Moskovskij v chest' Preobrazhenija Gospodnja muzhskoj monastyr' (Spas na Boru) [Moscow Monastery in Honor of the Transfiguration of the Lord (Spas na Boru)] // Pravoslavnaja jenciklopedija [Orthodox Encyclopedia]. T. 47. M.: Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaja jenciklopedija», 2017. P. 394–400.
7. *Demin A.S.* Sovremennye tendencii v istochnikovedenii drevnerusskoj literatury i zadachi izuchenija pechatnogo Prologa [Modern Trends in the Source Study of Old Russian Literature and the Tasks of Studying the Printed Prologue] // Russkaja staropechatnaja literatura. XVI – pervaja chetvert' XVIII v. Literaturnyj sbornik XVII veka «Prolog» [Russian Old

- Printed Literature. 16th — the First Quarter of the 18th Century. The Literary Miscellany of the 17th Century «Prologue». M.: Nauka, 1978. P. 9–25.
8. *Derzhavin A., prot.* Radujut vernyh serdca. Chetii-Minei Dimitrija, mitropolita Rostovskogo, kak cerkovno-istoricheskij i literaturnyj pamjatnik [They Delight the Faithful Hearts. The Menaia Reader of Demetrius, Metropolitan of Rostov, as a Church-Historical and Literary Monument]. Ch. 1. M.: IHTIOS, 2006. 287 p.
  9. *Derzhavin A., prot.* Radujut vernyh serdca. Chetii-Minei Dimitrija, mitropolita Rostovskogo, kak cerkovno-istoricheskij i literaturnyj pamjatnik [They Delight the Faithful Hearts. The Menaia Reader of Demetrius, Metropolitan of Rostov, as a Church-Historical and Literary Monument]. Ch. 2. M.: IHTIOS, 2008. 383 p.
  10. *Dubanina A.V.* Atribucija Pahomiju Serbu starshego Prolozhnogo Zhitija Stefana Permskogo [Ascription of the St. Stephan of Perm Prolog Life to Pachomius the Serb] // *Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Rus. Issues of Medieval Studies]. 2017. № 4 (70). P. 93–106.
  11. *Dubanina A.V.* Vtoraja Prolozhnaja redakcija Zhitija Stefana Permskogo, svjazannaja s obshherusskoj kanonizaciej svjatitelja [The Second Prologue's Redaction of the Life of St. Stephan of Perm Connected with the All-Russian Canonization of the Saint] // *Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Rus. Issues of Medieval Studies]. 2018. № 4 (74). P. 129–150.
  12. *Dubanina A.V.* Zhitie Stefana Permskogo v sostave pechatnogo Prologa [The Life of St. Stephan of Perm in the Printed Prologue] // *Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Rus. Issues of Medieval Studies]. 2019. № 1 (75). P. 36–40.
  13. *Dubanina A.V.* Prolozhnaja redakcija Zhitija Avraamija Rostovskogo v sostave pechatnogo Prologa (k voprosu o proishozhdenii) [The Editorial Edition of the Life of Avraamiy Rostovsky in the Printed Prologue (To the Question of Origin)] // *Vestnik cerkovnoj istorii* [Bulletin of Church History]. 2019. № 1/2 (53/54). P. 145–172.
  14. *Dubanina A.V.* Redakcija Zhitija Stefana Permskogo v sostave pechatnogo Prologa: tekstologija i kodikologicheskoe znachenie [The Life of St. Stephen of Perm in the Printed Prologue: Textual Criticism and Codicological Value] // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature] / Rossijskaja Akademija nauk. Institut russkoj literatury (Pushkinskij Dom). T. 67. SPb.: Nauka, 2020. P. 135–174.

15. *Dubanina A.V.* Proložnaja redakcija Zhitija Isidora Tverdislova vremeni mitropolita Makarija i ee perehod v pechatnyj Prolog [The Prologue Redaction of the Life of St. Isidore of Rostov from the Time of Metropolitan Macarius and Its Transition to the Printed Prologue] // Trudy Instituta ruskogo jazyka im. V.V. Vinogradova [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2021. № 1. P. 95–115.
16. *Dubanina A.V.* Rukopisnaja i staropechatnaja tradicii Proložnoj redakcii Zhitija Aleksandra Nevskogo [Handwritten and Printed Traditions of the Prologue Redaction of the Life of Alexander Nevsky] // Aleksandr Nevskij: lichnost', jepoha, istoričeskaja pamjat'. K 800-letiju so dnja rozhdenija. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (25–27 maja 2021 g., Moskva, Rossija) [Alexander Nevsky: Personality, Epoch, Historical Memory. To the 800th Anniversary of His Birth. Proceedings of the International Scientific Conference (May 25–27, 2021, Moscow, Russia)] / Institut rossijskoj istorii RAN, Institut arheologii RAN. M.: Indrik, 2021. P. 386–405.
17. *Dubanina A.V.* Problemy rukopisnoj tradicii Zhitija Isaji Rostovskogo: dve proložnye redakcii XVI v. [Problems of the Manuscript Tradition of the Life of St. Isaiah of Rostov: Two Prologue's Redactions of the 16th Century] // Istochniki po istorii ruskogo Srednevekov'ja i Novogo vremeni [Sources on the History of the Russian Middle Ages and Modern Times]. Vyp. 1. M.: In-t ros. istorii RAN, 2022. P. 23–69.
18. *Dubanina A.V.* Rukopisnaja tradicija Pahomievskoj Proložnoj redakcii Zhitija Stefana Permskogo i rekonstrukcija teksta [Manuscript Tradition of the Pachomius Prologue Redaction of the Life of St. Stephen of Perm and the Text Reconstruction] // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki [Old Rus. Issues of Medieval Studies]. 2022. № 4 (90). P. 131–151.
19. *Dubanina A.V.* Osobaja redakcija Zhitija Stefana Permskogo [Peculiar Redaction of the Life of Stephen of Perm] // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki [Old Rus. Issues of Medieval Studies]. 2023. № 3 (93). P. 135–154.
20. *Dubanina A.V.* Novye redakcii kak prodolzhenie rukopisnoj tradicii Pahomievskoj Proložnoj redakcii Zhitija Stefana Permskogo [New Redactions Continuing the Manuscript Tradition of the Pachomius Prologue Redaction of the Life of St. Stephen of Perm] // Istochniki po istorii ruskogo Srednevekov'ja i Novogo vremeni [Sources on the History of the Russian Middle Ages and Modern Times]. Vyp. 2 (v pečati).
21. *Eleonskaja A.S.* Politicheskie celi vtorogo izdanija Prologa 1642–1643 godov [Political Goals of the Second Edition of the Prologue of 1642–1643] // Russkaja staropechatnaja literatura. XVI — pervaja četvert'

- XVIII v. Literaturnyj sbornik XVII veka «Prolog» [Russian Old Printed Literature. 16th – the First Quarter of the 18th Century. The Literary Miscellany of the 17th Century «Prologue»]. M.: Nauka, 1978. P. 76–98.
22. *Eleonskaja A.S.* Tema bor'by protiv ordynskogo iga v staropechatnom Prologe [The Theme of the Struggle against the Horde Yoke in the Old Printed Prologue] // Kulikovskaja bitva v literature i iskusstve [The Battle of Kulikovo in Literature and Art]. M.: Nauka, 1980. P. 101–114.
  23. *Fedotova M.A.* Svjatitel' Dimitrij Rostovskij: Zhitie, Sluzhba, chudesa (issledovanie i teksty) [St. Demetrius of Rostov: Life, Service, Miracles (Research and Texts)]. SPb.: Pushkinskij Dom, 2021. 560 p.
  24. *Fedotova M.A.* Zhitija russkih svjatyh v sostave Chet'ih Minej Dimitrija Rostovskogo [The Lives of Russian Saints in the Menaia Reader of St. Demetrius of Rostov] // Knizhnye centry Drevnej Rusi: Rostovo-Jaroslavskaja zemlja [Book Centers of Old Rus: Rostov-Yaroslavl land]. SPb.: Pushkinskij Dom, 2022. P. 161–232.
  25. *Fet E.A.* Novye fakty k istorii drevnerusskogo Prologa [New Facts to the History of the Old Russian Prologue] // Istochnikovedenie literatury Drevnej Rusi [Source Studies of the Literature of Old Rus]. L.: Nauka, Leningr. otd-nie, 1980. P. 53–70.
  26. *Golovchanskij G.P.* Hristianizacija Permi Velikoj v XV – nachale XVIII v. [Christianization of Perm the Great in the 15th – Early 18th Century]. Avtoreferat dis. ... kand. istor. nauk. Perm', 2006. 23 p.
  27. *Golubinskij E.E.* Istorija Russkoj cerkvi [History of the Russian Church]. T. 2. 2-ja pol. toma. M.: Sinod. tip., 1911. 616 p.
  28. *Jablonskij V.[M.]* Pahomij Serb i ego agiograficheskie pisanija [Pachomius the Serb and His Hagiographic Writings]. SPb.: Sinod. tip., 1908. XVI, 314, CXIV p.
  29. *Jankovska L.A.* Zhitie Prepodobnogo Sergija Radonezhskogo v obrabotke Svjatitelja Dimitrija Rostovskogo [The Life of St. Sergius of Radonezh in the Editing by St. Demetrius of Rostov] // Istorija i kul'tura Rostovskoj zemli. Materialy konferencii 1992 g. [History and Culture of the Rostov Land. Materials of the 1992 Conference]. Rostov, 1993. P. 10–25.
  30. *Ključevskij V.O.* Drevnerusskie zhitija svjatyh kak istoričeskij istočnik [Old Russian Lives of Saints as a Historical Source]. M.: izdanie K. Soldatenkova (tip. Gracheva), 1871. III, 465, IV, III p.
  31. *Kloss B.M.* Spisok Carskogo Sofijskoj I letopisi i ego otnoshenie k Voskresenskoj letopisi [The Tsarsky's Copy of the Sofia I Chronicle and Its Relation to the Voskresenskaya Chronicle] // Letopisi i hroniki. 1984 g. [Chronicles and Annals. 1984]. M.: Nauka, 1984. P. 25–37.

32. *Kloss B.M.* Izbrannye trudy [Selected Works]. T. 1. Zhitie Sergija Radonezhskogo [The Life of St. Sergius of Radonezh]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 1998. 564 p.
33. *Kniga zhitij svjatyh* [The Book of the Lives of Saints]. T. 3. Na tri mesjacy: mart, aprel', maj [For Three Months: March, April, May]. Kiev: Tipografija Lavry, 1700. 678 l.
34. *Kotylev A.Ju.* Uchenie i obraz Stefana Permskogo v kul'ture Rusi / Rossii XIV–XXI vekov [The Teaching and Image of Stephen of Perm in the Culture of Rus / Russia of the 14th – 21st Centuries]. Syktyvkar: Komi pedinstitut, 2012. 218 p.
35. *Kotylev A.Ju.* Stefan Permskij i ego vremja. Lichnost' v jepohu Pravoslavnogo vozrozhdenija XIV–XVI vekov [Stephen of Perm and His Time. Personality in the Era of the Orthodox Renaissance of the 14th – 16th Centuries]. Syktyvkar: Komi respubl. tip., 2013. 304 p.
36. *Kruming A.A.* Chet'i-Minei svjatogo Dimitrija Rostovskogo: ocherk istorii izdanija [Menaia Reader of St. Demetrius of Rostov: An Essay on the History of the Publication] // Filevskie chtenija [Filev Readings]. Vyp. 9. Svjatoj Dimitrij, mitropolit Rostovskij: issledovanija i materialy [St. Demetrius, Metropolitan of Rostov: Research and Materials]. M.: CMiAR, 1994. P. 5–52.
37. *Kruming A.A.* Redaccii slavjanskogo pechatnogo Prologa (predvaritel'nye zametki) [Redactions of the Slavic Printed Prologue (Preliminary Notes)] // Slavjanovedenie [Slavonic studies]. 1998. № 2. P. 46–60.
38. *Makarij (Veretennikov), arhim.* Svjatitel' Makarij, mitropolit Moskovskij. Oчерki o zhizni i dejatel'nosti [St. Macarius, Metropolitan of Moscow. Essays on Life and Work]. SPb.: Russkaja simfonija, 2010. 383 p.
39. Mobilizovannoe srednevekov'e [The Mobilized Middle Ages]. T. 2. Srednevekovaja istorija na sluzhbe nacional'noj i gosudarstvennoj ideologii v Rossii [Medieval History in the Service of National and State Ideology in Russia]. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2022. 557, [1] p., [12] l. il., cv. il.
40. *Morozov B.N.* K istorii knizhnoj kul'tury Komi kraja [On the History of Book Culture of the Komi Region] // Duhovnaja kul'tura Severa: itogi i perspektivy issledovanija [Spiritual Culture of the North: Results and Prospects of the Study]. Syktyvkar: SyktGU, 2002. P. 94–110.
41. *Musin A., diakon.* Sobory mitropolita Makarija 1547–1549 gg. i problema avtoriteta v kul'ture XVI v. [The Counsils of Metropolitan Macarius of 1547–1549 and the Problem of Authority in the Culture of the 16th Century] // Drevnerusskoe iskusstvo. Russkoe iskusstvo pozdnego

- Srednevekov'ja: XVI vek [Old Russian Art. Russian Art of the Late Middle Ages: 16th Century]. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. P. 146–165.
42. *Novikova O.L.* «Sokrashhennyj svod» v 70–90-h gg. XV veka i ego Soloveckij vid [The «Abbreviated Corpus» in the 70–90s of the 15th Century and Its Solovetsky Edition] // *Letopisi i hroniki. Novye issledovanija.* 2013–2014 [Chronicles and Annals. New Research. 2013–2014]. M.; SPb.: Al'jans-Arheo, 2015. P. 162–234.
  43. *Novikova O.L.* «Sokrashhennyj svod» redakcii 1491 g. (GIM, Sin. 963) [The «Abbreviated Corpus» of Edition of 1491 (SHM, Sin. 963)] // *Letopisi i hroniki. Novye issledovanija.* 2017–2018 [Chronicles and Annals. New Research. 2017–2018]. M.; SPb.: Al'jans-Arheo, 2019. P. 65–129.
  44. *Oborin V.A.* Zaselenie i osvoenie Urala v konce XI — nachale XVII veka [Colonization and Exploration of the Urals in the Late 11th — Early 17th Century]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1990. 166 p.
  45. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 5. Pskovskaja i Sofijskaja letopisi [Pskov and Sofia Chronicles]. SPb.: tip. Jeduarda Praca, 1851. 275 p.
  46. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 27. Nikanorovskaja letopis'. Sokrashhennye letopisnye svody konca XV v. [The Nikanorov Chronicle. Abbreviated Chronicle Corpuses of the End of the 15th Century]. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962. 417 p.
  47. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 39. Sofijskaja pervaja letopis' po spisku I.N. Carskogo [The Sofia First Chronicle in the I.N. Tsarsky's Copy]. M.: Nauka, 1994. 204 p.
  48. Prolog. Vtoraja polovina (mart — avgust) [Prologue. Second Half (March — August)]. M.: Pechatnyj dvor, 1643. 958 l.
  49. *Sapozhnikova O.S.* Russkij knizhnik XVII v. Sergij Shelonin. Redaktorskaja dejatel'nost' [The Russian Scribe of the 17th Century Sergy Shelonin. Editorial Activity]. M.; SPb.: Al'jans-Arheo, 2010. 554, [1] p., [16] l. cv. il.
  50. *Sirenov A.V.* O prozvizhhah drevnerusskih knjazej [About the Nicknames of the Old Russian Princes] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [St. Petersburg Historical Magazine]. 2017. № 2. P. 184–193.
  51. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th –17th Centuries]. Vyp. 14. M.: Nauka, 1988. 311 p.
  52. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th –17th Centuries]. Vyp. 26. M.: Nauka, 2002. 277 p.

53. Stepennaja kniga carskogo rodoslovija po drevnejšim spiskam: Teksty i kommentarii. V 3 t. [The Book of Royal Degrees according to the Earliest Copies: Texts and Comments. In 3 vol.]. T. 2. Stepeni XI–XVII. Prilozhenija. Ukazateli [Degrees XI–XVII. Appendixes. Indexes]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. 559, [3] p.
54. *Tkachev E.V.* Kanonizacija [Canonization] // Pravoslavnaia jenciklopedija [Orthodox Encyclopedia]. T. 30. M.: Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaia jenciklopedija», 2012. P. 269–359.
55. *Usachev A.S.* Stepennaja kniga i drevnerusskaja knižnost' vremeni mitropolita Makarija [The Book of Royal Degrees and the Old Russian Writing of the Time of Metropolitan Macarius]. M.; SPb.: Al'jans-Arheo, 2009. 753, [1] p., [4] l. faks.
56. Zhitie Sergija Radonezhskogo (Prostrannaja redakcija) [The Life of St. Sergius of Radonezh (Prostrannaja Redaction)] / Podgot. teksta, per., komment., issled. A. V. Duhanin. M.; Brjussel': Conference Sainte Trinite du Patriarcate de Moscou ASBL; Ekaterininskij mužskoj monastyr', 2015 (Patrologia Slavica. Vyp. 3). 637 p.

Ключевые слова:

агиография, текстология, Житие Стефана Пермского, Епифаний Премудрый, Пахомий Серб, Пролог, печатный Пролог, Димитрий Ростовский

Alexandra V. Dukhanina

EVOLUTION OF HISTORICAL COMPONENTS WITHIN SHORT EDITIONS OF THE LIFE OF STEPHAN OF PERM

The Life of Stephan of Perm has been part of long manuscripts and old-printing traditions, which developed in 15th–19th centuries.

The Word about Stephan, possibly written by Epiphanius the Wise at the beginning of the 15th century, works as a basis for further editions.

The historical material presented by Epiphanius is shortened and undergo alterations within later brief editions.

Each further edition is unique. Sorting and editing styles mark specifics of each bibliognost, as well as tendencies for further evolution of the hagiographic genre.

The first prologue edition that was created by Pachomius the Serb in early 70-s of the 15th century distinguishes itself with a low information capacity. The text narrates about the life of the Saint in a traditional way.

The manuscript's hagiographic tradition of the 16th century shows changes in positioning of the historical component by bibliognosts in shorter hagiographic texts.

The second prologue edition is more informative, consisting of a larger volume of historical material regarding Saint Stephan's personality.

An appeal to the Russian history is being discovered in the Special edition, in which the main historical character is Grand Duke Dmitry Ivanovich, whose significancy in Stephan's life is being specified, even with distortion of historical facts.

In the 17th century the early printing tradition demonstrates special attention to the historical component. During preparation of the text of the Second Prologue's Redaction for its further publication as part of the Prologue, proofreaders intentionally edited historical facts, acting in line with general editing traditions of the time.

Elements of critical approach to the historical material could be seen in the New Modern era, in Dmitry Rostovsky's texts. In his menaion edition of the Life some of the historical facts are questioned and edited, new ones added in adherence to his knowledge and concepts.

Key words: Hagiography, Textual Criticism, Life of Stephan of Perm, Epiphanius the Wise, Pachomius the Serb, Prologue, Printed Prologue, Dimitri Rostovsky.

Alexandra V. Dukhanina – Ph.D. in Philology, Senior Researcher at Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.

 Духанина Александра Владимировна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт российской истории РАН (Москва, Россия)

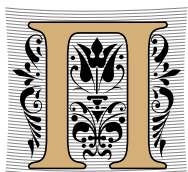

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.45.006

А.А. Горский

«СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ», «ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ», НИКОНОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ: О НАЧАЛЕ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ

амятникам русской средневековой литературы, повествующим об отечественной истории, не был свойствен прямой вымысел. Встречающиеся в летописях и иных произведениях неточности и искажения в описании исторических событий были либо вызваны использованием устных преданий, либо объясняются попытками книжников домыслить то, что было, по их представлению, «недоговорено» в письменных источниках, которыми они пользовались¹. Традиционно мнение, что русская литература не допускала художественного вымысла вплоть до XVII в.² В настоящей статье предпринимается попытка уточнить этот вопрос по отношению к произведениям на историческую тему на материале трех памятников: «Сказания о Мамаевом побоище» — наиболее пространного произведения из повествующих о Куликовской битве 1380 г., «Повести о разорении Рязани Батыем», описывающей монгольское нашествие на Рязанскую землю

¹ См.: Конявская Е.А. О «границах» древнерусской литературы (летописи: писатель и читатель) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 176.

² См.: Творогов О.В. Литература Древней Руси. Пособие для учителя. М., 1981. С. 10–11.

в 1237 г., и Никоновской летописи — монументального летописного свода начала XVI в.³

* * *

«Сказание о Мамаевом побоище» содержит ряд сюжетов, ставших, как принято ныне говорить, «культовыми», но отсутствующих в других памятниках Куликовского цикла — летописных повестях и поэтической «Задонщине». Они долгое время воспринимались как соответствующие действительности. Однако ныне можно считать доказанным, что «Сказание» создано было в начале XVI в., более чем столетие спустя после описываемых в нем событий⁴. И есть возможность оценить степень достоверности его уникальных мест.

Одним из них является сюжет о Пересвете и Ослябе. В «Сказании» рассказывается, что великий князь Дмитрий Иванович пришел в Троицкий монастырь к игумену Сергию Радонежскому и, получив от него благословение на войну с Мамаем, попросил: «Даи же ми, отче, два воина от полка своего, Пересвѣта и брата его Осляба, то ты и сам с нами пособьствуеши». Старец преподобныи повелѣ има скоро уготавлитися. Они же послушание сътвориша преподобнаго старца и не отвръгошася. И дасть имъ въ тѣхнѣх мѣсто орудие нетѣхное — крестъ Христовъ, нашит на скимах, и повелѣ има въ мѣсто шоломовъ възлагати на себя. И дав их в рѹци великому князю и рече ему: “се ти мои оружници, а твои изволници”⁵. В описании начала битвы Пересвет выступает в качестве участника предваряющего ее поединка: «И выиде печенегъ ис полку татарьскаго, подобень древнему Голияду, пред всеми мужеством являяся. Видѣвъ его Александръ, рекомыи Пересвѣт чернецъ, иже в полку Володимерѣ Всеволожи, подвигся же ис полку и рече: “Сеи человекъ ищет себѣ подобна, азъ хошу с ним видитися”. И бѣ на нем шоломъ въоруженъ архангилскаго образа и схи́ма подѣ шоломомъ его, по повелѣнью игу-

³ В каждом из произведений рассматриваются по два относящихся к теме сюжета.

⁴ См.: Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 7; Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 331–348; Петров А.Е. Эволюция памяти о Куликовской битве 1380 г. в эпоху становления московского самодержавия (рубеж XV–XVI вв.): к вопросу о моменте трансформации восприятия «места памяти» // Исторические записки. Вып. 7 (125). М., 2004; он же. Александрия Сербская и «Сказание о Мамаевом побоище» // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20).

⁵ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 151–152.

мена Сергия, и рече имъ: “Отци и братиа, простите мя, и брате Ондръи Ослябя, молитесь за мя Бога, и игумень Сергии, помогаи мнѣ молитвою”. Онъ же устремися крѣпко противу его. Христиани же кликнуша: “Боже, помози рабу своему”. Съѣхавшеся, ударившеся крѣпко, одва мѣсто под ними не проломишася, и спадоша оба с конѣ своих на землю, ту скончашася оба»⁶.

Между тем более ранние источники говорят о Пересвете и Ослябе иное. Житие Сергия Радонежского, откуда взят сюжет о поездке Дмитрия перед походом в Троицкий монастырь, ни Пересвета, ни Ослябу не упоминает⁷. Из летописных известий и актового материала следует, что по происхождению Пересвет и Ослябя были боярами из Черниговской земли (соответственно Брянска и Любутска), а во время событий 1380 г. являлись либо митрополичьими, либо великокняжескими боярами⁸. В Летописной повести о Куликовской битве Пересвет упоминается только в перечне погибших знатных лиц⁹. Больше информации дает поэтическая «Задонщина», но в ее списках Пересвет изображен сражающимся и погибающим не на поединке, а в гуще сражения: «Хоробрый Пересвѣт поскакивает на своемъ вѣщемъ сивуѣ, свистом поля перегороди»; «Тако бо Пересвѣт поскакивает на борзе кони, а злеченым доспѣхомъ посвѣчиваше. А иные лежат посечены у Дону на брези»¹⁰.

Следовательно, изображение Пересвета и Осляби троицкими монахами и поединок Пересвета с ордынским богатырем являются плодами творчества автора «Сказания». Этот художественный вымысел родился, разумеется, не на пустом месте. Ослябя, еще в начале 1390-х гг. являвшийся митрополичьим боярином¹¹, позже станет чер-

⁶ Там же. С. 177. Только в позднейших редакциях «Сказания» ордынскому поединщику стали присваивать разные имена, в том числе ставшее хрестоматийным «Челубей».

⁷ Житие Сергия Радонежского: Пространная редакция / подг. текста, пер., коммент., иссл. А.В. Духаниной. М.: Брюссель, 2015. С. 356, 358, 360, 362.

⁸ См.: Кучкин В.А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 107–108; Кузьмин А.В. На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — начале XV в. Т. 2. М., 2015. С. 61–65, 80.

⁹ Памятники Куликовского цикла. С. 10, 39.

¹⁰ Там же. С. 91, 129.

¹¹ Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1. М., 1951. С. 24; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984. С. 274. На Куликовом поле Ослябя не погиб; распространенное ныне представление об этом восходит к некоторым поздним редакциям «Сказания о Мамаевом побоище» (см.: Памятники Куликовского цикла. С. 285, 293).

нецом¹². Описание поединка навеяно как библейским сюжетом о Давиде и Голиафе, так и древнерусским — о поединке отрока-кожемяки с печенежским богатырем-исполином в 992 г., описанном в Повести временных лет¹³.

Другой сюжет — состав князей, участников похода, и распределение воевод по полкам. Здесь «Сказание» рисует следующую картину.

Вначале говорится, что к Дмитрию Ивановичу пришли князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, князья Андрей Кемский, Глеб Каргопольский, андомские князья, Андрей Ярославский, Роман Прозоровский, Лев Курбский и Дмитрий Ростовский, а затем приводится «уряжение полков» при сборе их в Коломне. Согласно ему, великий князь взял к себе в полк белозерских князей, командовать полком правой руки поставил Владимира Андреевича Серпуховского, придав ему ярославских князей, полком левой руки — князя Глеба Брянского. Передовым полком командовали московские воеводы (родом из смоленских князей) Дмитрий Всеволож и Владимир Всеволож. Далее перечисляются воеводы ратей, собранных с московских владений: над «коломничанами» был воеводой боярин Микула Васильевич, владимирской и юрьевской ратью руководил Тимофей Волуевич, костромской — Иван Родионович Квашня, переяславской — Андрей Серкизович. У князя Владимира Андреевича воеводами были Данило Белеут, Константин Конанов и князья Федор Елецкий, Юрий Мещерский, Андрей Муромский¹⁴.

А что известно о том, отряды каких русских земель и княжеств участвовали в походе Дмитрия Ивановича на Дон, из других памятников?

Ранние источники дают об этом очень немного сведений. Рассказ Рогожского летописца и Симеоновской летописи, кроме самого Дмитрия, называет по именам только двух князей — Федора Романовича Белозерского и его сына Ивана, и то в силу того, что они пали в сражении¹⁵. Рассказ Новгородской I летописи младшего извода упоминает об участии в битве двоюродного брата Дмитрия серпуховского князя Владимира Андреевича¹⁶. Летописная повесть, помещенная в Софийской I и Новгородской IV летописях, говорит также о наличии в войске Андрея и Дмитрия

¹² Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 448.

¹³ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 1. М., 1997. Стб. 122–124. Именно отсюда идет анахроничное именование ордынского богатыря «печенегом» (реальных печенегов в войске Мамаю, разумеется, быть не могло).

¹⁴ Памятники Куликовского цикла. С. 148–149, 159.

¹⁵ Там же. С. 9–10.

¹⁶ Там же. С. 22–23.

Ольгердовичей, литовских князей, в 1378–1379 гг. перешедших на службу к Дмитрию Московскому¹⁷. Андрей ранее княжил в Полоцке, а после своего отъезда из Литвы в 1377 г. во Пскове; Дмитрий был прежде князем брянским, а перед переходом к Дмитрию Ивановичу — трубчевским¹⁸. Можно полагать, что под их началом находилось какое-то количество служилых людей из Полоцка и Черниговщины, а также псковичей (о их присутствии в «Повести» говорится прямо). В перечне погибших, помимо белозерских князей, упоминаются князь Федор Тарусский и брат его Мстислав, а также (только в тексте Софийской I летописи) князь Владимир Дорогобужский¹⁹; из этого следует, что в сражении участвовали силы из Тарусского княжества — пограничного с Московским верхнеокского княжества Черниговской земли, и из Вяземско-Дорогобужского, самого восточного из княжеств Смоленской земли. «Задонщина» утверждает, что в походе участвовал отряд новгородцев²⁰. В двух списках «Задонщины» наличествует также перечень количества погибших знатных людей: кроме белозерских князей и бояр с территорий Московского и Великого княжества Владимирского (московских, коломенских, серпуховских, переяславских, костромских, владимирских, дмитровских, Можайских, звенигородских, углицких) там названы «посадники» новгородские, а также бояре суздальские, муромские, рязанские и ростовские²¹. Перечисленные сведения дают, таким образом, довольно мало материала для заключений, какие войска участвовали в Куликовской битве, помимо ратей, собранных с территории собственно Московского и принадлежавшего Дмитрию Ивановичу Великому Владимирского княжеств.

Наиболее подробные сведения о составе русского войска (точнее — сведения о его «командном составе», позволяющие говорить о том, отряды с каких территорий выступили в поход) содержатся, помимо «Сказания о Мамаевом побоище», в двух памятниках, тоже относящихся к XVI в. — Новгородской летописи Дубровского²² и Архивской летописи²³. Они вос-

¹⁷ Там же. С. 32 (текст Софийской I летописи старшего извода), 68 (текст Новгородской Карамзинской летописи, считающейся наиболее ранней редакцией Новгородской IV).

¹⁸ См.: *Флоря Б.Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва: Сб. статей. М., 1980. С. 158–166.

¹⁹ Памятники Куликовского цикла. С. 38–39, 77–78.

²⁰ Там же. С. 98, 113, 127.

²¹ Там же. С. 119, 131–132.

²² ПСРА. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 486.

²³ РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 366 об. — 367; *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. СПб., 1904. С. 24–25.

ходят к общему протографу — новгородскому своду 1539 г.²⁴, и тексты, относящиеся к интересующему нас вопросу, в них идентичны. И картина здесь предстает совершенно иная, чем в «Сказании».

«И ставъ ту князь великии, по достоянию полки разрядивъ и воеводы учинивъ. И быша у него тогда в передовомъ полку по божественѣи вѣре самобратныя князи Ондрѣи и Дмитриеи Олгердовичи, да боярин и воевода Микула Васильевичъ, да князь Федоръ Романовичъ Белозерский. А у себя же имѣяше князь великии Дмитриеи в полку нѣкоего боярина и воеводу Ивана Родивоновича Квашню, да боярина же своего и воеводу Михаила Брянка, да князя Ивана Васильевича Смоленского. А в правои рукѣ воеводы учини: князя Андрѣя Федоровича Ростовского, да Федора Грунку, да князя Ондрѣя Федоровича Стародубского, в лѣвои рукѣ воеводы учини: князя Васильевича Ярославского, да Лва Морозова, да князя Федора Михайловича Моложскаго. Въ сторожевомъ полку тогда воеводы учини: Михаила Иванова сына Окинфовича, да князя Семена Костянтиновича Оболенского, да брата его князя Ивана Поружского, да Андрѣя Серкиза, инья же свои полки многи разрядивъ и воеводы учини; въ западномъ же полку въ дубравахъ утаивъ благороднаго и храбраго брата своего князя Владимира Андрѣевича, да с нимъ некоего мужа мудра и храбра Дмитрия Михайловича Волынца, да князя Романа Михайловича Брянского, да князя Василья Михайловича Кашинского, да князя Романовича Новосильского»²⁵.

Какой из вариантов командного состава ближе к реальности — «Сказания» или летописей Дубровского и Архивской? Это можно прояснить благодаря тому, что имеется возможность очертить круг княжеств — вероятных участников Куликовской битвы, исходя из состояния военно-политических отношений Москвы с соседними политическими образованиями до и после Куликовской битвы. В 1375 г. Дмитрий собрал под свои знамена в походе на Тверь войско, в состав которого входили князья суздальско-нижегородские, ростовские (включая устюжских), вяземский, ярославские, белозерские, кашинский, моложский, стародубский, бывший брянский, новосильский, оболенский и тарусский, а также новгородские силы²⁶. Еще одним походом, участники которого подробно описаны, был поход Дмитрия Донского на Новгород зимой 1386/87 г. В данном случае состав вой-

²⁴ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. Л., 1989. Ч. 2. С. 37, 52–54.

²⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 486; РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 366 об. — 367; Шахматов А.А. О так называемой Ростовской летописи. С. 24–25.

²⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 110–112.

ска приведен не по князьям, а по городам. В походе приняли участие «рати» с территории Великого княжества Московского и Владимирского — московская, коломенская, звенигородская, можайская, волоцкая, ржевская, серпуховская, боровская, дмитровская, переяславская, владимирская, юрьевская, костромская, углицкая, галицкая, бежицкая, белозерская, вологодская, новоторжская, а также отряды из Мещеры, княжеств Муромского, Стародубского, Суздальского, Городецкого, Нижегородского, Ростовского (с Устюжским), Ярославского, Моложского²⁷. Отличия состава войска 1386–1387 гг. от войска 1375 г. (помимо того, что новгородцы стали теперь противной стороной) оказываются следующие: 1. «Белозерская рать» в результате перехода Белоозера после гибели князя Федора Романовича на Куликовом поле в состав московских владений оказалась в ряду великокняжеских сил. 2. Отсутствуют войска Вяземского княжества, так как князь Иван Васильевич погиб в 1386 г. в битве смоленских князей с Литвой под Мстиславлем, а его сын тогда же подписал договор, по которому смоленские князья попадали в зависимость от Литвы²⁸ (т. е. Вяземское княжество вышло тем самым из коалиции, возглавляемой Дмитрием Донским). 3. Отсутствует рать из Кашинского княжества, так как после смерти Василия Михайловича Кашинского в 1382 г. Кашин отошел к тверскому князю Михаилу Александровичу²⁹. 4. Отсутствуют силы верховских княжеств (Новосильского, Тарусско-Оболенского), что объясняется, очевидно, отдаленностью их (пограничных с ордынской территорией) от театра военных действий (союз князей этих земель с Дмитрием сохранялся — в 1385 г. Роман Новосильский и тарусские князья участвовали в войне Москвы с Рязанью³⁰). 5. На сей раз в походе участвуют войска из Муромского княжества и Мещеры³¹.

Можно с уверенностью полагать, что в 1380 г. сборы русского войска исходили в основе из той же коалиции княжеств: в августе 1380 г. Дмитрий Иванович имел достаточно времени для сбора войск — не меньше, чем в 1375 г., поскольку Мамай не торопился с продвижением, ожидая

²⁷ ПСРА. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Стб. 345; Т. 42. СПб., 2002. С. 149.

²⁸ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 152–155; Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 73–74.

²⁹ См.: Горский А.А. Москва и Орда. М., 2016. С. 105–107.

³⁰ ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 150; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 19. С. 54.

³¹ Мещера до 1381 г. оказалась под властью Дмитрия Донского: в его договоре с Олегом Рязанским этого года она называется «куплей» московского князя (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. № 10. С. 29).

подхода войска Ягайло³². Имеющиеся в ранних источниках о Куликовской битве отрывочные сведения об участвовавших в сражении князьях подтверждают правильность такого подхода: в них упоминаются белоозерские и тарусские князья, а также князь дорогобужский (Дорогобуж был вторым по значению городом в Вяземском княжестве, и павший на Куликовом поле князь Владимир Дорогобужский — возможно, брат Ивана Васильевича Вяземского), т. е. представители трех далеко отстоящих друг от друга районов, входивших в область «мобилизаций» 1375 и 1386 гг.: Белоозеро является ее крайней северной точкой, Вязьма с Дорогобужем — крайней западной, а Таруса — самой южной после Новосильско-Одоевского княжества.

Исходя из вероятности сходства состава русского войска в 1380 г. с участниками походов 1375 и 1386–1387 гг., как можно оценить достоверность перечней, содержащихся в «Сказании о Мамаевом побоище» и летописях Дубровского и Архивской?

Что касается последних, то их перечень князей очень близок как с составом войска 1375 г., так и с перечнем «ратей» 1386 г. В отличие от 1375 г. не упомянуты Дмитрий Константинович, князь суздальско-нижегородский, его братья Борис и Дмитрий Ноготь и сын Семен, князь ростовского дома Василий и Александр Константиновичи, один из ярославских князей Васильевичей; вместо Романа Семеновича Новосильского фигурирует его сын. Все эти изъятия могут быть объяснены обстановкой кануна Куликовской битвы. Нижегородско-суздальские князья после двукратного разорения Мамаем их земель — в 1377 и 1378 гг. — должны были быть озабочены в первую очередь охраной своих владений. Василий и Александр Константиновичи княжили во входившем в Ростовское княжество Устюге³³ и могли воздержаться от выступления или не успеть на сбор войск из-за чрезвычайной удаленности их княжества от театра военных действий. Что касается Новосильского княжества, то оно лежало на пути Ягайло, двигавшегося с запада к верховьям Дона на соединение с Мамаем; Роману Семеновичу было естественно отправить в помощь Дмитрию отряд во главе с сыном, а самому остаться оборонять свою землю от литовцев. В отличие от 1386 г., в перечне летописей Дубровского и Архивской присутствуют Иван Васильевич Вяземский, Василий Михайлович Кашинский (в отно-

³² См.: Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле. С. 10.

³³ См.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. С. 270, 276–279.

шении обоих нет оснований полагать, что к 1380 г. они могли выйти из союза с Дмитрием), князья новосильские и тарусско-оболенские, сохранявшие союз с Москвой и в середине 80-х гг., и не упоминается об участии муромских и мещерских сил.

Из князей же, названных в «Сказании о Мамаевом побоище», в перечне 1375 г. не присутствует никого, кроме Владимира Андреевича Серпуховского. Белозерские, ярославские и ростовские князья носили в эпоху Куликовской битвы другие имена, чем названные в «Сказании», Глеб Брянский жил в первой половине XIV в., а княжеств-уделов Кемского, Каргопольского, Андомского (верно — Андожского), Прозоровского и Курбского еще не существовало³⁴. Следовательно, сведения «Сказания» о составе русского войска в целом достоверными признаны быть не могут.

Таким образом, исходя из двух рассмотренных сюжетов, можно заключить, что в «Сказании о Мамаевом побоище» присутствуют явно вымышленные события и персонажи. Фактически перед нами художественное произведение, написанное по мотивам реального события.

* * *

В отношении «Повести о разорении Рязани Батыем» (входящей в цикл Повестей о св. Николае Заразском) высказывались мнения о ее датировке концом XIII³⁵ в. или XIV³⁶ в., но ныне обоснованным представляется отнесение данного произведения к первой половине или середине XVI столетия³⁷.

В начале «Повести» перечисляются рязанские князья, противостоявшие войску Батая. Помимо княжившего собственно в Рязани Юрия

³⁴ См.: Памятники Куликовского цикла. С. 205–206 (прим. 28), 210–211 (прим. 47).

³⁵ *Евсеева И.А.* «Повесть о разорении Рязани Батыем». Редакции XVI и XVII веков. Автореф. канд. дисс. Л., 1985. С. 7–9, 15; *Лобакова И.А.* Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 46. СПб., 1993. С. 48–49.

³⁶ *Лихачев Д.С.* Повесть о разорении Рязани Батыем // Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 139–141.

³⁷ *Поппе А.* К начальной истории культа св. Николая Заразского // Essays in honour of A.A. Zimin. Columbus (Ohio), 1986. P. 289–292; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001. С. 436–449; *он же.* История создания Повести о Николае Заразском // Зарайск. Т. 1: Исторические реалии и легенды. М., 2002; *Амелькин А.О.* Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV — первой половины XVI в. Воронеж, 2008. С. 81–92.

Разорение Рязани Батыем. Миниатюра. Лицевой летописный свод

Ингоревича и его сына Федора, названы братья Юрия Давыд Ингоревич Муромский, Глеб Ингоревич Коломенский, Олег Ингоревич и Всеволод Пронский. Федора, отправленного послом к Батыю, затем убивают в его стане, Юрий, Давыд, Глеб и Всеволод погибают в сражении с татарами, а Олега, попавшего израненным в плен и отказавшегося отречься от христианской веры, Батый приказывает «на части роздробити»³⁸.

Между тем князя Федор Юрьевич и Глеб Ингоревич более нигде не упоминаются. Всеволод Пронский умер в 1208 г.³⁹ В Муроме не мог править родной брат рязанского князя, поскольку Муромская земля представляла собой отдельное от Рязанской политическое образование, и там была своя княжеская ветвь. Князь по имени Давыд в Муроме действительно был, но имел отчество Юрьевич и умер в 1228 г.⁴⁰ Олег не был убит, в 1252 г. его «пустиша татарове... в свою землю», и умер

³⁸ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 184, 186, 188, 194.

³⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 430–431.

⁴⁰ Там же. Стб. 405, 450.

этот князь своей смертью в 1258 г.⁴¹ Казнен был в Орде описанным в «Повести» способом («рѣзати по съставомъ») его сын Роман Ольгович в 1270 г.⁴² Таким образом, в «Повести» объединены князья, жившие в разное время, и к ним добавлены некоторые, возможно не существовавшие в реальности.

Поистине культовым стал другой сюжет, изложенный в «Повести» — о Евпатии Коловрате. В нем рассказывается, что «нѣкий от велмож рязанских именем Еупатий Коловрат в то время был в Чернигове со князем Ингварем Ингоревичем». Узнав о нашествии Батыя, он вернулся в Рязань и увидел ее разоренной. Тогда Евпатий «собра мало дружины, тысящу семсотъ человекъ», отправился в погоню за Батыем, настиг его войска в земле Суздальской и стал «сѣчи без милости», так что «татарове мянша, яко мертви восташа». Узнав от попавших в плен раненых воинов, кто возглавляет нападение на его станы, Батый послал на Евпатия своего «шурича» по имени Хостоврул или Таврул (в разных редакциях есть разночтения на этот счет⁴³), но Евпатий сразил его в бою. Убить Евпатия татары смогли, только забросав его камнями из «пороков» — осадных орудий. Подивившись храбрости Евпатия, Батый отдал его тело оставшимся в живых и попавшим в плен воинам его дружины, отпустив их невредимыми⁴⁴.

О Евпатии Коловрате нет известий ни в каких иных источниках кроме «Повести». При этом некоторые составные части нарратива о нем обнаруживают литературные истоки. Так, князь по имени Ингварь Иго-ревич действительно избежал участи погибнуть вместе с другими рязанскими князьями, но не во время нашествия монголов в 1237 г., а в 1217 г., когда один из князей рязанского дома, Глеб Владимирович, предательски перебил своих родственников⁴⁵. Численность дружины в 1700 человек упоминается в родословной легенде боярского рода Квашниных — с таким количеством воинов пришел на службу к московским князьям около 1300 г. киевский боярин Нестер Рябец⁴⁶. Сходное с именем убитого

⁴¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 473, 475.

⁴² ПСРА. Т. 18. СПб., 1913. С. 73.

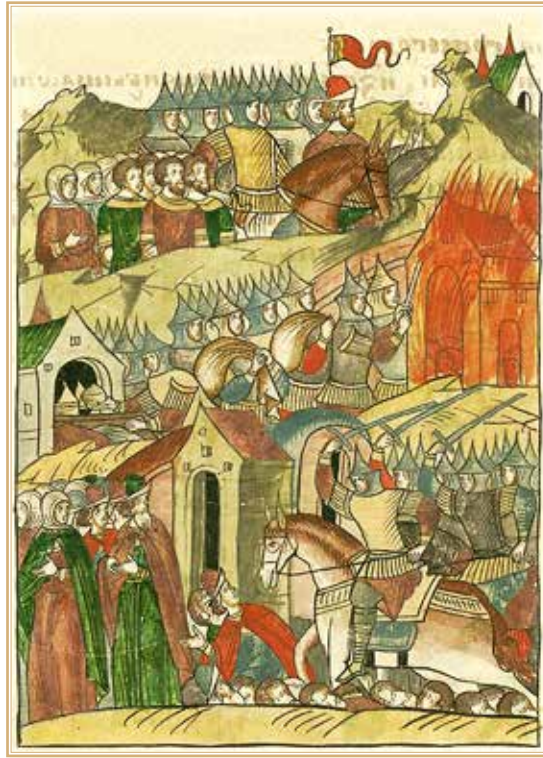
⁴³ См.: Лихачев Д.С. Повести о Николе Зараском // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 294, 315, 336.

⁴⁴ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 190, 192.

⁴⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 440; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 58.

⁴⁶ ПСРА. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 478–479 (Новгородская летопись Дубровского). См. об этом сюжете: Горский А.А. Москва и Орда. С. 32–36.

Рать великого князя Дмитрия Ивановича разоряет Рязанскую землю.
Миниатюра. Лицевой летописный свод

Евпатием ханского «шурича» имя (Товрул) носил попавший в плен перед осадой Киева в 1240 г. воин Батые⁴⁷. После взятия Киева в 1240 г. возглавлявшего оборону воеводу Дмитра привели к Батью раненого, и «не оубиша его моужьства ради его»⁴⁸ (в «Повести» этот эпизод использован в двух местах: раненым приводят к Батью Олега Ингоревича, восхищается хан храбростью убитого Евпатия, а отпускает ради этого его плененных воинов). Перечисленные эпизоды из русской истории присутствуют в Московском летописном своде конца XV в.⁴⁹ и (рассказ о родоначальнике Квашниных) в Архивской летописи⁵⁰; между тем в «Повести о разорении Рязани Батьем» отмечено использование именно этих летописных памятников⁵¹. Наконец, гибель от ударов камней (уникальная для полевого сражения — их метание было предназначено для разрушения стен при штурме городов), вероятно, навеяна Житием

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. М., 2001. Стб. 784.

⁴⁸ Там же. Стб. 785.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 115, 131.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 312.

⁵¹ Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 2. С. 436–449.

соименного Евпатию святого — Ипатия Гангрского, который был побит камнями⁵².

Таким образом, хотя и нельзя полностью исключать возможность, что автор «Повести» художественно обработал какое-то рязанское предание о мести захватчикам⁵³, считать рассказ о Евпатии Коловрате изображением реальных событий оснований нет.

В целом же «Повесть о разорении Рязани Батыем» следует признать художественным произведением на историческую тему, а не источником по событиям середины XIII столетия.

* * *

Никоновская летопись 20-х гг. XVI в.⁵⁴ содержит много уникальных фрагментов, в том числе в повествовании об отдаленных временах. В историографии они часто используются как достоверные известия, дополняющие лаконичные сведения ранних источников.

Один из таких дополнительных «блоков информации» относится к IX столетию. Помимо сведений о Рюрике и Аскольде и Дире, восходящих к Повести временных лет, Никоновская летопись содержит дополнительные фрагменты.

Во-первых, вместо одного похода Аскольда и Дира на Царьград (помещаемого Повестью временных лет под 866 г.) она говорит о трех. Рассказ о первом походе помещен в недатированной части летописи, о втором под 866 г., третий же датируется 874 г.: он представлен как незавершенный и обернувшийся Крещением Руси⁵⁵. Кроме того, говорится о гибели сына Аскольда «от болгар», о походах Аскольда и Дира на полочан (865 г.) и печенегов (867 г.)⁵⁶.

⁵² См.: Крюкова А.Н. Ипатий, еп. Гангрский // Православная энциклопедия. Т. 26. М., 2011. С. 262–268. Произведения, посвященные св. Ипатию, распространились на Руси именно в XVI в. При этом в одном из них, «Мученичестве» Ипатия, есть эпизод его воскресения после гибели от огня — ср. в рассказе об Евпатии Коловрате: «ови побьены и посѣчены, а ови позжены» и «Татарове мяша, яко мертви восташа» (Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 190).

⁵³ См. попытку выделить в сюжете о Евпатии «песенную основу»: Путилов Б.Н. Песня о Евпатии Коловрате // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 11. М.; Л., 1955.

⁵⁴ См. о ней: Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.

⁵⁵ ПСРА. Т. 9. М., 1965. С. 7, 9, 13.

⁵⁶ Там же. С. 9.

Во-вторых, имеются сообщения о сопротивлении новгородцев власти Рюрика. Под 864 г.: «Того же лѣта оскорбишася Новгородци, глаголюще: яко бытии намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ многихъ изби новгородцевъ съвѣтников его»⁵⁷. Под 865 г.: «Того же лѣта избѣжаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Киевъ много новгородцукыхъ мужей»⁵⁸.

Б.А. Рыбаков посчитал эти вставки восходящими к «летописи князя Аскольда» второй половины IX в.⁵⁹ Эта точка зрения нашла поддержку⁶⁰. Однако О.В. Творогов показал, что «утроение» известий о походах на Царьград стало результатом компиляции информации из разных источников, как летописных, так и хронографических (сочинений по всемирной истории), известных в первой половине XVI в.⁶¹ Сообщения о гибели сына Аскольда и о походе на полочан не поддаются проверке, но про поход на печенегов можно уверенно полагать, что перед нами вымысел, так как до конца 880-х гг. кочевья печенегов находились за Волгой.

Не лучше обстоит дело с «Вадимом Храбрым» (упоминание о котором вдохновило нескольких литераторов Нового времени на создание посвященных ему литературных произведений⁶²). Имя Вадим ранее Никоновской летописи не встречается ни в одном источнике. К тому же оно является христианским, восходящим к имени мученика IV в. Вадима Персидского, чье почитание в Византии началось только в конце X в. (а на Руси как раз в веке XVI)⁶³; соответственно, среди новгородцев IX в. никакого Вадима быть не могло.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 165–173; он же. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. М., 1982. С. 305–308.

⁶⁰ Брайчевский М.Ю. Відроджена пам'ятка дев'ятого століття // Київ. 1988. № 2.

⁶¹ Творогов О.В. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2.

⁶² См. об этом: Артамонов Д.С. Вадим Новгородский: вымысел историков и интерпретация литераторов XVIII–XIX вв. // Люди и тексты: исторический альманах. Вып. 10. М., 2017.

⁶³ См.: Аристов В. Вадим Храбрый у Никонівському літописі // Ruthenica. Вип. 8. Київ, 2009. С. 186–187. Само имя имеет восточное (персидское или арабское) происхождение, см.: Поляков Г.В. Этимология имени Вадим // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXI: Материалы чтений памяти И.Н. Тронского. СПб., 2017; Шапошников А.К. Загадочные ориентальные имена в церковно-славянской традиции: Вадим (на сайте academia.edu).

Через Никоновскую летопись проходит тема отношений Руси с Римом⁶⁴. Уникальные известия на этот счет распределены на протяжении четырех столетий — от X до XIV в.

979 г.: «Того же лѣта приидоша послы къ Ярополку отъ папы»⁶⁵.

991 г.: «Того же лѣта приидоша къ Володимеру послы изъ Рима отъ папы, съ любовию и съ честью»⁶⁶.

994 г.: «Того же лѣта послы Володимеровы приидоша въ Киевъ, иже ходиша въ Римъ къ папѣ»⁶⁷.

1000 г.: «Того же лѣта приидоша послы отъ папы Римскаго и отъ королей Чезьскихъ и Угорскихъ»⁶⁸.

1001 г.: «Того же лѣта посла Володимеръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ, въ Римъ, а другихъ во Иерусалимъ, и въ Египеть и въ Вавилонъ, съглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ»⁶⁹.

1091 г.: «Того же лѣта прииде Феодоръ Грекъ митрополичь отъ папы изъ Рима и принесе много мощей святыхъ»⁷⁰.

1169 г.: «Того же лѣта приидоша послы отъ Римскаго папы»⁷¹.

1388 г.: «Того же лѣта приидоша послы на Москву отъ папы Римскаго»⁷².

К тому же циклу «римских» дополнений можно отнести прибавку прозвища «Римлянин» к имени колокольного мастера, который в Симеоновской летописи (непосредственном источнике Никоновской) фигурирует просто как «Бориско»: «Того же лѣта на Москвѣ князь велики Семионъ Ивановичъ и з братьею своею Иваномъ Ивановичемъ и Андрѣемъ Ивановичемъ слиаша три колоколы болшихъ, а два меньшихъ, и лиль ихъ мастеръ Борисъ Римлянинъ»⁷³.

Источника, который бы освещал связи Руси с Римом начиная с X в., в распоряжении составителя Никоновской летописи быть не могло. Справедливым представляется мнение, что «известия о сношениях киевских (можно добавить — и московских. — А.Г.) князей

⁶⁴ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 188.

⁶⁵ ПСРА. Т. 9. С. 39.

⁶⁶ Там же. С. 64.

⁶⁷ Там же. С. 65.

⁶⁸ Там же. С. 68.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 116.

⁷¹ Там же. С. 237.

⁷² Там же. Т. 11. М., 1965. С. 94.

⁷³ Там же. Т. 10. М., 1965. С. 217. Ср. Симеоновскую летопись: Там же. Т. 18. С. 95.

с Римом были введены для возвеличения международного престижа Русского государства»⁷⁴.

* * *

Итак, три произведения на исторические темы, созданные в один период времени, обнаруживают общую черту: в них присутствует прямой и несомненно осознаваемый авторами художественный вымысел. Следовательно, уже для первой половины XVI в. можно говорить о существовании этого элемента в русской литературе.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» и «Сказание о Мамаевом побоище» представляют собой фактически исторические повести по мотивам знаковых событий отечественной истории — нашествия монголов и Куликовской битвы. Воспринимать их как источники для изучения этих событий неправомерно. Данные произведения ценны именно как памятники художественной литературы, а не как фиксация реальных событий. Никоновская летопись внесла вымысел и в жанр летописания.

Авторы рассмотренных трех памятников русской литературы первой половины XVI столетия в вымышленных фрагментах отталкивались от реальных событий, иногда приписывая историческим персонажам — Рюрику, Аскольду и Диру, Олегу Ингваревичу, Пересвету и Ослябе — придуманные эпизоды, а иногда вводя в повествование наряду с ними персонажей вымышленных, таких как Вадим, не существовавшие (или действовавшие в другие эпохи) князья (в «Повести о разорении Рязани Батыем» и «Сказании о Мамаевом побоище»), вероятно, Евпатий Коловрат. Все как в художественной литературе Нового времени... Ничего, впрочем, удивительного — в первой половине XVI в. оно в Европе как раз и начиналось.

⁷⁴ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. С. 188.

REFERENCES

1. Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaystva [Acts of feudal land tenure and economy]. Ch. 1. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951. 400 s.
2. *Amel'kin A.O.* Tatarskiy vopros v obshchestvennom soznanii Rossii kontsa XV – pervoy poloviny XVI veka (po materialam pamyatnikov agiografii i fol'klora): Monografiya [The Tatar question in the public consciousness of Russia at the end of the XV – the first half of the XVI centuries (based on materials from monuments of hagiography and folklore): Monograph]. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2008. 250 s.
3. *Artamonov D.S.* Vadim Novgorodskiy: Vymysel istorikov i interpretatsiya literatorov XVIII–XIX vekov [Vadim Novgorodsky: Fiction of historians and interpretation of writers of the XVIII–XIX centuries] // *Lyudi i teksty: Istoricheskiy al'manakh*. 2017. № 10. S. 155–177.
4. *Arystov V.* Vadim Khrabryi v Nikonovskoy letopisi [Vadym the Brave in the Nikon Chronicle] // *Ruthenica*. Vyp. 8. Kiev, 2009. S. 184–188.
5. *Braychevskiy M.Yu.* Vidrozhdena pam'yatka dev'yatoho stolittya [A revived monument of the ninth century] // *Kyiv*. 1988. № 2.
6. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vekov* [Spiritual and contractual letters of the great and appanage princes of the XIV–XVI centuries]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. 585 s.
7. *Evseeva I.A.* «Povest' o razorenii Ryazani Batyem». Redaktsii XVI i XVII vekov: Avtoref. kand. diss. [«The Tale of the Devastation of Ryazan by Batu». Revisions of the XVI and XVII centuries: Abstract cand. diss.] Leningrad, 1985.
8. *Florya B.N.* Litva i Rus' pered bitvoy na Kulikovom pole // *Kulikovskaya bitva: Sb. statey* [Lithuania and Rus' before the battle on the Kulikovo field // *Battle of Kulikovo: Sat. articles*]. Moscow: Nauka, 1980. S. 142–173.
9. *Gorskiy A.A.* Moskva i Orda [Moscow and the Horde]. Moscow: Lomonosov, 2016. 296 s.

10. *Kloss B.M. Istoriya sozdaniya Povesti o Nikole Zarazskom // Zaraysk. T. 1: Istoricheskie realii i legendy [The history of the creation of the Tale of Nicholas Zarazsky // Zaraysk. Vol. 1: Historical realities and legends]. Moscow, 2002. S. 114–177.*
11. *Kloss B.M. Izbrannye trudy. T. 2: Ocherki po istorii russkoy agiografii XIV–XVI vekov [Selected works. Vol. 2: Essays on the history of Russian hagiography of the XIV–XVI centuries]. Moscow, 2001. 488 s.*
12. *Kloss B.M. Nikonovskiy svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov [Nikon's code and Russian chronicles of the XVI–XVII centuries]. Moscow: Nauka, 1980. 312 s.*
13. *Konyavskaya E.L. O «granitsakh» drevnerusskoy literatury (letopisi: pisatel' i chitatel') [On the «boundaries» of ancient Russian literature (Chronicles: A writer and a reader)] // Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki. 2003. № 2(12). S. 76–80.*
14. *Kryukova A.N. Ipatiy, ep. Gangrskiy // Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 26 [Hypatius, bishop of Gangra // Orthodox Encyclopedia. Vol. 26]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2011. 751 s.*
15. *Kuchkin V.A. Dmitriy Donskoy i Sergiy Radonezhskiy v kanun Kulikovskoy bitvy // Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noy Rossii [Dmitry Donskoy and Sergius of Radonezh on the eve of the Battle of Kulikovo // Church, society and state in feudal Russia]. Moscow, 1990. S. 103–126.*
16. *Kuchkin V.A. Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi X–XIV vekov [Formation of the state territory of North-Eastern Rus' in the X–XIV centuries] Moscow: Nauka, 1984. 349 s.*
17. *Kuchkin V.A. Pobeda na Kulikovom pole [Victory on the Kulikovo field] // Voprosy istorii. 1980. № 7. S. 3–21.*
18. *Kuz'min A.V. Na puti v Moskvu: Ocherki genealogii voenno-sluzhiloy znati Severo-Vostochnoy Rusi v XIII — nachale XV veka [On the way to Moscow: Essays on the genealogy of the military service nobility of North-Eastern Rus' in the XIII — early XV centuries]. T. 2. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2015. 452 s.*
19. *Likhachev D.S. Povest' o razorenii Ryazani Batyem // Voinskie povesti Drevney Rusi [The tale of the devastation of Ryazan by Batu // Military tales of ancient Rus']. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. S. 119–142.*

20. *Likhachev D.S.* Povesti o Nikole Zarazskom // Trudy otdela drevnerusskoy literatury. T. 7 [Tales of Nikola Zarazsky // Proceedings of the Department of old Russian literature. Vol. 7]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. S. 257–406.
21. *Lobakova I.A.* Problema sootnosheniya starshikh redaktsiy «Povesti o razorenii Ryazani Batyem» // Trudy otdela drevnerusskoy literatury. T. 46 [The problem of the ratio of older editions of «The Tale of the Ruin of Ryazan by Batu» // Proceedings of the Department of old Russian literature. Vol. 46]. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 1993. S. 36–52.
22. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod first chronicle of the senior and junior editions]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. 642 s.
23. Pamyatniki Kulikovskogo tsikla [Monuments of the Kulikovo cycle]. St. Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyi tsentr BLITS, 1998. 412 s.
24. Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIII vek [Monuments of literature of Ancient Rus'. XIII century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981. 616 s.
25. *Petrov A.E.* «Aleksandriya Serbskaya i "Skazanie o Mamaevom poboishche"» [«Alexandria of Serbia and the "Tale of Mamay's Battle"»] // Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki. 2005. № 2(20). S. 54–64.
26. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 1. Moscow, 1997 (Lavrent'evskaya letopis').
27. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 2. Moscow, 2001 (Ipat'evskaya letopis').
28. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 4. Ch. 1. Vyp. 2. Leningrad, 1925 (Novgorodskaya IV letopis').
29. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 9. Moscow, 1965 (Nikonovskaya letopis').
30. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 10. Moscow, 1965 (Nikonovskaya letopis').
31. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 11. Moscow, 1965 (Nikonovskaya letopis').
32. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 15. Vyp. 1. Petrograd, 1922 (Rogozhskiy letopisets).
33. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 18. St. Petersburg, 1913 (Simeonovskaya letopis').

34. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 25. Moscow; Leningrad, 1949 (Moskovskiy letopisnyi svod kontsa XV veka).
35. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 42. St. Petersburg, 2002 (Novgorodskaya Karamzinskaya letopis’).
36. *Polyakov G.V.* Etimologiya imeni Vadim // Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXI [Etymology of the name Vadim // Indo-European linguistics and classical philology – XXI]. St. Petersburg: Nauka, 2017. S. 689–691.
37. *Poppe A.* K nachal’noy istorii kul’ta sv. Nikolaya Zarazskogo [To the initial history of the cult of St. Nikolai Zarazsky] // Essays in honour of A.A. Zimin. Columbus (Ohio), 1986. S. 589–604.
38. *Priselkov M.D.* Troitskaya letopis’. Rekonstruktsiya teksta [Troitsk Chronicle. Text reconstruction]. Moscow; Leningrad, 1950. 514 s.
39. Rossiyskiy gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 181. № 20.
40. *Rybakov B.A.* Drevnyaya Rus’: Skazaniya. Byliny. Letopisi [Ancient Rus’: Legends. Epics. Chronicles]. Moscow: Izdatel’stvo AN SSSR, 1963. 361 s.
41. *Rybakov B.A.* Kievskaya Rus’ i russkie knyazhestva XII–XIII vekov [Kievan Rus’ and Russian principalities of the XII–XIII centuries]. Moscow: Nauka, 1982. 590 s.
42. *Shakhmatov A.A.* O tak nazyvaemoy Rostovskoy letopisi [On the so-called Rostov chronicle]. St. Petersburg: Universitetskaya tipografiya, 1904. S. 67–162.
43. *Shaposhnikov A.K.* Zagadochnye oriental’nye imena v tserkovno-slavyanskoj traditsii: Vadim [Mysterious oriental names in the church Slavonic tradition: Vadim] // academia.edu [Electronic resource]. URL: <https://www.academia.edu>
44. Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vtoraya polovina XIV–XVI veka [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus’. Second half of the XIV–XVI centuries]. Leningrad: Nauka, 1989. Ch. 2. 528 s.
45. Smolenskie gramoty XIII–XIV vekov [Smolensk letters of the XIII–XIV centuries]. Moscow: Izdatel’stvo AN SSSR, 1963. 139 s.
46. *Tvorogov O.V.* Literatura Drevney Rusi. Posobie dlya uchitelya [Literature of Ancient Rus’. A guide for the teacher]. Moscow: Prosveshchenie, 1981. 128 s.

47. *Tvorogov O.V.* Skol'ko raz khodili na Konstantinopol' Askol'd i Dir? [How many times did Askold and Dir go to Constantinople?] // *Slavyanovedenie*. 1992. № 2. S. 54–59.
48. *Zhitie Sergiya Radonezhskogo: Prostrannaya redaktsiya / Podg. teksta, perevod, komentarii, issledovanie A.V. Dukhaninoy* [Life of Sergius of Radonezh: Lengthy edition / Preparation text, translation, comments, research by A.V. Dukhanina]. Moscow; Brussels: Conference Sainte Trinité du Patriarcate de Moscou ASBL; Svyato-Ekaterininskiy muzhskoy monastyr', 2015. 640 s.

Ключевые слова:

Русь, Средневековье, историческая литература, художественный вымысел.

Anton A. Gorsky

THE TALE OF MAMAI'S BATTLE, THE TALE OF THE DESTRUCTION OF RYAZAN BY BATU KHAN, AND THE NIKON CHRONICLE: THE BEGINNING OF THE RUSSIAN HISTORICAL FICTION

The article highlights the moments when a fiction takes place in Old Russian sources on History.

Examined are three monuments created at the same historical period – at the beginning of the 16th century: the Tale of Mamai's Battle – one of the most vague narratives on the Battle Kulikovo of 1380, the Tale of the Destruction of Ryazan by Batu Khan, which talks about the Mongolian Invasion of the Ryazan lands of 1237, and the Nikon Chronicle.

A conclusion has been made that all the texts include purely fictitious episodes, which show that artistic fiction in historic narratives was spread in the 16th century.

Taking the Tale of Mamai's Battle and the Tale of the Destruction of Ryazan by Batu Khan as sources for further research about the Mongol Invasion and the Battle of Kulikovo is inappropriate. Those works are voluble monuments of fiction literature, but do not depict real historical events.

The Nikon Chronicle brought fiction into the chronicle genre. Traced events are typical for literature of the beginning of the modern European history.

Key words: Rus, Middle Ages, Historiography, Work of Fiction.

Anton A. Gorskiy – D. Sc. (History), Professor, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History.

 Горский Антон Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института
российской истории РАН, руководитель Центра источниковедения
истории России

М.Ю. Андрейчева

«В СЕНИ СМЕРТНОЙ...»

Рецензия на коллективную монографию
В.А. Воропаева, И.В. Дергачевой, Е.Л. Конявской,
В.В. Милькова «Танатологическая тема в русской
словесности XI–XXI вв.»

2021 г. издательство «Индрик» выпустило коллективную монографию на тему представлений о смерти и загробной жизни в русской словесности XI–XXI вв. Авторы монографии включили в нее исследования, посвященные восприятию смерти, образам рая, ада и посмертного воздаяния в древнерусской оригинальной и переводной литературе, в творчестве избранных писателей золотого века русской литературы (Г.Р. Державин, В.Ф. Одоевский, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский), а также советской и постсоветской эпох (М.А. Булгакова, Е.Г. Водолазкина, Л.Е. Улицкой и Л.С. Петрушевской). Сам перечень указанных тем, с одной стороны, предполагает показать изучаемую проблематику в ретроспективе и попытку сделать некие обобщающие выводы. С другой же стороны, он очевидным образом выявляет исследовательские пробелы, поскольку из поля зрения авторов монографии выпали XVI–XVIII вв., а литературные воззрения на танатологическую тему в XIX–XXI вв. обозначены «точечным пунктиром».

Рассмотрим каждый крупный блок монографии в отдельности. Открывает ее большая глава В.В. Милькова, посвященная представлениям об инобытии в древнерусской книжности. Исследователь сразу отме-

чает присущую ей христианскую гносеологию, согласно которой закономерными были «отсутствие конкретизации и описательности применительно к нематериальной сфере бытия, <...> так как будучи реальностью внечувственного опыта, и сам сакральный объект поклонения, и связанная с ним сфера иного мира непознаваема, неопишима, а факт их существования принимался на веру. <...> Ввиду отсутствия конкретизации инобытийной перспективы в Св. Писании у христианских авторов не было единообразия в трактовке посмертного существования душ, ни согласия относительно мест их пребывания»¹. В.В. Мильков делает данный вывод, исходя из анализа представлений о посмертном пребывании души у Отцов Церкви: Иринея Лионского, Ипполита Римского, Климента Александрийского, Григория Богослова, Григория Нисского и др. Как следствие, у древнерусских книжников также не было единой картины инобытия. Они черпали сведения на данную тему из переводной литературы: богослужебных текстов, экзегетических и дидактических сочинений, хронографий и апокрифов. С целью показать разнородность представлений о рае и попытки их систематизации В.В. Мильков анализирует спор «о честном рае», возникший в середине XIV в. между новгородским владыкой Василием Каликой и тверским епископом Феодором Добрым. Предметом спора стал вопрос о том, является ли рай частью материального и чувственного бытия, или же это реальность, «которую можно только помыслить»². Василий Калика привлек целый комплекс известных сведений о райской локализации, чтобы доказать существование земного рая, где до грехопадения жил Адам и откуда он был некогда изгнан. Рассуждая об основных тезисах, отстаиваемых епископом, исследователь предлагает внимательно взглянуть на источники, которые подпитывали эти представления. Прежде всего это сочинения, содержавшие космографические сведения («Шестоднев» Иоанна Болгарского, «Христианская топография» Космы Индикоплова), произведения, описывающие поход Александра Македонского на восток, в преддверия рая (Хроника Георгия Амартола, Летописец Эллинский и Римский второй редакции, Хронографическая «Александрия», Сербская «Александрия» и др.), а также апокрифические сочинения, заключающие описание края ойкумены («Хождение Зосимы к рахманам», «Житие Макария Римского», «Хождение Агапия

¹ Ворopaев В.А., Дергачева И.В., Конявская Е.Л., Мильков В.В. Танатологическая тема в русской словесности XI–XXI вв. М.: Индрик, 2021. С. 21–22.

² Там же. С. 37.

в рай», «Житие Василия Нового» и др.). В итоге В.В. Мильков приходит к выводу, что за редким исключением практически во всех этих памятниках «рай понимался как географический феномен»³. Существовали две модели локализации обители праведных (рахман): континентальная (окраинные земли ойкумены) и за водной преградой (на острове, на противоположной стороне Мирового океана или за рекой-границей). Наряду с этими представлениями признавалось также существование небесного рая как рая будущего, которое наступит во время Второго пришествия Христа. Например, Василию Калике этот рай виделся как «расширение земного рая до пределов всей обновленной Вселенной»⁴. Тем не менее, несмотря на далекую пространственную (рай земной) и временную (рай будущего) локализации рая, у человека есть возможность приобщиться ему мистически при жизни. Речь идет о вхождении верующего в особое преображенное состояние, когда он, еще будучи на земле, мог опытно познать блаженство Царства Небесного⁵.

Таким образом, В.В. Мильков на основе разнообразных источников детально разбирает бытовавшие в Средневековой Руси представления о локализации, ключевых свойствах и эсхатологическом значении рая. Автор отмечает, что «древнерусские представления об ином мире и жизни после смерти не изучены ни с содержательной стороны, ни с точки зрения психологических оснований той специфической аранжировки, которую христианские танатологические идеи получали на русской почве»⁶. Первый серьезный шаг в изучении данной проблематики делает сам исследователь. Тем не менее в предлагаемой структуре изложения материала есть свои «шероховатости». Так, подраздел «Ортодоксальный взгляд на жизнь после смерти» исследователь поместил ближе к концу главы, хотя читателю изложение материала было бы понятнее, если бы истоки танатологических представлений древнерусского книжника, а именно тексты Ветхого и Нового Заветов, автор рассмотрел в начале своего повествования.

Изучение танатологической темы на материале древнерусских источников продолжила И.В. Дергачева. При их рассмотрении исследовательница сфокусировалась на теме посмертного спасения и наказания. Ключевыми источниками для ее анализа послужили «Житие Ва-

³ Там же. С. 94.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Там же. С. 43–50.

⁶ Там же. С. 26.

силия Нового», тексты древнерусских синодиков и акты поминальных дарений монастырям. К сожалению, первый подраздел, посвященный описанию посмертного воздаяния в «Житии Василия Нового», выглядит как простой пересказ памятника. Отсутствует анализ отразившихся в нем представлений о мытарствах, адских муках и райском блаженстве. Более детально останавливается И.В. Дергачева на истории структуры и содержания древнерусского синодика, начиная с его первой редакции, созданной Иосифом Волоцким во второй половине XV в., вплоть до начала XX в. С точки зрения исследовательницы, первая редакция синодика возникла под влиянием острых эсхатологических ожиданий конца седьмого тысячелетия от Сотворения мира и полемики с ересью «жидовствующих», которую вел волоцкий игумен. С течением времени синодик все больше прирастал различными назидательными поучениями на темы загробного спасения души, необходимости прижизненного покаяния и пользы молитвы и милостыни за усопших. Так возникли вторая (во времена патриарха Иова (кон. XV в.)) и третья (сер. XVII в.) редакции памятника. Отдельное внимание И.В. Дергачева уделила трансформации поминальной молитвы Кирилла Иерусалимского, входившей в синодик, начиная с первой его редакции. Исследовательница показала, как постепенно к XVII в. богослужебный текст молитвы «превратился в широкую бытописательную картину русской жизни», отразившую актуальные социальные проблемы: бегство из монастырей, разбойничество, насилие господ над крепостными и пр.⁷ Неотъемлемой частью поминальной практики были пожертвования (денежные или земельные) на монастырь с целью «вечного поминовения» души, передаваемые при жизни (вкладные грамоты) или после смерти (духовные грамоты) дарителя. В ходе их анализа И.В. Дергачева пришла к выводу, что пояснительные клаузулы, которые содержались в грамотах, также возникли под влиянием средневековых представлений о «малой и большой эсхатологии». В целом эта глава монографии получилась неравнозначной в своих частях, а местами, по-видимому, просто плохо отредактированной: встречаются повторы предложений, а в подразделе «Грех и воздаяние по данным древнерусских синодиков» автор явно отступает от темы, подробно рассказывая о клеймах иконы «Страшный суд» из села Лядины. Тем не менее необходимо признать ценность сделанных И.В. Дергачевой выводов об истории текста синодиков, так как они демонстрируют содержательную важность источников поминального комплекса.

⁷ Там же. С. 147.

Следующая глава за авторством Е.А. Конявской посвящена представлению об умерших и смерти в княжеских некрологах, договорных грамотах, а также преподобнической и святительской агиографии.

В первой части своей работы исследовательница дает сопоставительный анализ княжеских некрологов XII в., зафиксированных в различных летописных сводах. Е.А. Конявская опровергает общепринятое мнение о шаблонности посмертных княжеских описаний. Авторы некрологов, по ее мнению, хотя и использовали традиционный набор положительных характеристик, тем не менее формировали с их помощью индивидуальные образы князей, в целом соотносившиеся с их княжескими биографиями, отразившимися в летописи. Отдельно исследовательница останавливается на анализе сочинений, описывающих преставление тверского князя Михаила Александровича (кон. XIV в.), прослеживая постепенную эволюцию его образа от простого и безоценочного описания до восхваления его правления как времени «благоденствия Тверской земли»⁸.

В следующем подразделе Е.А. Конявская рассматривает договорные грамоты князей (XIV–XV вв.) и отмечает содержащиеся в них высказывания о конце земной жизни, связанные с соблюдением норм договора в случае кончины одной из заключивших его сторон. Автор констатирует, что использовавшиеся в актах формулы были обусловлены стремлением его инициаторов позаботиться о благополучии и сохранении своего рода.

К сожалению, Е.А. Конявская не пояснила, по какому принципу выделены памятники (духовное завещание Владимира Мономаха (нач. XII в.), Житие Софьи Тверской (кон. XIII в.), Жития Михаила Черниговского (втор. половина XIII в.) и Михаила Тверского (нач. XIV в.) для рассмотрения темы подраздела «Спасение в миру и в монастыре». Не раскрывается, как данная тема соотносится с танатологической тематикой. Сопоставление указанных сочинений выглядит произвольным, а анализ содержания — поверхностным и вырванным из контекста истории этих памятников.

Гораздо более цельным и верифицированным представляется анализ описаний переходов в инобытие, представленных в иноческой агиографии. Рассматривая древнерусский комплекс житий преподобных (Жития Феодосия Печерского и Авраамия Смоленского и Киево-Печерский патерик), Е.А. Конявская приходит к логичному выводу, что «сама

⁸ Там же. С. 207.

монастырская жизнь ориентировала иноков на размышления о бренности земной жизни, раскаяние в собственных грехах и приуготовление к жизни вечной»⁹. Безусловно, истоки такого осмысления лежали в целом в монашеской идее пострига как символической смерти для мира, благодаря которой сам инок уже считался причисленным к ангельскому чину. Отсюда проистекало монашеское отношение к физической смерти как к желанному воссоединению с Богом, как к переходу из обители временной в вечную.

Следующий подраздел «Святители» Е.Л. Конявская открывает кратким изложением «Поучения на празднование 1 августа», которое исследовательница относит к авторству ростовского епископа Нестора, к сожалению, не поясняя, кто и на основании каких аргументов это установил.

Продолжает подраздел разбор житийных и летописных текстов, посвященных московскому митрополиту Киприану, которые по большей части сфокусированы на кончине святителя. Е.Л. Конявская подробно освещает историю этих сочинений, публикуя в приложении к статье тексты проложного жития свят. Киприана (XVI в.) и его краткой версии из Торжественников (XVII в.). Завершается «святительская часть» главы источниковедческим и текстологическим разбором «Повести о преставлении епископа Арсения Тверского», в ходе которого исследовательница подтвердила сделанные ранее историографические выводы о том, что памятник дошел до нас в двух редакциях, имел внелетописное происхождение, а его автором было духовное лицо, приближенное к владыке¹⁰. Сопоставляя Повесть и Житие епископа Арсения, Е.Л. Конявская предположила, что агиограф был знаком с сочинением о преставлении владыки, однако изменил некоторые детали его описания в угоду общепринятой топике преподобнических житий¹¹.

Продолжает монографию глава «Танатологический дискурс в русской словесности XVIII века» И.В. Дергачевой, состоящая из разбора религиозно-философской лирики Г.Р. Державина (1743–1816) и творчества В.Ф. Одоевского (1804–1869). Собственно, вызывает удивление уже сама подборка авторов, один из которых творил на рубеже XVIII–XIX вв., а другой вообще принадлежал к романтическому направлению XIX в. Содержание глав с точки зрения отобранного материала и его анализа

⁹ Там же. С. 232.

¹⁰ Там же. С. 257.

¹¹ Там же. С. 265.

также оставляет читателя в недоумении. Начало подраздела о державинской лирике по необъяснимым причинам предваряют рассуждения о смерти в «Слове о полку Игореве» и об отношении Гоголя к поэзии Гаврилы Романовича (последнее приводится без каких-либо цитат или ссылок). Предлагаемая И.В. Дергачевой подборка стихов Державина также преимущественно с танатологической темой либо вообще не связана, либо затрагивает ее сильно по касательной. Собственно, тот эсхатологический ракурс, о котором так определенно заявляет исследовательница со ссылкой на статью Д.Л. Башкирова, в анализируемых ею стихах совсем не виден.

Анализ творчества В.Ф. Одоевского выглядит более серьезным и конструктивным. И.В. Дергачева точно подмечает, что писатель понимает смерть как особый вид памяти, в свете которой человек должен осмысливать как высокие цели своей жизни, так и ее повседневные ориентиры.

Следующая глава за авторством В.А. Воропаева посвящена эсхатологическому мировоззрению в творчестве Н.В. Гоголя. Исследователь рассматривает контекст и мотивацию создания ключевых творений писателя — пьесы «Ревизор» и романа «Мертвые души» — и приходит к выводу, что в ходе работы над ними Гоголь ориентировался на тему Страшного суда, остро ощущая «отклонение человека от христианских заповедей»¹². Основной целью писателя было заставить читателя увидеть себя без прикрас и побудить его к действительному покаянию (метанойе), пока есть еще время до встречи с Создателем на Его суде. В.А. Воропаев высвечивает глубокую религиозность Гоголя и его интерес к эсхатологической тематике, анализируя пометы в принадлежавшей ему Библии, а также обращаясь к воспоминаниям близких к писателю людей, которые свидетельствовали о его любви к молитве, чтению Священного Писания и житий святых. Пошагово, на основе многочисленных свидетельств очевидцев исследователь реконструирует картину последнего месяца жизни писателя, раскрывая читателю его тонкую, чувствительную христианскую натуру, которая особенно рельефно проступает в преддверии надвигающейся кончины. В.А. Воропаев скрупулезно рассматривает вопрос о причинах смерти Н.В. Гоголя, убедительно опровергая доводы исследователей касательно его депрессии и, как следствие, голодного самоубийства. Особое внимание уделяет автор теме сожжения Гоголем черновых глав второго тома «Мертвых душ», предполагая, что на это писателя побудили глубокие духовные переживания, связан-

¹² Там же. С. 291.

ные с предчувствием близкой кончины. Завершает часть, посвященную последним дням жизни Гоголя, аналитический разбор воспоминаний (версии 1852 и 1856 гг.) одного из его лечащих врачей, А.Т. Тарасенкова.

Заключительные части монографии за авторством И.В. Дергачевой посвящены разбору сочинений Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова, Е.Г. Водолазкина, Л.Е. Улицкой и Л.С. Петрушевской. Можно было бы отдельно остановиться на каждом из подразделов, но поскольку все они по принципам изложения литературного материала и характеру его анализа похожи друг на друга, имеет смысл дать им общую оценку. В первую очередь бросается в глаза обильное цитирование автором анализируемых источников, так что порой возникает ощущение, что исследовательница переходит в их простой пересказ. В качестве анализа И.В. Дергачева предлагает рассматривать произведения не с точки зрения историко-культурного контекста их возникновения или в контексте идей самого автора (например, изложенных им в своих дневниках, или по свидетельствам близких ему людей), а в сравнении с реалиями конца XV в. или древнерусскими апокрифами и синодиками. Отсюда возникают неуклюжие интерпретации и даже упреки, которые исследовательница делает героям анализируемых произведений. Например, крик отчаяния Макара Девушкина («Бедные люди» Ф.М. Достоевского) «Жить, Варенька, совестно! <...> Бедствия тяжкие! — погиб я, погиб!» — И.В. Дергачева сопровождает комментарием: «Причем гибель эта вызвана не нападками на христианскую веру, как это было, например, у еретиков-антитринитариев в конце XV в., что дало повод преп. Иосифу Волоцкому написать о просветителе¹³: “Умер бо душею мертвый Алексий протопоп”, а оторванностью от духовных традиций русской культуры по причине крайней бедности, вызвавшей и скудость душевную»¹⁴. Зачем исследовательница, рассматривая душевные терзания спивающегося Девушкина, вспоминает еретиков конца XV в. и полемизировавшего с ними Иосифа Волоцкого, — непонятно, как, собственно, и несуразным выглядит ее упрек герою Достоевского в том, что он по бедности был оторван от неких «духовных традиций русской культуры» (от каких конкретно, И.В. Дергачева тоже умалчивает). Разбирая роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», исследовательница делает вывод, что Мастер не может «достойно завершить свое апокрифическое еван-

¹³ Здесь у автора редакторская ошибка. Речь идет о произведении Иосифа Волоцкого «Просветитель».

¹⁴ Воронцов В.А., Дергачева И.В., Конявская Е.А., Мильков В.В. Танатологическая тема... С. 401.

гелие», поскольку «в отличие от представителей еретиков, отвергающих Божественную природу Христа, — стригольников, антитринитариев и пр.», он, не отрицая догмат о Воскресении, просто не может закончить свое повествование, так как не имеет духовного окормления в «атеистическом Третьем Риме»¹⁵. К чему здесь вспоминаются еретики конца XV в., опять же неясно, как и нет ответа, отсутствие какого окормления приводит к тому, что Мастер не дописал финал романа в согласии с каноническими евангелиями.

Предлагаемый И.В. Дергачевой подход выглядит оправданным только по отношению к роману Е.Г. Водолазкина «Лавр», который целиком построен на аллюзиях и реминисценциях литературных произведений средневековой Руси. Здесь проводимые ею параллели выглядят оправданными и органичными.

Сочинения же Л.Е. Улицкой и Л.С. Петрушевской все время оцениваются с точки зрения высокой духовности древнерусского прошлого. Отсюда, по мнению И.В. Дергачевой, их героям не хватает «знания церковного учения»¹⁶, они страдают, лишённые духовного окормления¹⁷, демонстрируя своим поведением «разрыв древнерусской письменной традиции и современной художественной литературы»¹⁸.

Завершает книгу приложение «Материалы к каталогу произведений танатологической тематики», в которое вошли описания (краткое содержание, источниковедческие данные и библиография) нескольких ключевых источников по исследуемой тематике («Житие Василия Нового», «Лекарство душевное. Синодичный сборник», «Проложная статья с поучением на празднование 1 августа» и «Синодики»). К сожалению, авторы монографии не сопроводили приложение каким-то комментарием касательно целей и задач будущего каталога, а также принципов, по которым туда будут отбираться источники. Непонятно также, почему, несмотря на обилие рассмотренных в монографии памятников, в «Материалы к каталогу» были включены лишь некоторые из них.

В итоге монография оставляет двоякое впечатление. С одной стороны, в ней есть очень сильные главы — как по разнообразию источников и историографической проработке, так и по уровню анализа материала и представлению историко-культурного контекста. С другой

¹⁵ Там же. С. 411.

¹⁶ Там же. С. 427.

¹⁷ Там же. С. 425.

¹⁸ Там же. С. 428.

стороны, есть слабые, как будто написанные наспех части. Возникают также вопросы к составу так называемого танатологического комплекса нарративных источников, обрисованному во введении книги: по какой, например, причине в него не вошли богослужебные поминальные тексты (отпевание, панихида, лития, канон на исход души, службы особых дней поминовения усопших), почему среди авторов Нового времени не выделены духовные писатели (свят. Димитрий Ростовский, свят. Тихон Задонский, свят. Филарет Московский, свят. Игнатий (Брянчанинов), свят. Феофан Затворник, прав. Иоанн Кронштадтский и др.). Почему в комплекс не были включены такие прямо относящиеся к танатологии источники, как некрологи и эпитафии?

Тем не менее, несмотря на неравнозначность включенных в нее исследований, монография в целом может быть признана удачной. Книга, безусловно, является серьезным вкладом в изучение танатологической проблематики и может дать материалы и пищу для размышлений исследователям, которые изучают представления о смерти и посмертной жизни души в русском историческом и литературном дискурсе.

Ключевые слова:

танатология, смерть, загробная жизнь, рай, ад, мытарства

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.45.007

А.В. Ганин

«МНЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ НЕ МЕСТО...»

Следственное дело полковника Л.В. Костанди
1920–1921 гг.

1921 г. по постановлениям Президиума ВЧК от 4–5 и 21 февраля, а также 1 апреля в рамках дела «Белые офицеры» были расстреляны 50 пленных белогвардейцев (не только офицеров — в деле фигурировали несколько рядовых и даже сестра милосердия), взятых в плен или добровольно сдавшихся красным задолго до того на разных фронтах и никак друг с другом не связанных. Серьезных следственных действий не проводилось — свидетели не допрашивались, доводы арестованных не проверялись и не учитывались. В феврале 2001 г. все они, кроме одного офицера, состоявшего при белых председателем чрезвычайного военного суда на Кубани, были реабилитированы.

Среди расстрелянных особенно примечательна личность единственного фигуранта дела, попавшего в плен к красным на Европейском Севере России — 37-летнего полковника Леонида Васильевича Костанди (20.09.1883–01.04.1921). Жизненный путь этого офицера, сыгравшего заметную роль в событиях Гражданской войны на Севере, уже привлекал внимание исследователей¹, однако без материалов его следственно-

¹ Кручинин А.С. «Я препровождаю вам знаки ордена» // Военная быль (Москва). 1995. № 7 (136). С. 44–49; Тучков А.И. «Один за всех...» Жизненный путь полковника

А.В. Костанди

го дела и ряда других документов картина оставалась неполной и отчасти даже искаженной. При подготовке публикации нами использованы материалы десяти российских и зарубежных архивов.

А.В. Костанди происходил из мещан² Херсонской губернии, родился в семье обрусевших одесских греков и был сыном работника бельгийского газового завода в Одессе (на допросах в Советской России Костанди, видимо, чтобы выглядеть «социально близким» допрашивавшим, утверждал, что его отец, Василий Константинович, был рабочим, но в действительности тот являлся бухгалтером и кассиром³). Дед Костанди был простым рыбаком и утонул в море во время шторма. Дядя, Кириак Константинович, приобрел известность как художник-передвижник (в его честь названа улица в Одессе и установлен памятник).

А.В. Костанди окончил Одесское шестиклассное городское училище и Одесское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду (1905 г.), а в 1912 г. — Императорскую Николаевскую военную академию по

Костанди // Площадь первоучителей (Мурманск). 2005. № 5. С. 180–191; *Костанди О.Г. Автор и его время* // Вышгород. Литературно-художественный общественно-публицистический журнал (Таллин). 2006. № 4. С. 20–38; *его же. Костанди — брат Костанди* // Дерибасовская — Ришельевская (Одесса). 2007. № 28. С. 253–269.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4795. Л. 26.

³ *Еремина Л.А. Страницы жизни семьи К.К. Костанди* // Вісник Одеського художнього музею (Одесса). 2015. № 2. С. 66; *Костанди О.Г. Автор и его время* // Вышгород. 2006. № 4. С. 22.

1-му разряду, причем за отличные успехи в науках был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. Кроме того, в 1917 г. он окончил Морские воздухоплавательные курсы.

До поступления на военную службу будущий офицер работал в мастерских почто-телеграфного округа и подрабатывал пением в хоре. В 1901 г. он поступил вольноопределяющимся 2-го разряда в 16-й стрелковый императора Александра III полк. Офицерскую службу начал в апреле 1905 г. после выпуска из училища и служил в Ревеле в 90-м пехотном Онежском полку. Согласно аттестации, данной ему в старшем классе академии в 1910 г. курсовым офицером полковником М.Д. Бонч-Бруевичем, «физически здоров. Воспитан. Тактичен. Дисциплинирован. Твердого характера. Умственных способностей выше средних. Трудолюбив. К службе Генерального штаба пригоден»⁴. Однокурсниками Костанди были будущий эстонский главнокомандующий И.Я. Лайдонер, а также эстонский военный министр А.И. Ларка. Возможно, знакомство с последним играло роль в деятельности Костанди в Ревеле в первой половине 1918 г., но это лишь предположение.

После академии Костанди для ценза командовал ротой в своем же полку. Начало Первой мировой войны и возможность применить свои знания на практике воспринял с энтузиазмом. В начале войны он, будучи штабс-капитаном, оказался в штабе 8-й армии генерала А.А. Брусилова как и.д. помощника старшего адъютанта общего отделения отдела генерал-квартирмейстера. О предстоящей службе Леонид Васильевич записал в дневнике 23 июля 1914 г. (небольшие дневниковые записи офицер делал с июля 1914 г. по июнь 1915 г.): «Работы будет по горло и работа все малоинтересная. Благо, что на мою долю придется, очевидно, служба связи армии, трудная и ответственная работа. Одно утешение, что ответственность работы заставляет отдаться ей всецело и забыть о ее непривлекательности»⁵. Поначалу в формирувавшемся армейском штабе не было даже чернильницы и карандашей, пришлось столкнуться с путаницей и нераспорядительностью. 24 июля Костанди отмечал: «Предстоящая самостоятельная работа приятно щекочет нервы. Труды многих лет дают, наконец, плоды. Ты облечен большим доверием, тебе поручают ответственную работу, что может быть приятней этого для человека, отдавшего жизнь военной работе и чувствовавшего весь мирный период жизни, что запас знаний и энергию

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 4345. Л. 1 об.

⁵ Костанди А.В. От Ревеля до Збруча. Записки офицера / Публ. О.Г. Костанди // Вышгород. Литературно-художественный общественно-публицистический журнал (Таллин). 2006. № 4. С. 9.

А.В. Костанди (стоит крайний справа) с родителями и семьей. 1903 г.

расходовать некуда»⁶. А 1 августа новая запись о скучной штабной работе: «Тяжело сидеть в штабе, нет работы сердцу. Совершенно не чувствуешь себя военным, сидя за машинкой и выщелкивая копии телеграмм»⁷.

Вскоре возможность проявить себя на передовой представилась. За проявленную в первых же боях храбрость Костанди в феврале 1915 г. был награжден Георгиевским оружием за то, что «состоя при штабе 8-й армии, в бою на р. Гнилая Липа 17 августа 1914 года, будучи послан от названного штаба для ориентировки положения 7-го армейского корпуса у д. Бржуховице, под сильным шрапнельным и ружейным огнем направлял пехотные цепи и возвращал в строй отсталых. В тот же день в 5 час. у д. Мерищева, также под артиллерийским и ружейным огнем, не только направлял с фланга подошедшие к 7-му корпусу подкрепления 60-й пехотной дивизии, но своевременной ориентировкой, по собственной инициативе, начальников частей предупредил расстрел друг друга этими частями и этим много содействовал успеху действий 7-го корпуса»⁸. Кроме того, офицер получил ордена Святой Анны 2-й степени с мечами, Святого Станислава 2-й степени с мечами и Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

В декабре 1914 г. Костанди был переведен в Генеральный штаб с производством в капитаны. 5 апреля 1915 г. генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии генерал-майор П.А. Никитин аттестовал помощника старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба армии капитана Костанди следующим образом: «К службе относится с должным

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Высочайший приказ 24.02.1915.

усердием и энергиею. Службу Генерального штаба знает отлично, имеет правильный взгляд на военное дело, несколько критически относится к действиям других, но проводит это мягко. Все боевые поручения под огнем противника исполнял отлично с полным самоотвержением.

Физически здоров вполне.

Умственно развит отлично.

Нравственности отличной, веселый собеседник и хороший товарищ. Отличный офицер Генерального штаба. Заслуживает выдвижения на штаб-офицерскую должность вне очереди»⁹.

Как вспоминал генерал П.С. Махров (тогда еще капитан), Костанди регулярно дежурил на телефоне и вел переговоры с офицерами Генерального штаба корпусов. Махров считал его одним из «талантливейших молодых офицеров в генерал-квартирмейстерской части»¹⁰. По характеристике Махрова, Костанди — «высокий, стройный блондин лет 25, причисленный к Генеральному штабу. Это был очень способный офицер с тонким аналитическим умом, умевший быстро схватывать обстановку. Несмотря на свою молодость, он держал себя с высшими начальниками довольно свободно, не стесняясь высказывать свое мнение, даже когда оно шло вразрез с принятыми ими решениями»¹¹. На самом деле Костанди был значительно старше. Тем не менее офицер отличался веселым нравом и вместе с другим своим талантливым сослуживцем капитаном Ф.Е. Махиным нередко острил по поводу командующего армией генерала А.А. Брусилова и начальника штаба генерала П.Н. Ломновского.

В 1915 г. Костанди продолжил службу в должности помощника старшего адъютанта крепости Перемышль. После контузии в мае того же года он был уволен в отпуск, а в июне получил назначение старшим адъютантом Морской крепости императора Петра Великого в Ревеле, где на различных должностях прослужил до 1918 г. Занимал должности начальника строевого отделения сухопутного фронта, начальника оперативно-го отделения сухопутного фронта, помощника начальника штаба крепости по сухопутному фронту и, наконец, начальника штаба крепости.

В Ревеле помимо служебных обязанностей Костанди состоял председателем Эстляндского военно-спортивного комитета, членом Ревельского военно-промышленного комитета, председателем Военно-эко-

⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 4345. Л. 4 об.

¹⁰ Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (BAR). P.S. Makhrov collection. Вох 3. Махров П.С. Воспоминания о моей службе в 8-й армии генерала Брусилова в 1914 году. Тетрадь № 6. С. 393.

¹¹ Там же. Тетрадь № 4. С. 284.

номического общества, а с ноября 1916 г. стал председателем исполнительной комиссии Эстляндского продовольственного совета¹².

После Февральской революции подполковник Костанди вписался в новую политическую реальность. На март 1917 г. он состоял председателем военной секции Исполкома Ревельского комитета рабочих и солдатских депутатов (сам Костанди позднее указывал, что вошел в состав Ревельского совета рабочих и солдатских депутатов, став председателем военного комитета). Исполком 17 марта 1917 г. приветствовал «доблестные войска славного генерала [Н.В.] Рузского, в штабе которого произошел великого значения акт отречения от престола государя Николая Второго»¹³. Документ подписали Костанди и председатель Исполкома. Также он стал председателем Эстляндского продовольственного комитета и уполномоченным по продовольствию Эстляндской губернии. В мае 1917 г. от последней должности пришлось отказаться по причине невозможности совмещать ее с работой в штабе крепости и в совете.

На допросе в 1920 г. Костанди показал, что отрицательно относился к министру-председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому, считая того неспособным управлять государством. Критически оценивал и Временное правительство, но являлся сторонником идеи Учредительного собрания. Приход к власти большевиков Костанди воспринял отрицательно, считая новый режим неспособным преодолеть развал страны.

8 декабря 1917 г. офицер был арестован ревкомом по подозрению в злоупотреблениях в Военно-экономическом обществе, но через сутки выпущен на поруки работников штаба и команд. Вместе с комитетом штаба Костанди настоял на судебном разбирательстве революционного трибунала и 15 января 1918 г. был оправдан¹⁴ как «действовавший на вполне законном основании»¹⁵. Кроме того, в конце 1917 г. он ездил в Петроград на демобилизационный съезд, 20 февраля 1918 г. Костанди демобилизовался, продолжив жить в Ревеле с семьей.

Германские войска в конце февраля 1918 г. заняли город. Костанди признали военнопленным, но оставили на свободе. Известно, что офицер способствовал созданию первых эстонских воинских формирований (в частности, 3-го эстонского полка), состоял на службе эстонского Вре-

¹² Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Д. Р-49590. Т. 1. Л. 5.

¹³ РГВИА. Ф. 2421. Оп. 2. Д. 105. Л. 85 об.

¹⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 2.

¹⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39450. Оп. 1. Д. 64. Л. 322.

менного правительства и ездил в Петроград на переговоры с большевиками о признании Эстонии¹⁶. Однако он был арестован немцами и 4 (по другим данным, 5-го) июля 1918 г. депортирован в Советскую Россию. В Ревеле остались супруга офицера Надежда Федоровна Овчинникова и двое сыновей — Георгий (1913 г. рождения) и Кирилл (1917 г. рождения)¹⁷.

Через Нарву Костанди попал в Советскую Россию. Тогда, судя по его показаниям 1920 г., Леонид Васильевич рассчитывал «при восстановлении Восточного фронта вновь принять участие в борьбе с Германией и тем самым ликвидировать позор Брестского мира, к которому я относился совершенно отрицательно»¹⁸. Вместе с тем, оказавшись в Советской России, Костанди «предпочел службу в чисто научном учреждении, а не в строевой части армии»¹⁹. В документах отмечено, что из Гатчины (там находился дом родителей супруги Костанди²⁰) 19 июля он был командирован в Гидрографическую экспедицию Западносибирского района Северного Ледовитого океана во главе с известным полярным исследователем, бывшим капитаном 1-го ранга Б.А. Вилькицким²¹. Однако в своих показаниях Костанди отметил, что доехал до Москвы, где явился в оперативное управление Всероссийского главного штаба и получил предписание отправиться в экспедицию²². Костанди поехал в Петроград, куда прибыл 26 июля, а на следующий день выехал в Архангельск и прибыл туда 29 июля, накануне антибольшевистского переворота (он произошел в ночь с 1 на 2 августа 1918 г. и увенчался успехом при поддержке союзного десанта).

Командировка на Север предопределила дальнейшую судьбу офицера. Ко времени его прибытия в Архангельск основные силы экспедиции уже находились там. Для плавания предназначалось гидрографическое судно «Вайгач». Среди задач экспедиции был вывоз хлебных запасов с Севера в советский центр. На Леонида Васильевича возлагалось ведение военно-статистической работы. В антибольшевистском перевороте, как утверждал в своих показаниях Костанди, члены экспедиции не участвовали, поскольку Вилькицкий постарался сохранить экспедицию

¹⁶ Костанди О.Г. Автор и его время // Вышгород. 2006. № 4. С. 26.

¹⁷ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 64. Л. 322.

¹⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 3 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Костанди Л.В. От Ревеля до Збруча. Записки офицера / Публ. О.Г. Костанди // Вышгород. 2006. № 4. С. 7.

²¹ РГВА. Ф. 25906. Оп. 1. Д. 351. Л. 60–61. Подробнее об экспедиции см.: Б.А. Вилькицкий и Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана в 1914–1915 гг.: Сб. док. М., 2022.

²² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 577 об.; ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 2.

как научную структуру. Но по свидетельству самого Вилькицкого и по другим документам картина выглядит иначе — начальник экспедиции был связан с британской разведкой и заранее знал о планах союзников занять Архангельск, а эшелоны экспедиции имели британские пропуска на случай, если бы переворот застал их в пути²³. Вилькицкий контактировал и с сибирскими антибольшевистскими организациями. Кроме того, принадлежавший экспедиции транспорт «Таймыр» участвовал в обстреле эвакуировавшихся из Архангельска советских учреждений²⁴.

Что именно тянуло офицера на Север, сказать сложно. В деле имеется личное письмо к нему от некой Ольги из Мурманска, заведовавшей госпиталем в городском лазарете²⁵. Возможно, эта женщина и оказалась причиной того, что Костанди не стремился вернуться к семье в Ревель (или перевезти ее к себе), а остался служить на Севере. Либо же их знакомство состоялось уже после прибытия Леонида Васильевича в регион. Семья знала, где находился ее глава — в деле сохранилось письмо супруги Надежды Федоровны от 29 августа 1919 г. из Ревеля, в котором она сообщала мужу о своей жизни и жаловалась на большие расходы на дрова и иные трудности. «Жизнь моя проходит в житейских хлопотах и заботах о детях. Нигде буквально не бываю, здоровье не позволяет. Много потеряла сил, и организм очень ослаб. За день так утомляюсь, что к вечеру уже чувствую себя усталой, а потому рано ложусь спать»²⁶. Женщине приходилось заботиться о двух сыновьях, однако Костанди не забывал о родных и пересылал семье деньги.

22 августа 1918 г. морская часть экспедиции ушла в плавание, Костанди же остался в Архангельске. До 26 сентября он числился в составе экспедиции, а затем перешел на службу в антибольшевистские формирования Севера России. В своих показаниях в красном плену он старался подчеркнуть, что попал на военную службу к белым вынужденно, под угрозой со стороны белого командования расформировать экспедицию в случае задержки в ней военных специалистов. Сложно сказать, насколько это соответствует действительности.

²³ Вилькицкий Б.А. Когда, как и кому я служил под большевиками / Публ. Ю. Дойкова. Архангельск, 2001. С. 7–8; Кузнецов Н.А. «Вернул России право на почетное место в ряду стран — исследовательниц арктических морей». К биографии Б.А. Вилькицкого // Б.А. Вилькицкий и Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана в 1914–1915 гг.: Сб. док. М., 2022. С. 59–60.

²⁴ Б.А. Вилькицкий и Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана в 1914–1915 гг.: Сб. док. М., 2022. С. 393.

²⁵ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 93–94 об.

²⁶ Там же. Л. 90.

Генерал Е.К. Миллер

Ввиду дефицита кадров Генштаба на Белом Севере Костанди оказался востребован. Первоначально он состоял исполняющим должность начальника канцелярии управления командующего войсками Северной области²⁷, также исполнял обязанности военного цензора²⁸, участвовал в работе комиссии по пересмотру и выработке новых окладов²⁹, а с 23 января 1919 г. получил назначение начальником военного отдела при помощнике генерал-губернатора Северной области по управлению Мурманским краем³⁰. Если верить показаниям Костанди, назначение на Мурман произошло из-за его разногласий с командованием «на почве угождения англичанам». На новой должности он прослужил до 1 июня 1919 г. Свидетельств о его службе в тот период немного. Один из очевидцев отмечал: «В конце января 1919 года приехал из Архангельска подполковник Генерального штаба Костанди, которому было поручено [генералом Е.К.] Миллером провести мобилизацию. К. остановился в доме с английским влиянием, где в честь его устраивались вечера. Дамы приняли его под свое покровительство и помогали ему при составлении плана мобилизации»³¹.

²⁷ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. И-32. Оп. 5. Д. 1. Л. 72.

²⁸ Там же. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 34. Л. 13.

²⁹ Там же. Д. 40. Л. 4.

³⁰ Там же. Д. 37. Л. 8.

³¹ *Гейфтер А.А. Северные воспоминания // Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев. Мурманск, 2006. С. 197.*

Приказ генерала Е.К. Миллера о назначении А.В. Костанди. ГААО

Из документов дела можно сделать некоторые выводы о политических взглядах Костанди. В частности, в деле сохранились написанные им под арестом «Заметки по внутреннему управлению Финляндии со времени ее присоединения к России и до наших дней», которые позволяют реконструировать мировоззрение полковника. В этом документе автор стремился показать, что финляндский сейм не являлся самобытным учреждением, и, отказывая финнам в праве на свою государственность, писал: «Финляндия не только никогда не была самостоятельной, но и никогда не представляла из себя чего-либо оригинального по своему устройству, и это необходимо твердо помнить тем, кто старается доказать не только незыблемость прав Финляндии на независимость, но еще и права ее на сопредельные с ней русские области, которые ничего с ней общего по своему устройству не имели, жили и развивались в русских условиях и принадлежат России со времени ее существования как государства, т.е. более 1000 лет»³². Таким образом, офицера по взглядам можно отнести к русским националистам и шовинистам, приверженцам идеи единой и неделимой России в дореволюционных границах. С другой стороны, работая в выборных революционных органах в 1917 г., Костанди приобрел определенные симпатии к демократическим учреждениям. По сведениям, собиравшимся русским военно-морским агентом в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, Костанди «с начала

³² ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 299 об.

революции в Ревеле вел демагогическую политику. В Архангельске в политическом отношении ничем себя не выказал, с зимы 1918–19 г.г. был начальником военного отдела на Мурмане и под его руководством там была создана русская военная сила. Хороший работник»³³.

Костанди в строевом отношении подчинялись войска белых в Мурманском крае, также он ведал вопросами снабжения. На допросах он утверждал, что отношения ни с белым командованием, ни с британским у него якобы не сложились³⁴, но документы свидетельствуют об обратном — офицер пользовался авторитетом у руководства антибольшевистских сил, не раз сопровождал командующего союзными силами генерала Ч. Мейнарда на фронт³⁵ и даже был награжден британским орденом, с чем связан яркий эпизод биографии Леонида Васильевича, о котором будет сказано ниже.

1 июня 1919 г. в связи с упразднением занимаемой Костанди должности последовало назначение офицера в распоряжение командующего русскими войсками Мурманского района³⁶. Он значился офицером для поручений при командующем войсками, причем 4 июня был произведен в полковники, а 5 августа назначен в распоряжение командующего войсками Северной области с переводом в Архангельск³⁷. После этого 9 августа последовало повышение до поста начальника оперативного отделения штаба главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте³⁸. На этой должности Костанди оставался до конца эпопеи белых на Севере. Кроме того, он состоял в Георгиевской Думе по рассмотрению представлений о награждении Георгиевским оружием³⁹.

Свое новое назначение Костанди впоследствии связывал с тем, что еще 4 июля подал главнокомандующему войсками Северной области генералу Е.К. Миллеру рапорт и доклад по вопросу о переходе к активным операциям на Севере⁴⁰, дабы каждый из белых фронтов не был разгромлен по отдельности. Кроме того, в своем докладе он раскритиковал оперативную безграмотность британского командования, предложив

³³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.

³⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 5 об.

³⁵ Мурманский вестник. 1919. № 15. 15.02. С. 3; № 30. 22.03. С. 3.

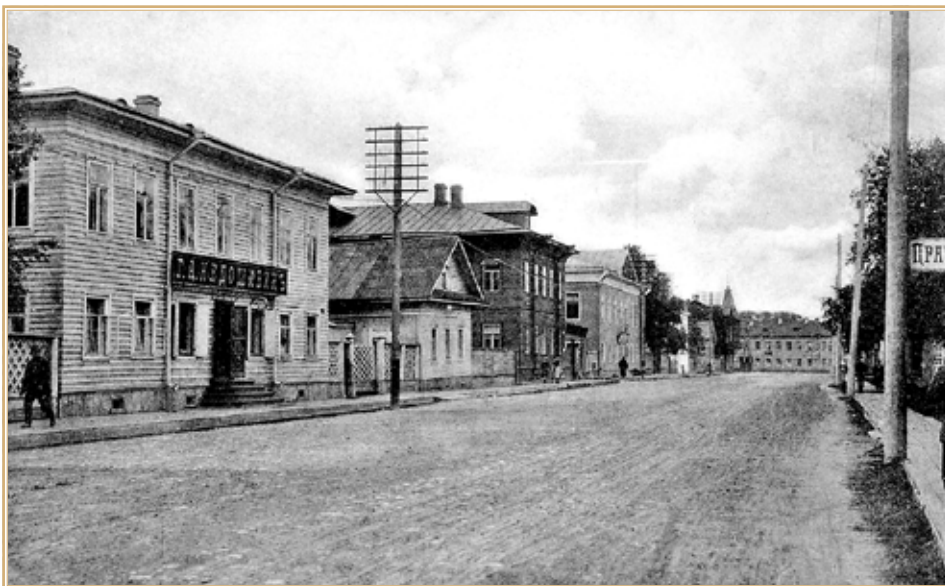
³⁶ ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 40. Л. 251.

³⁷ Там же. Л. 407.

³⁸ Там же. Д. 49. Л. 3; Д. 50. Л. 2.

³⁹ Там же. Д. 54. Л. 31 об.

⁴⁰ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 6; Т. 2. Л. 206–208 об.

Архангельск. Псковский проспект, где проживал Л.В. Костанди

перейти в наступление без участия союзников (последние должны были обеспечивать действия белых и охранять тыл)⁴¹. Видимо, Костанди был сочтен деятельным генштабистом, заслуживающим дальнейшего продвижения, а в августе ему объявили благодарность⁴².

Летом — осенью 1919 г. британцы покидали север России, уничтожая военное имущество, которое не могли вывезти. Вызов Костанди в Архангельск совпал по времени с этими событиями. Леонид Васильевич считал продолжение борьбы бесперспективным, но генерал Е.К. Миллер решил сражаться до конца. Тогда-то и произошел инцидент, связанный с наградой Костанди.

Еще 26 апреля 1919 г. англичане наградили офицера орденом Выдающейся Службы (Distinguished Service Order) за выдающиеся заслуги в связи с успехами на Мурманском фронте. О награждении писали в белых газетах⁴³. Однако в дальнейшем Леонид Васильевич разочаровался в союзниках, что вылилось в демонстративный отказ от британского ордена. Возмущенный действиями англичан Костанди в конце их эвакуации лично явился к британскому генералу У.Э. Айронсайду, положил на стол награду, высказал все, что думает о происходящем, отдал честь и вышел из кабинета.

⁴¹ Там же. Т. 2. Л. 207–207 об.

⁴² Там же. Л. 213.

⁴³ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. П-102. Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

Генерал У. Айронсайд

В письменном отказе, датированном 26 сентября 1919 г., он указал: «В мае текущего года главнокомандующий союзными войсками на Мурмане генерал Мейнард вручил мне орден Выдающейся Службы Д.З.О.⁴⁴ при выписке, подробно указывающей на те отличия, которые были мной оказаны. Эта выписка оканчивалась такими лестными для меня словами: “Его обширные военные знания, его такт и лояльность были использованы и принесли значительную пользу делу союзников и России”».

Независимо [от] того, что я делал на Мурмане, во все время революции и войны стремился быть верным сотрудником союзников, уверенный, что союзные правительства — искренние друзья России, благополучие которой мне как офицеру русской армии, конечно, было дороже всего.

К сожалению, мне и моим единомышленникам пришлось разочароваться.

Генерал Айронсайд в ноябре минувшего года говорил собранию всех русских офицеров в Архангельске, что он и его войска останутся здесь до тех пор, пока русские войска будут способны удержать порядок в стране, хотя бы для этого понадобилось 10 лет.

Я верил и верю, что генерал говорил искренно, он, очевидно, не предполагал, что благодаря своему правительству ему придется отказаться от выполнения данного им обещания.

⁴⁴ Так в документе. Правильно: D.S.O.

Британский орден Выдающейся Службы

Я препровождаю вам знаки ордена Д.З.О. для возвращения их правительству Англии, так как считаю ниже достоинства русского гражданина и офицера носить орден страны, представители которой вынуждаются своим правительством изменять данному им слову и своим союзникам»⁴⁵.

Айронсайд вспоминал: «Долго я сидел в полном молчании, глядя на отвергнутый орден, которым в свое время была отмечена беспримерная доблесть»⁴⁶. Этот случай запомнился ему надолго (свои воспоминания Айронсайд написал спустя более тридцати лет после событий). При этом британский генерал охарактеризовал Костанди как выдающегося офицера и назвал этот эпизод неприятным.

1 октября 1919 г. начальник инспекторского отделения штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами на Северном фронте уведомил Костанди о реакции генерала Е.К. Миллера на случившийся демарш: «По приказанию дежурного генерала сообщаю резолюцию главнокомандующего на Вашем рапорте от 29 сентября за № 1/500. “Не могу одобрить такое демонстративное выступление, так как выражение таким способом своего недовольствия Английским правитель-

⁴⁵ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 246. Л. 8–8 об.; Ф. 33988. Оп. 1. Д. 109. Л. 54–54 об. Подробнее см.: Кручинин А.С. «Я препровождаю вам знаки ордена» // Военная быль (Москва). 1995. № 7 (136). С. 44–49.

⁴⁶ Айронсайд У.Э. Архангельск. 1918–1919 // Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 365.

ством не могу считать соответствующим интересам России вообще, ибо из всех союзников только англичане помогают материально и очень широко русским войскам в их борьбе с большевиками и генералу Юденичу, и генералу Деникину, да и нам оставили средства для борьбы англичане, а не кто другой. Из послужного списка исключить орден Д.О. Генерал-лейтенант Миллер”»⁴⁷. Об исключении из послужного списка Костанди награды, возвращенной им английскому правительству, 3 октября был издан специальный приказ⁴⁸. Этот поступок свидетельствует как о принципиальности Костанди и его нетерпимости к нарушениям обещаний, так и об определенном идеализме.

По характеристике командующего войсками Северной области генерала В.В. Марушевского, «несмотря на свою молодость, Костанди показал себя отличным и талантливым начальником, хотя и не мог поладить с англичанами, что, впрочем, было для меня уже явлением вполне нормальным»⁴⁹. Примечательна оценка противника. По мнению военного комиссара и члена РВС 6-й отдельной армии РККА Н.Н. Кузьмина, «особенно трудный момент был осенью 1919 г., когда противник, состоявший уже исключительно из русских белогвардейцев, под умелым руководством полковника Генерального штаба Костанди, нанес нам поражение в районе железной дороги и захватил станцию Плесецкую...»⁵⁰.

Когда исход Гражданской войны на Севере уже был predetermined, перед участниками Белого движения возник вопрос, как быть дальше — эвакуироваться ли за границу с туманными перспективами на будущее или остаться и сдаться на милость победителей, опять-таки с неясными перспективами (сам Костанди на допросе вскользь упомянул об отсутствии полной уверенности у большинства оставшихся, что будет гарантирована жизнь).

Белое командование, в основном, покинуло Северную область, но Костанди, наоборот, решил остаться. Более того, он попытался достичь мирного и спокойного транзита власти от белых к красным. Еще до ухода белых (по его свидетельству, 15–16 февраля 1920 г.) он вступил в переговоры с представителями профсоюзов с целью договориться об организации временной власти после того, как белые покинут область.

⁴⁷ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 246. Л. 7; Ф. 33988. Оп. 1. Д. 109. Л. 55.

⁴⁸ ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 49. Л. 19.

⁴⁹ *Марушевский В.В.* Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы / Сост. В.И. Голдин. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 262.

⁵⁰ *Кузьмин Н.Н.* Борьба за Север // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 316.

Н.Н. Кузьмин

Зачем это было нужно Костанди, понять сложно. Высказанный им аргумент о том, что в противном случае власть могла бы оказаться в руках толпы, что вело бы к огромным потерям и разрушениям⁵¹, вряд ли выглядит убедительным мотивом в пользу столь необычной для офицера политической активности. По свидетельству генерала И.А. Данилова, Костанди остался «с ведома главнокомандующего и по просьбе профессиональных союзов»⁵² с целью спасти оставшихся в Архангельске белых офицеров⁵³. Генерал Н.И. Звегинцов вспоминал, что «Костанди... по просьбе Миллера остался, чтобы по возможности предотвратить резню и анархию»⁵⁴. Согласно еще одному свидетельству, Костанди остался по предложению правительства⁵⁵.

Быть может, на решение остаться и на поведение Костанди в те дни повлияли его политические взгляды, ведь, по оценке генерала В.В. Марушевского, он «был очень талантливый, способный, но уже, казалось мне, несколько тронутый тлетворным влиянием революции. Костанди уже тогда во всем искал новых путей, что выражалось в его докладных запис-

⁵¹ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 6.

⁵² Данилов И.А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 81.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 4 об.; Кручинин А.С. «Я препровождаю вам знаки ордена» // Военная быль (Москва). 1995. № 7 (136). С. 47–48.

⁵⁴ Архив Гугеровского института. N. Zvegintsov Collection. Box 1. Звегинцов Н.И. Дрейф ледокола «Соловей Будимирович» и мои записки с 22 января 1920 г. по 4 июля 1920 г. С. 121.

⁵⁵ Северный исход. 1917–1930 гг. Курск, 2020. С. 136.

ках по реорганизации армии»⁵⁶. С другой стороны, если для монархиста Марушевского Костанди казался левым, то, по оценке эсера и члена правительства Северной области Б.Ф. Соколова, наоборот, «отнюдь не был демократически настроенным офицером, но почему-то считался “красненьким”. Этого было достаточно, чтобы держать его в черном теле»⁵⁷.

Возможно, Костанди хотел зарекомендовать себя перед новой властью, а решение остаться обуславливалось какими-то личными мотивами. Он сам говорил, что за границей ему не место⁵⁸. По свидетельству современника, «мнения о Костанди вообще были различны. Одни его считали большевистствующим, другие — самолюбивым честолюбцем. К демократии он относился довольно холодно и особенных сношений с ней не имел. Несомненно, он был большим националистом и начинал впадать в ту ошибку, в которую впали многие другие, олицетворяя в одном лице большевизм и национализм. Во всяком случае, он был способным и талантливым военачальником⁵⁹, чего от него не могли отнять и его враги»⁶⁰.

Якобы перед генералом Миллером Костанди 18 февраля поднял вопрос освобождения всех заключенных и недопустимости репрессий и разрушений, а также предложил передать власть рабочим. На заседание правительства Миллера при посредничестве Костанди были приглашены представители профсоюзов, причем удалось достичь договоренности о временном переходе власти к ним после ухода белых путем создания временного исполкома.

Незадолго до эвакуации генерал Миллер вел переговоры по радио с комиссаром Н.Н. Кузьминым⁶¹, содержание которых неизвестно. После эвакуации белых с Кузьминым взаимодействовал уже сам Костанди.

19 февраля, после ухода белых, Костанди по решению Архангельского губернского профсоюзного совета⁶² занял пост командующего Архангельским округом и коменданта города. Он снял погоны и до вступления в город красных пытался бороться с анархией. Такой пе-

⁵⁶ Марушевский В.В. Год на Севере. С. 201.

⁵⁷ Соколов Б.Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 45.

⁵⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 4а; Бессонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928. С. 66.

⁵⁹ Так в документе.

⁶⁰ Соколов Б.Ф. Падение Северной области. С. 65.

⁶¹ Там же. С. 63, 77.

⁶² Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (ОДСПИ ГААО). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 720. Л. 10.

Генерал И.А. Данилов

реход офицера «умелым вольтом»⁶³ на сторону противника многим из его прежних сослуживцев не понравился, тем более что его подоплека широко известна не была. Неудивительно, что в эмиграции Костанди характеризовали противоречиво: «Офицер и деятель редких, почти исключительных дарований. Но у него тоже был несомненный и своеобразный демагогический уклон, которым грешили в то время многие представители командования русской армии. А эти его черты, очевидно, и привели его к общению с профессиональными союзами — сообществом, по меньшей мере, социалистического типа»⁶⁴.

Полковник Костанди оказался практически единственным высокопоставленным белым офицером, добровольно оставшимся в Архангельске, что в глазах победителей выглядело подозрительно. Арестовавшие Костанди в марте 1920 г. чекисты интересовались тем, как офицер повел себя после ухода белых. С этой целью собирались всевозможные свидетельские показания, подчас совершенно несуразные. В деле имеются полуграмотные показания помощника кладовщика речного транспорта матроса А. Степанова от 14 марта 1920 г., согласно которым 19 февраля при смене власти он обратился в профсоюз, где служил Костанди, чтобы для сохранения склада с бензином была предоставлена охрана. Однако Костанди отказал, послав Кузнецова в автодивизион и дав наряд на семь

⁶³ Гефтер А.А. Северные воспоминания // Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев. Мурманск, 2006. С. 197.

⁶⁴ Черниговский А. Поднятая завеса. Как погиб Л.В. Костанди // Последние известия (Ревель). 1923. № 164 (930). 11.07. С. 2; ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 112. Л. 2.

человек. В автодивизионе заявителю тоже отказали, поскольку в таком случае простаивали бы семь машин. В то же время имевшиеся в распоряжении Костанди солдаты бездействовали, и якобы офицер своим отказом тормозил работу⁶⁵.

В деле Костанди сохранились показания помощника начальника охраны Архангельска И. Козлова, который при белых как коммунист находился под арестом. По свидетельству Козлова, Костанди в частной беседе сообщил, что 19–22 февраля 1920 г. в Архангельске оставался начальник разведки штаба генерала Е.К. Миллера⁶⁶. При этом никаких мер к его задержанию Костанди не предпринимал.

Одни из самых подробных показаний дал 13 марта 1920 г. 29-летний бывший подполковник М.И. Верцинский, который при белых командовал запасной батареей. 18 февраля 1920 г. Костанди приказал Верцинскому распустить солдат и ждать дальнейших указаний. По свидетельству Верцинского, Костанди имел отношение к какой-то организации, проявившейся при уходе белых. На следующий день Костанди после отплытия белых не сделал никаких распоряжений для того, чтобы перехватить ледокольный пароход «Козьма Минин» и посыльное судно (яхту) «Ярославна», на которых те эвакуировались из Архангельска⁶⁷. Лишь позднее, когда время было упущено, было приказано вооружить ледокол «Канада» для преследования, но в итоге произошла поломка и ледоколу пришлось вернуться (о попытке вооружить ледокол, приведшей к поломке и ремонту, упоминал и сам Костанди⁶⁸). Согласно показаниям некоего Голенищева, Костанди сделал выговор какому-то артиллерийскому офицеру, ездившему с орудием по городу и пытавшемуся в районе Экономии задержать яхту «Ярославна» с эвакуировавшимися белыми⁶⁹.

Думается, наиболее достоверные данные об отношении Костанди к погоне за эвакуировавшимися белыми содержит письмо генерала И.А. Данилова генералу Е.К. Миллеру от 12 июля 1922 г. В нем Данилов, бежавший из Советской России, поделился воспоминаниями об общении с Костанди сразу после отплытия белых. Когда выяснилось, что в погоню направлен ледокол «Канада», Данилов встревожился, но Костанди «на мою тревогу о том, что она может Вас захватить, ответил, что ничего

⁶⁵ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 12; Т. 2. Л. 205.

⁶⁶ Там же. Т. 1. Л. 13.

⁶⁷ Там же. Л. 8 об.

⁶⁸ Там же. Т. 2. Л. 303.

⁶⁹ Там же. Т. 1. Л. 12 об.; Т. 2. Л. 209.

Ледокол «Козьма Минин» в Норвегии

из этого не выйдет»⁷⁰. Один из участников событий отметил, что в Комитете обороны и временном исполкоме профсоюзов все дали согласие на вооружение ледокола «Канада» для преследования белых. Исключение составил лишь Костанди, который отметил, что «Канада» не выдержит вооружения⁷¹. Позднее Костанди с Даниловым даже жалели, что генерал Миллер не знал о настроениях капитана «Канады» и команды, которые на самом деле стремились эвакуироваться из России. Усмотрев в действиях «Канады», пытавшейся обогнать «Минина» возле Экономии, враждебный маневр, с последнего открыли пулеметный огонь. Присоединиться к белым у «Канады» после этого уже не получилось. Более того, местные большевики приставили к капитану «Канады» часовых и потребовали продолжить преследование, которое, ожидаемо, не увенчалось успехом.

Таким образом, Костанди не проявил никакого рвения в организации преследования эвакуировавшихся из Архангельска белых, пытаясь помочь своим прежним товарищам покинуть Север. На допросах он отмечал, что считал погоню нецелесообразной, так как она могла привести к потере единственного оставшегося на Северной Двине ледокола⁷².

Не препятствовал Костанди и тем белым, которые оставались в Архангельске⁷³, и старался помочь тем, кто оказался арестован. Все это по-

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 4 об.

⁷¹ ОДСПИ ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 53. Л. 4.

⁷² ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 7.

⁷³ Там же. Л. 6 об., 7, 8 об., 13.

ложительно характеризует его человеческие, товарищеские качества. Сохранилось несколько свидетельств того, что Костанди пытался спасти оставшихся офицеров. Так, он направил своего друга, гвардейского офицера Ю.Д. Бессонова на Онегу со словами: «Тебе, как перебезчику⁷⁴, нужно уходить в первую голову. Есть два пути. Один — неверный, но более легкий, на ледоколе. Возможно, что они не смогут уйти. Другой — более верный, но и более трудный — 500 верст пешком или, если будет возможно, то на подводах, по берегу Белого моря на Мурманск. Там фронт ген. [В.С.] Скобельцына, и он будет держать его до прихода наших. Сегодня, в 12 часов ночи, этим путем выходит разведка и контрразведка. Присоединяйся к ним. У меня есть в Архангельске связи с рабочими. Я знаю, что здесь будет резня офицеров. Все уходят, и я остаюсь за н[ачальни]ка гарнизона, чтобы сдать Архангельск большевикам. Мне за границей не место»⁷⁵. С аналогичными сообщениями Костанди обращался и к другим офицерам⁷⁶.

Костанди позволил освободиться из-под ареста генерал-майору И.А. Данилову и его брату полковнику Данилову. Генерал Данилов впоследствии писал генералу Миллеру о том, как оказался в Архангельске после ухода белых: «Все мы, числом около полутораста человек, были окружены конвоем из матросов и нас повели через Двину и далее по Троицкому проспекту к помещению нашего штаба. Следуя по Троицкому проспекту, мы подвергались оскорблениям со стороны отдельных личностей, причем один из наиболее ретивых был даже арестован нашими конвойными и отправлен ими куда-то; большая же часть населения с глубокой печалью на лице сочувственно смотрела на нас, а встречающиеся женщины плакали навзрыд.

Таким образом, мы вступили на крестный путь, который для многих из нас окончился Голгофой с безвестными могилами в Советской России.

Подойдя к штабу, я увидел вышедшего к нам навстречу полковника Костанди, который был уже без погон, очень сумрачно настроенным и осунувшимся. Я был очень удивлен, видя его оставшимся в Архангельске, мне совершенно было это не понятно, так как он, по моему мнению, по своим убеждениям не мог перейти к большевикам. Пол-

⁷⁴ Сохранен стиль документа.

⁷⁵ Бессонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928. С. 66.

⁷⁶ Добровольский С.Ц. Борьба за возрождение России в Северной области // Белый Север. 1918–1920 гг. / Мемуары и документы. Сост. В.И. Голдин. Архангельск, 1993. Вып 2. С. 180.

ковник Костанди, обратившись к офицерам, сказал: “Ну что ж, надо Вам всем идти в тюрьму”. Увидя меня в числе прочих, он сказал мне: “Пойдем со мной в штаб”. На это я ему ответил, что здесь со мной мой брат. Он предложил и ему следовать за ним, а остальных офицеров повели в тюрьму. В штабе полковник Костанди разъяснил мне, что он остался в Архангельске по просьбе представителей профессиональных союзов и с согласия Вашего превосходительства для того, чтобы устранить те эксцессы, которые могут быть в переходное время до прибытия власти большевиков по отношению к офицерам и жителям, а также и явиться их защитником у этой власти. Сказал мне, что он занимает в настоящее время должность коменданта города, что в Архангельске организован Временный комитет из представителей профессиональных союзов, что ему приходится очень тяжело в должности коменданта, ибо, не имея реальной силы, нет возможности бороться с анархией, которая проявляется все более и более, так как темные элементы населения, особенно с момента выпуска заключенных из тюрьмы, подняли голову и, пользуясь созданным положением, грабят население, прикрываясь обысками, которые они производят самочинно, а местные большевики, бывшие до сих пор в подполье, сводят личные счеты с теми, кто им в свое время насолил. Уже есть случаи убийства и насилия, и он ждет с нетерпением прибытия в Архангельск регулярной большевистской части, а также и ее командования, чтобы передать им власть, иначе анархию не остановить. В силу всего этого Временный комитет решил для ограждения от этих элементов офицеров держать в тюрьме, где им будет, пожалуй, безопаснее, а мне предложил до выяснения обстановки посидеть в помещении бывшего нашего штаба, являющемся в настоящее время штабом комендатуры г. Архангельска»⁷⁷.

Подпоручик Г.С. Топорков вспоминал: «На другой день утром в тюрьму явился полковник Костанди со свитой каких-то темных личностей и стал успокаивать нас, говоря, что смертная казнь отменена и репрессии ограничатся только принудительными работами. Он занимал должность начальника охраны гор[ода] Архангельска и в выпускаемых официальных бюллетенях, о том, кто есть начальство в городе, — именовал себя полковником Костанди. Через несколько дней слово “полковник” было заменено “товарищем” Костанди, а еще через несколько дней ни полковника, ни товарища Костанди уже на этой должности не было. Власть в городе перешла в руки приехавших из Вологды коммунистов.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 4 об.

Гражданин Костанди мог именовать себя только лишь, как заключенный камеры такой-то...»⁷⁸

Однако Костанди не рассчитал свои силы — в тюрьме задержанных офицеров грабили, а вышедшие из подполья местные большевики начали мстить недавним обидчикам и устраивать расправы по городу, нарастала анархия. Генерал Данилов свидетельствовал: «На другой день, 20 февраля, пришел ко мне полковник Костанди и сказал, что анархия в городе все увеличивается и, желая пресечь ее, он вызвал к прямому проведению члена Революционного военного совета 6-й большевистской армии Кузьмина, находящегося в настоящее время на ст. Обозерской и просил его приехать в Архангельск и привезти с собой не менее двух батальонов для водворения порядка, на что Кузьмин ответил отказом, выразив опасение, что в Архангельске может быть ему расставлена ловушка, что, приехав туда, можно и не вернуться. Чтобы обезопасить себя в этом отношении, он предлагает полковнику Костанди приехать самому на ст. Обозерскую, где лично поговорить с ним по этому поводу, а также бы и полковник Костанди являлся как бы заложником. Полковник Костанди, переговорив с членами Временного комитета, решил ехать на ст. Обозерскую за Кузьминым, а мне сказал, чтобы я здесь в штабе посидел и подождал его возвращения»⁷⁹.

Комиссар и полковник были ровесниками и нашли общий язык. 21–22 февраля (по свидетельству Данилова — 22-го, тогда как по показаниям Костанди — в ночь на 21-е) они вместе приехали в Архангельск с передовыми частями РККА (21 февраля официально датируется вступление РККА в Архангельск). Через месяц Кузьмин высоко отозвался о Костанди на страницах газеты «Известия»: «Порядок в городе был образцовый, чему много способствовал бывший при белых генерал-квартирмейстером полковник Костанди, который остался в городе и, несмотря на приказ белых, не взорвал радиостанции. Тысяча пятьсот белых солдат во главе с офицерами охраняли склады, так что нам оставалось только приказывать и делать распоряжения. Все учреждения остались на своих местах и продолжают работу»⁸⁰. Белые якобы даже перехватили советскую радиogramму с объявлением Костанди благодарности за передачу имущества новой власти⁸¹.

⁷⁸ Там же. Д. 26. Л. 103–104.

⁷⁹ Там же. Д. 97. Л. 4 об.–5.

⁸⁰ Ликвидация северного фронта (беседа с тов. Н. Кузьминым) // Известия. 1920. № 64 (911). 24.03. С. 1.

⁸¹ Северный фронт (1918–1920). Документы. М., 1961. С. 262.

Позднее, по мнению генерала Данилова, Костанди в Кузьмине горько разочаровался, так как комиссар обещал обеспечить жизнь и свободу оставшимся офицерам и прочим чинам белых, но не смог выполнить обещание. Костанди предполагал, что с прибытием советских войск он комендантом не останется, и сказал, что «вообще ему эта должность претит и что, освободившись от нее, он будет иметь больше времени для защиты интересов бывших офицеров»⁸². Такие умозаключения свидетельствуют о поразительной наивности представлений офицера.

Комендантом Костанди, по его собственному свидетельству, оставался до 22 февраля, но затем продолжал работать в штабе. Он по-прежнему помогал прежним товарищам. В частности, выдал генералу Данилову и его брату охранные пропуска и отпустил, предупредив насчет документов, что «особенного значения они не имеют, но что впоследствии он постарается достать для нас уже от настоящей большевистской власти более верные»⁸³. Позднее большевики объявили регистрацию офицеров, угрожая за неявку расстрелом. Данилов ходил советоваться с Костанди, как быть. Примерно тогда же к Костанди приехал комиссар Кузьмин, выдавший Данилову записку к начальнику Особого отдела 6-й армии с просьбой не арестовывать предьявителя под поручительство самого комиссара. Кузьмин заявил офицерам, что никому ничего не грозит и что все будут использованы как военспецы⁸⁴. 25 февраля 1920 г. член РВС 6-й армии Н.Н. Кузьмин выдал Костанди удостоверение как лицу, состоящему для поручений при РВС армии⁸⁵. Таким образом, белый офицер поступил в РККА и консультировал Кузьмина, но продолжалась его новая служба совсем не долго.

Своей заслугой перед новой властью Костанди считал сохранение всех железнодорожных сооружений на линии Емца — Архангельск, всего подвижного состава, судов военного и торгового флота, портовых сооружений и заводов Архангельска, военного имущества и складов⁸⁶. Если в период междувластия Костанди играл видную роль, то с занятием Архангельска красными с ним перестали считаться. Не позднее 25 февраля 1920 г. член РВС 6-й армии Н.Н. Кузьмин телеграфировал в ПШ РВСР с копией В.И. Ленину: «Прошу разрешения выехать [в] Москву совместно [с] Генштаба Костанди для доклада положения дел [в] Северной об-

⁸² ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 5 об.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. Л. 6.

⁸⁵ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 65.

⁸⁶ Там же. Л. 211–211 об.

ласти и [о] наилучшем способе использования оставшихся после белой армии учреждений. До доклада прошу распоряжения не прекращения деятельности военных учреждений, так как иначе получатся миллионные убытки...»⁸⁷ Однако в Москву Костанди попал уже в качестве арестованного.

Генерал Данилов в письме генералу Миллеру отмечал, что ему хочется оградить светлую память о Костанди «от тех грязных наветов, которые позволяли себе делать люди, не знавшие его истинной цели и намерений, заставивших его, рискуя собственной жизнью, остаться в Северной области для спасения и облегчения участи брошенных на фронте. Особенно старался в этом отношении здесь генерал Ключев, который ничего кроме хорошего в Северной области от Костанди не видел. Полковник Костанди уже в тюрьме мне, а также полковнику Волкову по секрету рассказал, что он остался в Архангельске с Вашего ведома и по просьбе профессиональных союзов исключительно для того, чтобы сделать все возможное для офицеров, попавших в руки большевиков, и что это представлялось ему достижимым ввиду той поддержки, которую он рассчитывал встретить у профессиональных союзов, но он ошибся в своем расчете. Правда, как я уже писал выше, он очень много сделал в Архангельске во время безвластия, находясь в должности коменданта г. Архангельска, предотвратив эксцессы и начинающуюся анархию, но дальше он, приняв члена РВС 6-й армии Кузьмина за порядочного человека, думал, опираясь на него, освободить от тюрьмы и преследований всех офицеров, которые были в Северной области, говоря, что он ручается за них, и требовал их освобождения. Поддержки он в этом не встретил и когда, как бы в протест этому он заявил, что ввиду неисполнения его просьбы он желает разделить участь офицеров и сесть в тюрьму, Особый отдел 6-й армии, конечно, желание его сейчас же исполнил, и он был вместе с нами отправлен из Архангельска в Москву, а Кузьмин узнавши, по своем возвращении в Архангельск, что полковник Костанди сидит в тюрьме, не только не принял никаких мер к его освобождению, но и даже забрал себе все его вещи и одежду, которая находилась у артистки Светловой на квартире, себе»⁸⁸.

Данилов был несправедлив к комиссару Кузьмину, которому приходилось действовать в непростых условиях. Так, 5 марта 1920 г. ему

⁸⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 109. Д. 22. Л. 34.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 8 об.

была направлена телеграмма от председателя Совнаркома В.И. Ленина с прямым указанием проявлять «величайшую осторожность и недоверчивость». Ленин предостерегал комиссара: «Смотрите, чтобы Вас не надули офицеры, желающие проникнуть к нам с целью разложения армии... Арестованных офицеров используйте для труда. Остающихся на свободе — для той же цели»⁸⁹.

13 марта 1920 г. Кузьмин дал ручательство за Костанди и телеграфировал в ВЧК и РВСР: «Срочно. Секретно. Вне очереди по обоим адресам. Москва. ВЧК Менжинскому, копия Реввоенсовет Республики. Архангельск. 13 марта. Я просил [и] настаиваю выделить вопрос генштаба Костанди. Просил Реввоенсовет Республики, если он не желает его знания использовать широко, дать мне наштадивом⁹⁰. За верность его ручаюсь своей головой. Человеку, расстрелявшему более четыреста офицеров, можно поверить, когда он ручается за одного... Прошу, если Реввоенсовет Республики согласен, прошу Костанди не арестовывать и разрешить мне его доставить [в] Москву или отдать мне [в] мое распоряжение»⁹¹. 21 марта он подготовил доклад об этом. Однако ручательства не помогли. Против Кузьмина и его покровительства Костанди выступил видный большевик, бывший руководящий работник ВЧК А.В. Эйдук, обратившийся 23 апреля 1920 г. в этой связи в ЦК РКП(б)⁹². Впрочем, Эйдук допускал возможность использования Костанди в РККА, но не на Севере, где тот служил у белых.

Братья Даниловы, как и Костанди, были арестованы 15 марта 1920 г., после отъезда из Архангельска комиссара Кузьмина, который мог их защитить. В тот день Особым отделением Архангельского направления при Особом отделе 6-й армии был выдан ордер № 280 на обыск у Костанди, проживавшего на Псковском проспекте, 43, квартира 2 (ныне — это архангельский Арбат или пешеходный проспект Чумбарова-Лучинского)⁹³. Выемка корреспонденции и бумаг у офицера, возможно, произошла накануне, так как протокол обыска датирован еще 14 марта⁹⁴.

Первый допрос Костанди состоялся 20 марта 1920 г. Арестованный подробно изложил свою биографию, акцентировав внимание на февральских событиях 1920 г. В двадцатых числах марта в составе этапа из

⁸⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 51. С. 153.

⁹⁰ Начальником штаба дивизии.

⁹¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 223–223 об.

⁹² ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 14–14 об.

⁹³ Там же. Л. 1.

⁹⁴ Там же. Л. 11.

150 человек Костанди и Данилов были направлены в Москву (по данным Данилова, это произошло 24 марта, а в документах Костанди уже 25 марта датировано прибытие в Москву⁹⁵). Описание этапирования генерал Данилов привел в своем письме Миллеру (позднее он повторил его и в опубликованных воспоминаниях): «Когда в одиннадцать часов вечера мы, окруженные двумя ротами финнов и конными Хаджи-Мурата, вышли из ворот тюрьмы, то шли между шпалерами народа вплоть до Сурского подворья у Двины. Из толпы, несмотря на врезывание в нее конных, все время раздавались сочувственные возгласы, между которыми я особенно запомнил один, чей-то женский голос: “До свидания, господа!” На это один из конных с поднятой нагайкой бросился на кричавшую с криком: “Теперь нет господ, а есть только товарищи”, на что получил ответ, поддержанный толпой: “Это у вас товарищи, а для нас они всегда были и будут господами!”»

Перейдя Двину, на ст[анции] Архангельск нас встретил знаменитый по жестокости и расстрелам Эйдук, который, как оказалось, вез нас в Москву как трофей... Более десятка тысяч жизней числится за ним и не менее трех тысяч собственноручных расстрелов, что подтвердил сам он нам здесь в своей речи, предупредил, сказав, что имя его должно быть нам известно, так как он собственноручно уже расстрелял более тысячи подобных нам, и что он не поцеремонится сделать это и с нами в случае побега из поезда во время следования в Москву. Мы были погружены в два арестантских и два товарных вагона. Здесь с нами были посажены и члены Северного правительства»⁹⁶.

Пленные попали в 15-й коридор Бутырской тюрьмы, где размещались по 25 человек в камере. Питание было скудным: фунт хлеба в день, две суповые ложки чечевичной бурды, золотник растительного масла. Раз в две недели полагалась баня. Данилов сидел с Костанди в одной камере, но во второй половине апреля последнего перевели во внутреннюю тюрьму Особого отдела ВЧК на Лубянку, 2.

Под арестом Костанди содержался в Бутырской тюрьме, внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК, Ивановском и Кожуховском лагерях. Как было распространено в то время, следователи арестованными интересовались редко. Вынужденное безделье и отсутствие следственных действий тяготили Костанди. Так, после перевода во внутреннюю тюрьму Костанди не был допрошен в течение десяти дней, что вызвало его

⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 314. Л. 79.

⁹⁶ Там же. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 7 об.-8.

заявление от 28 апреля 1920 г. на имя следователя об ускорении следствия⁹⁷. Следующее заявление было датировано 12 июня 1920 г. и содержало просьбу о помиловании с возможностью участвовать в борьбе с Польшей⁹⁸. Еще одно заявление по тому же вопросу Костанди написал 20 июня⁹⁹.

Генерал Данилов отмечал, что о дальнейшей судьбе Костанди позднее через знакомых узнал от артистки Светловой (в почти идентичном тексте воспоминаний, опубликованных Даниловым в «Архиве русской революции», эта женщина не упоминалась, очевидно, из соображений безопасности), которая хлопотала об арестованном и ездила для этого в Москву. У Светловой Костанди жил в Архангельске и оставил свои вещи¹⁰⁰. Возможно, эта женщина являлась гражданской супругой офицера.

Следствие интересовала причастность Костанди к репрессиям при белых. По документам белых, Костанди давал указания подчиненным оказать содействие милиции в аресте тех или иных лиц¹⁰¹. Впрочем, в деле об этом эпизоде не упоминалось. Но перечислялись другие. Так, в феврале 1919 г. в Мурманске была арестована группа рабочих по выгрузке судов, которые скупали у английских солдат краденные из английского интендантства продукты и товары. Позднее арестованные были расстреляны. Согласно показаниям 34-летнего капитана Т.Т. Григора, к этому также имел отношение Костанди¹⁰². Был и еще один эпизод. В марте 1919 г. Костанди приказал предать военно-полевому суду 14 арестованных восставших из 2-го Мурманского пехотного полка. Они были расстреляны, что впоследствии инкриминировали офицеру красные¹⁰³. Правда, в организации состоял и Григор, который отделался полуторамесячным арестом, после чего продолжил службу. Таким образом, Григор имел личную неприязнь к Костанди, из-за которого попал под арест, а ранее находился под негласным надзором¹⁰⁴.

По свидетельству генерала И.А. Данилова, «сидя в тюрьме, полковник Костанди получил обвинение в предании суду и утверждении

⁹⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 210.

⁹⁸ Там же. Л. 211.

⁹⁹ Там же. Л. 212.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 8 об.

¹⁰¹ ГАМО. Ф. Р-920. Оп. 1. Д. 1. Л. 207.

¹⁰² ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 203.

¹⁰³ Там же. Л. 203 об.

¹⁰⁴ Там же. Т. 1. Л. 9 об.

смертного приговора четырнадцати человекам в то время, когда он был на Мурмане. Обвинение это было предъявлено по доносу капитана Григор, которого в свое время полковник Костанди удалил с Мурмана как человека неблагонадежного, ибо прибыв туда из Франции уже с темным прошлым, по разложении русских частей, действовавших в Салониках, он и здесь на Мурмане начал ту же деятельность. Лично я помню эту историю и знаю, что он числился у нашей контрразведки в подозрении, но как-то сумел выкрутиться. Теперь-то он и пожелал свести счеты с полковником Костанди. Полковник Костанди говорил мне, что этот донос его особенно не беспокоит, так как, хотя действительно такой случай и был, но эти четырнадцать человек были не большевики, а просто грабители и разбойники, и что они были преданы суду за убийство и грабеж на Мурманской ж[елезной] д[ороге], что известно и большевикам, и, следовательно, состава политического преступления против советской власти у него нет, ибо советская власть пресекает таким же образом разбой и грабеж»¹⁰⁵.

Костанди показал на допросе, что смертные приговоры выносил военный суд. «В отношении того, подписывал ли я смертные приговоры. Да, подписывал 2 приговора, один по чисто уголовному делу 2-х Цветкова и Талалаева гр[ажд]анских лиц, обвиняемых в грабежах, и 5 человек солдат во главе с подпрапорщиком Новиковым за пьянства и неисполнения в нетрезвом виде приказа командира полка, который вслед за этим был мной также отрешен от должности»¹⁰⁶. Первое дело носило исключительно уголовный характер, хотя Костанди признавал, что имел место оговор казненных как соучастников убийства английского офицера¹⁰⁷. Второй эпизод был связан с пьяным бунтом в войсках¹⁰⁸. Таким образом, речь не шла об актах политического террора. Однако для следствия, носившего обвинительный характер, это было неважно. Обвинение в организации расстрела 14 участников антибольшевистского восстания¹⁰⁹ Костанди не признал¹¹⁰.

На допросе 24 августа 1920 г. Костанди рассказал об эволюции своих взглядов и объяснил причины того, что решил остаться в России в начале года: «Я долгое время был сознательным врагом советской

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 8 об.

¹⁰⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 3 об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 5 об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 6.

¹⁰⁹ Там же. Т. 2. Л. 203.

¹¹⁰ Там же. Т. 1. Л. 7.

власти, основы[ва]я свои убеждения, главным образом, на том, что эта власть не встречает сочувствия в среде рабочих и крестьян... с конца [19]19 года я пришел к убеждению, что советская власть поддерживается народом и всем российским гражданам надлежит работать в Советской России, а не бежать за границу. Согласно с этим моим убеждением я и остался в России при эвакуации»¹¹¹. В протоколе того же допроса в графе об убеждениях он указал: «Сторонник народоправства»¹¹².

3 июня 1920 г. Костанди просил у особоуполномоченного Иванова о вызове на допрос, так как по состоянию здоровья должен был ложиться в больницу¹¹³. 22 августа Костанди допросил в Ивановском лагере следователь Юрасов, а 25 августа Особым отделом ВЧК было составлено заключение по делу, в котором отмечалось: «Не отрицает, что был долгое время сознательным врагом советской власти и вел активную и упорную борьбу с красными войсками»¹¹⁴. Арестованный обвинялся в контрреволюционной деятельности. Были учтены признания Костанди. Отмечалось, что в деле есть воззвание Костанди с призывом напрячь все силы для борьбы с «мраком большевизма». И хотя этот документ в деле обнаружить не удалось, Костанди признавал факт подписания подобного воззвания в начале мая 1919 г.¹¹⁵ Учитывались и свидетельские показания капитана Т.Т. Григора о причастности Костанди к расстрелу 14 восставших. В постановлении Особого отдела ВЧК от 27 августа предлагалось применить к офицеру высшую меру наказания, а его супругу «как лицо, возвращающее в политических и др[угих] кругах» заключить в концлагерь до конца Гражданской войны, поскольку она могла будировать в пользу мужа¹¹⁶. Так как официальная супруга Костанди жила в Ревеле на неподконтрольной большевикам территории, речь шла, очевидно, о другой женщине, гражданской жене (по-видимому, хлопотавшей за арестованного артистке Светловой).

Тем не менее тогда Костанди по каким-то причинам не расстреляли. 10 декабря 1920 г. его перевели в Кожуховский лагерь, а 13 декабря в заявлении на имя следователя Юрасова арестованный отметил, что,

¹¹¹ Там же. Л. 4–4а.

¹¹² Там же. Л. 2.

¹¹³ Там же. Т. 2. Л. 214.

¹¹⁴ Там же. Т. 1. Л. 17.

¹¹⁵ Там же. Л. 3 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 17 об.

Убийство полковника Костанди.

„W. Маа“ сообщает, что послѣ продолжительнаго пребыванія въ концентраціонномъ лагерѣ въ Москвѣ вмѣстѣ съ другими 45 офицерами убитъ бывш. начальникъ штаба Мор. Кр. им. Петра Великаго полковникъ Костанди. Послѣ 1917 года полк. Костанди служилъ въ бѣлой арміи Архангельска и при занятіи города красными войсками былъ захваченъ въ плѣнъ.

Заметка в ревельской газете «Последние известия» о расстреле Костанди. 1921 г.

будучи в Ивановском лагере, считал, что следствие завершено и он далее будет содержаться в лагере, однако в Кожуховский лагерь был переведен вновь как подследственный¹¹⁷. Костанди пытался узнать, не было ли это ошибкой. Насколько можно судить, это наиболее поздний документ дела за подписью Леонида Васильевича.

Финал приближался неуклонно. Пробыв около года в заключении, в апреле 1921 г. 37-летний полковник был казнен за причастность к расстрелу 14 участников антибольшевистского восстания на Мурмане в 1919 г.¹¹⁸ В некоторых публикациях вслед за свидетельствами генерала И.А. Данилова утверждается, что офицера расстреляли как заложника в числе 47 человек после Кронштадтского восстания¹¹⁹. Однако эти данные неверны. Прежде всего, расстрелянных по делу «Белые офицеры» было не 47, а 50 (фактически никакого единого дела не было, а просто группу бывших белых расстреляли на основании нескольких постановлений Президиума ВЧК). Кроме того, в деле нет указаний на их статус как заложников.

¹¹⁷ Там же. Т. 2. Л. 217.

¹¹⁸ Там же. Т. 1. Л. 7, 10; Данилов И.А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 82.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 8 об.; Данилов И.А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 82; Тучков А.И. «Один за всех...» Жизненный путь полковника Костанди // Площадь первоучителей (Мурманск). 2005. № 5. С. 191.

А.В. Чернявский — автор статьи о гибели А.В. Костанди

1 апреля 1921 г. датировано постановление Президиума ВЧК о расстреле Костанди. В тот же день приговор был приведен в исполнение¹²⁰. Полковник А.В. Костанди наряду с другими фигурантами дела (кроме одного) был реабилитирован Генеральной прокуратурой 14 февраля 2001 г.¹²¹ Та же расстрельная участь ждала и защитника Костанди комиссара Кузьмина, и его оппонента чекиста Эйдука, но через 17 лет — в 1938 г., в период Большого террора.

Прежние соратники по белой борьбе на Севере рассчитывали через Костанди узнать о судьбе родных. В частности, генерал Н.А. Клюев надеялся через нейтральные государства запросить Костанди о судьбе своей супруги, оставшейся в России¹²². Разумеется, арестованный помочь ему в этом не мог.

Сыновья Костанди жили во Франции и в Лисичанске. Внук офицера Олег Георгиевич на начало 2000-х гг. проживал в Таллине. Он же опубликовал дневник деда периода Первой мировой войны.

Пожалуй, одну из наиболее точных характеристик Костанди оставил его друг, гвардейский офицер Ю.Д. Бессонов, написавший в своих воспоминаниях: «Это был один из тех немногих офицеров Ген. штаба, которые, пройдя академию, не отошли от офицерской среды. Человек,

¹²⁰ Костанди О.Г. Автор и его время // Вышгород. 2006. № 4. С. 37.

¹²¹ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 322.

¹²² ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 81. Л. 4.

за которым можно было идти, человек принципа, воли, силы, разума, идущий во всяком вопросе решительно и без шор»¹²³. Если верить свидетельству Бессонова, Костанди остался в России и пожертвовал жизнью в надежде спасти от репрессий северное белое офицерство.

Можно лишь добавить, что этот принципиальный и темпераментный офицер-идеалист привлекал и привлекает к себе интерес. Так, образ Костанди под именем «полковника Констанди» был выведен знаменитым советским писателем В.С. Пикулем в историческом романе «Из тупика», посвященном борьбе с интервенцией на Севере России. За это произведение Пикуль удостоился литературной премии Министерства обороны СССР за 1987 г.

Возможно, дальнейшие исследования смогут дополнить биографию этой незаурядной исторической личности новыми фактами и обстоятельствами.

***

Впервые вводимые в научный оборот ниже документы содержат новые данные о Гражданской войне на Севере России, о процессе смены власти на Севере с уходом белых в феврале 1920 г., о репрессивных практиках сторон, о политике в отношении бывших белых офицеров в Советской России, а также о судьбе самого А.В. Костанди. В деле содержатся и публикуются подготовленные арестованным любопытные «Заметки по вопросу о настроениях офицеров со дня прихода союзников в Северную область и до февраля 1920 года». В них Костанди отметил, что старое офицерство вступило в борьбу с большевиками на Севере, прежде всего, ради восстановления антигерманского фронта. Далее он постарался проследить эволюцию настроений северного белого офицерства в 1918–1920 гг. в контексте взаимодействия с союзниками и других факторов. Помимо материалов дела публикуется эмигрантская газетная статья 1923 г. о гибели Костанди.

Документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Явные ошибки исправлены без оговорок. Все даты российской истории до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

---

¹²³ Бессонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928. С. 66.

№ 1

**Рапорт Л.В. Костанди главнокомандующему Северным фронтом
генералу Е.К. Миллеру от 4 июля 1919 г.**Отпуск. Секретно

Генерального штаба
полковник Костанди
4 июля 1919 г.
№ 720

г. Архангельск

Главнокомандующему Северным фронтом

[Надпись другими чернилами:] Подлинный вручен лично ген[ерал]-лейт[енанту] Миллеру¹²⁴ в присутствии вр[еменно] ком[андующего] войсками полк[овника] Данилова¹²⁵ 5/VII [19]19 г. в 12 ч. 30 м. Копия передана офицеру для связи от Ставки Верх[овного] гл[авнокомандующего] Мих[аилу] Кал[истратовичу] Бекиш

Рапорт

Представляя на Ваше усмотрение доклад по вопросу о переходе к активным действиям, доношу, что считаю такой переход неизбежно необходимым ввиду того, что бездеятельность Северного фронта грозит принести России непоправимый ущерб, т.к. дает большевикам возможность сосредотачивать все силы постепенно против каждого из угрожающих им фронтов.

Достигнув значительных успехов на Восточном фронте, большевики по-видимому смогут перебросить большие силы на юг, а может быть, и на север.

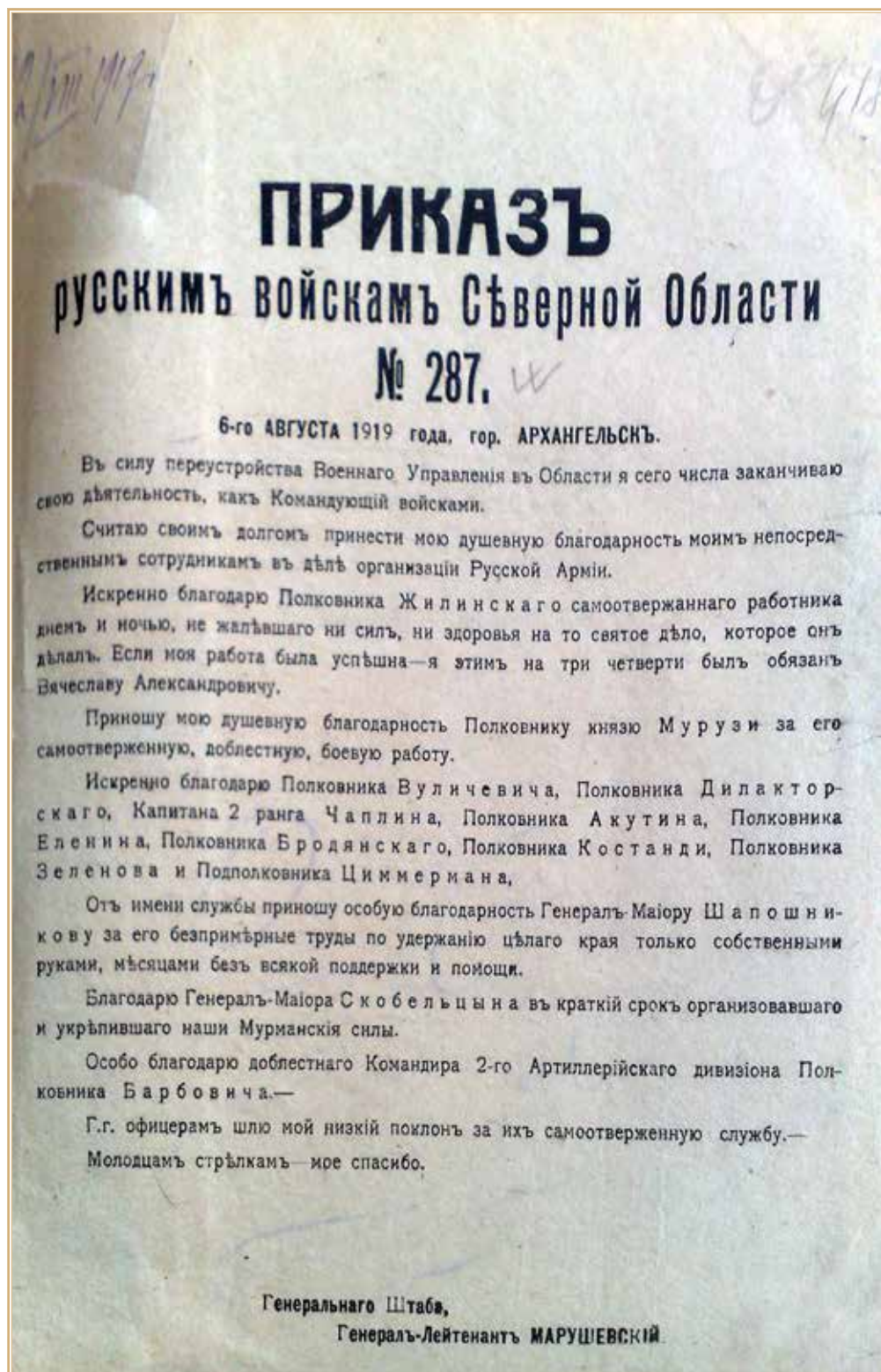
Наша пассивность позволяет отдельным шайкам тревожить наш фронт безнаказанно, подрывая настроение на фронте и вызывая панику в тылу.

Безграмотность союзного командования настолько очевидная, что доказывать ее нет никакой надобности, приведет нас к неизбежному поражению, лишь только противник начнет действовать активно.

¹²⁴ Евгений-Людвиг Карлович Миллер (25.09.1867–11.05.1939) — генерал от кавалерии. Главнокомандующий Северным антибольшевистским фронтом (1919–1920).

¹²⁵ Иродион Алексеевич Данилов (26.03.1871–26.05.1954) — полковник (позднее — генерал-майор). Генерал для поручений при командующем войсками Северной области. Временно командующий войсками Северной области на время служебной командировки командующего.

Приказ генерала В.В. Марушевского с благодарностью А.В. Костанди.

Назначение Вас главнокомандующим фронтом дает Вам право и повод теперь же вмешаться в оперативную работу союзников, чего с нетерпением ждут все мало-мальски сведущие в военном деле люди.

Мы должны немедленно стать активными на всех фронтах, иначе мы не вносим своей части во всероссийскую боевую работу, что неминуемо будет поставлено нам в вину.

Приложение. Доклад № 721.

Генерального штаба полковник Костанди

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 206–206 об. Подлинник. Чернила.

№ 2

Доклад Л.В. Костанди главнокомандующему Северным фронтом генералу Е.К. Миллеру от 4 июля 1919 г.

Отпуск. Секретно

Доклад

Генерального штаба
полковник Костанди

Главнокомандующему
Северным фронтом
4 июля 1919 г.
№ 721
г. Архангельск

Совершенная безнадежность наступления вверх по Двине, невыгодного во всех отношениях: 1) По расстоянию до цели действий; 2) По условиям подвоза и содействия флотилии — вверх по мелеющей реке; 3) По необеспеченности обоих флангов, а именно под угрозой наступления противника со стороны: а) Средемехреньги на Емецкое, б) Шенкурска на Березники и в) Пинеги на Холмогоры, полагаю вынуждает русское командование изыскивать способ более целесообразного использования времени и сил, нежели опубликованный во всеобщее сведение план действий генерала Айронсайда¹²⁶. План этот при английском способе действий потребует для своего выполнения нескольких лет.

¹²⁶ Уильям Эдмунд Айронсайд (06.05.1880–22.09.1959) — британский военный деятель, генерал. Главнокомандующий войсками Антанты в Архангельске (1919).

Оперативная безграмотность английского командования особенно обязывает русское командование озаботиться подысканием выхода из создавшегося положения.

Я полагаю, что русские войска Северного фронта могут немедленно перейти к активным действиям без участия в наступлении союзников, наметив для этого следующие очередные задачи: I Занятия ст. Плесецкой и II Овладения Онежским озером и районом Пудож — Вытегра.

Выполнение первой задачи обеспечивает г. Архангельск от постоянной угрозы с Железнодорожного направления и сводит три наших участка Онежский, Железнодорожный и Селецкий в один.

Выполнение второй задачи дает нам владение Мариинской водной системой¹²⁷ и системой герцога Вюртембергского¹²⁸.

Общее создающееся после этого положение угрожает большевикам возможностью движения нашего на Череповец для овладения железной дорогой и дальше в тыл Вологды.

Я утверждаю, что план этот выполним при условии немедленного и быстрого его осуществления, для чего необходимо: 1) Снять с Двинского фронта 3-й и 4-й Северные стрелковые полки и все другие русские части, а также все мелкие суда. 2) Перевезти сухопутные части на Онежский участок, а суда — в г. Кемь.

3) Пятью полками 3, 4, 5, 6[-м] и 7-м наступать на ст. Плесецкую.

4) Погрузить все мелкие суда на платформы и спустить в Онежское озеро.

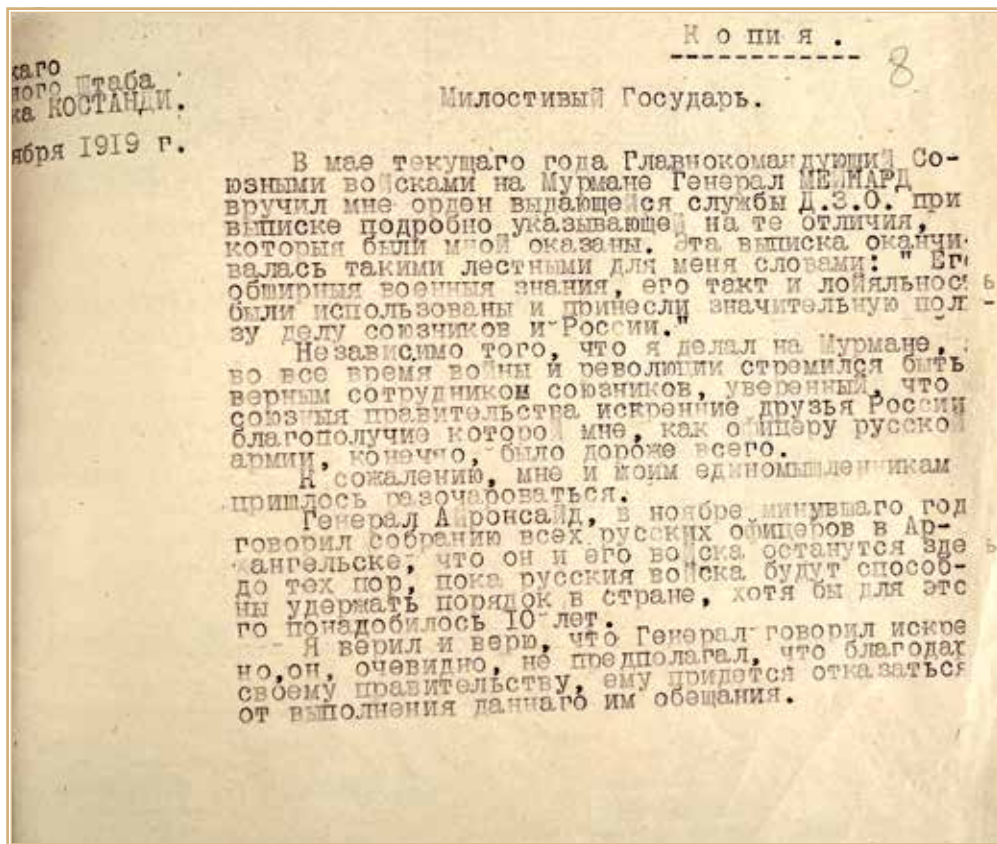
5) Отправить на Мурманский фронт штаб и имущество 1-го Северного стрелкового полка.

6) Распределить роты и команды 2-го Северного полка между 1-м и 2-м полками.

7) Одновременно с наступлением на Плесецкую вести операции по уничтожению большевистских пароходов на Онежском озере и по овладению выходами из Вытегры и Свири, подготавливая в то же время 1-й и 2-й полки к переброске.

¹²⁷ Мариинская водная система — водный путь, соединяющий бассейн Волги с Балтийским морем.

¹²⁸ Речь идет о Северо-Двинской водной системе, соединяющей посредством Кирилловского канала (канала герцога А. Вюртембергского) между рекой Шексной и Кубенским озером бассейны Волги и Северной Двины. Канал был построен в 1820-е гг. под руководством главнокомандующего ведомством путей сообщения и публичных зданий герцога А. Вюртембергского.

Копия рапорта А.В. Костанди. РГВА

8) Оставить участок Медвежьей горы оборонять союзникам и наступать 1[-м] и 2[-м] полками и отдельным батальоном полковника Круглякова¹²⁹ на Пудож и Вытегру, частью сухим путем, а главным образом, переброской по озеру. Батальон полк[овника] Круглякова выдвинут для обеспечения каргопольского направления.

Для более успешного выполнения намеченных задач необходимо:

- 1) Прекратить формирование штабов бригад и использовать личный, особенно офицерский состав на укомплектование полков.
- 2) Заменить стоящих во главе полков и батальонов крепостных артиллеристов, моряков и неопытных обер-офицеров пехотными штаб-офицерами и штаб-офицерами Генерального штаба, которых избыток и которые использованы нерационально, как, например, полковники: кн[язь] Мурузи¹³⁰,

¹²⁹ Владимир Андреевич Кругляков (09.04.1879–?) — полковник. Командир отдельного стрелкового батальона Мурманского района.

¹³⁰ Александр Александрович Мурузи (18.03.1872–02.07.1954) — князь, полковник (впоследствии — генерал-майор). Командующий русскими войсками Двинского района.

Данилов¹³¹, Борицкий¹³², Бродянский¹³³, бар[он] Таубе¹³⁴, Костанди, Кольчицкий¹³⁵, Ахаткин¹³⁶ и др. 3) Руководство операциями возложить на командующего войсками и его штаб, которому в Онежском районе будет помогать командующий и штаб Мурманского района.

Для того, чтобы союзное командование оказало необходимое содействие и не тормозило работы, просить Верховного главнокомандующего обратиться к союзникам с указанием, что русскому командованию должна быть предоставлена свобода действий, а на союзников ложится задача снабжения и обеспечения порядка в занятых областях, а также содействия нам в закреплении за собой занятых рубежей.

Без самых решительных шагов выхода из создавшегося тяжелого и безнадежно-пассивного положения Северного фронта нет, что ставит Восточный, Южный и Западный активные фронты в тяжелое положение и вызывает справедливые нарекания.

Генерального штаба полковник Костанди

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 207–208 об. Подлинник. Чернила.

№ 3

А.В. Костанди. Заметки по вопросу о настроениях офицеров со дня прихода союзников в Северную область и до февраля 1920 года

Офицерский состав бывшей армии к лету 1918 года был в большинстве своем враждебно настроен к советской власти по причинам всем по-

¹³¹ Полковник И.А. Данилов не являлся генштабистом.

¹³² *Николай Эдуардович Борицкий* (09.05.1876–?) — полковник. И.д. генерала для поручений при командующем русскими войсками Пинежского района.

¹³³ А.В. Костанди неточен, так как С.М. Бродянский не обучался в Военной академии и не имел отношения к генштабистам. *Сергей Михайлович Бродянский* (10.08.1885–1943) — полковник. Командир 8-го Северного стрелкового полка.

¹³⁴ *Борис Александрович фон Таубе*, барон (24.08.1865–22.01.1941) — полковник. Начальник военных сообщений Мурманского района.

¹³⁵ А.В. Костанди неточен, так как З.З. Кольчицкий не обучался в Военной академии и не имел отношения к генштабистам. *Захарий Захарьевич Кольчицкий* (06.02.1872–?) — полковник. Начальник интендантского отделения штаба командующего русскими войсками Северной области.

¹³⁶ А.В. Костанди неточен, так как В.З. Ахаткин не обучался в Военной академии и не имел отношения к генштабистам. *Виктор Зосимович Ахаткин* (12.11.1873–07.10.1920) — полковник. Начальник общего отделения штаба командующего русскими войсками Северной области.

нятым. Главнейшими же все-таки причинами был Брестский мир, развал фронта, выборное начало и все те унижения, которые в связи с этим пришлось вынести офицерству.

Однако наиболее разумное и спокойное офицерство считало возможным продолжать работу в России, главным образом в тех учреждениях, которые не имели ярко политического характера.

В Архангельске большинство офицеров считали открытую борьбу с советской властью безнадежной и нецелесообразной и стремились найти работу вне военной службы. Были случаи, что офицеры организовали небольшие предприятия или старались приобрести какое-либо судно для производства промысла.

Но все же мечта о восстановлении Восточного фронта против Германии при поддержке Антанты существовала и возможность такой поддержки казалась легко осуществимой. Думалось, что высадив значительные силы на Севере, союзники легко дойдут до центра России, что таким образом перестанет существовать власть советов и вновь замкнется кольцо против Германии.

Никаких партийных интересов офицерство не преследовало, особенной классовой ненависти ни к кому не питало¹³⁷ и было воодушевлено, главным образом, стремлением остаться верными союзному долгу.

Идея Учредительного собрания особой популярностью не пользовалась, однако государство мыслилось республиканским и демократическим.

В таком положении застал офицерский состав в Северной области приход союзников. Естественно, что приход этот приветствовался.

Почти немедленно после прихода союзников и создания верховного управления из членов Учредительного собрания почти исключительно эсеров, офицерство почувствовало, что ни с теми, ни с другими ему не по пути, что восстановление Восточного фронта, очевидно, не является основной задачей союзников, а жизнеспособность эсеровского правительства была офицерам хорошо известна по опыту Керенского¹³⁸. Этим обстоятельством объясняется то, что далеко не все офицерство пошло в ряды добровольческих отрядов и Славяно-британского легиона, формируемого англичанами, и осталась пассивной значительная¹³⁹ его часть.

¹³⁷ В документе ошибочно — не пытало.

¹³⁸ Александр Федорович Керенский (22.04.1881–11.06.1970) — военный и морской министр, министр-председатель Временного правительства.

¹³⁹ В документе несогласованно — значительного.

Дальнейшая политика английского командования, поощрявшего славяно-британское формирование и недружелюбно относившегося как к русскому командованию, так и к офицерам, оставшимся на русской службе, еще более расколола офицерский состав. Начала создаваться и крепнуть вражда к союзникам и особенно к англичанам, усугубленная, кроме того, обращением англичан с местным населением как с населением колонии.

Замена генерала Пуля¹⁴⁰ генералом Айронсайдом несколько улучшила положение, так как последний обратил большее внимание на благосостояние русских войск, а, кроме того, публично, в собрании всех офицеров заявил о том, что правительства союзников решили довести борьбу с большевизмом до полного его уничтожения и восстановить в стране порядок, хотя бы для этого понадобилось десять лет, и что до конца борьбы английские войска останутся в России, после чего будут немедленно выведены.

С этого момента работа по созданию армии на Северном фронте пошла значительно успешнее.

На более непримиримой советской власти позиции стояли местные рабочие, и это создало в офицерской среде представление о том, что действительно они являются защитниками интересов рабочих и крестьян против враждебной им советской власти.

Пассивный образ действий союзного командования на фронте, обнаруживший отсутствие действительного стремления серьезно бороться с советской властью, а мероприятия союзников и находящегося в их [текст на странице обрывается] союзников, так и от правительства, и уже в январе 1919 года даже такие ярые поклонники союзников и славяно-британских формирований, как полковники Мурузи, Вуличевич¹⁴¹, Барбович¹⁴² и др. перешли на службу в русские части.

Боевые успехи Колчака¹⁴³, создание Всероссийского правительства и полупризнание его Европой вновь укрепили в офицерском составе

¹⁴⁰ *Фредерик Катберт Пуль* (03.08.1869–20.12.1936) — британский генерал. Командующий британскими войсками на Севере России (1918).

¹⁴¹ *Борис Николаевич Вуличевич* (21.01.1884–02.1920) — полковник (позднее — генерал-майор). Помощник начальника военных школ.

¹⁴² *Николай Павлович Барбович* (01.04.1887–?) — подполковник. Командующий 2-м отдельным артиллерийским дивизионом.

¹⁴³ *Александр Васильевич Колчак* (04.11.1874–07.02.1920) — адмирал. Верховный правитель России (1918–1920).

уверенность в возможности продолжать борьбу и вновь подвинули его на более энергичную работу.

Такое состояние продолжалось до лета 1919 года, когда обнаружилась полная безграмотность английского командования на Севере, не сумевшего использовать ни один из благоприятных моментов для перехода к активным действиям.

Лето 1919 года необходимо, таким образом, рассматривать как период, в который окончательно укрепились недоверие к союзникам, окончательно было осознано то обстоятельство, что Антанта преследует исключительно свои цели и что все красивые слова о долге перед русскими, принесшими большие жертвы в войне с Германией, готовились лишь для наилучшего использования тех, кто этим словам поверил.

Уход союзников из Северной области большинством офицерского состава рассматривался как окончание войны на Северном фронте, однако воспитанные в строгом подчинении воле начальства, хотя и протестовавшие против продолжения борьбы офицеры эту борьбу продолжали, когда под давлением местного населения командование такое решение приняло.

Боевые успехи на Северном фронте после перехода командования в русские руки, когда в борьбе участвовали только русские силы, еще раз подчеркнули то обстоятельство, что при наличии желания и умения вести войну союзное командование имело возможность достигнуть значительных результатов, что еще более укрепило ненависть к Антанте. К моменту ухода союзников уже возникал вопрос о возможности вооруженного столкновения между уходящими и остающимися[ся].

Таким образом, осенью 1919 года и у красных, и у белых был уже один общий враг — Антанта. Наличие этого общего врага, естественно, родило сначала сомнение в целесообразности борьбы, а в дальнейшем и укрепило уверенность в ненужности ее.

В офицерской среде появились разговоры о необходимости воевать с англичанами. Однако наиболее сознательная часть офицерства не смотрела на эту борьбу как на способ отплатить англичанам за все пережитые¹⁴⁴ унижения, а видела необходимость создания таких условий в России, когда можно было бы восстановить разрушающее[ся] хозяйство русскими руками, и понимала, что при победе белых это хозяйство хотя и будет восстановлено, но что вся экономическая жизнь будет всецело

¹⁴⁴ В документе — пережития.

руководиться иностранцами и что Россия окажется полем для эксплуатации ее иностранным капиталом, отчего благосостояние народное ничуть не улучшится. Это обстоятельство создало атмосферу, в которой мир с Советской Россией был популярным лозунгом.

Немаловажную роль сыграло еще и то, что высшее командование было отчуждено от главной офицерской массы, что офицерский состав стал пополняться из солдатской среды, что вследствие тренировок, происходивших в командной среде, большое количество наиболее активных офицеров под теми или иными предложениями из Северной области выехало, что генерал Миллер и особенно его начальник штаба генерал Квецинский были абсолютно непопулярны в офицерской среде, тогда как советские руководители пользовались заслуженной популярностью.

Вот почему, когда возник вопрос об эвакуации области, когда предстояло офицерам выезжать за границу, во власть тех, избавление которых только что праздновалось, когда будущие задачи, которые могли бы быть даны офицерам иностранными правительствами, были ни для кого не понятны, когда предстояло, окончивши одну безнадежную войну, начать вторую, может быть еще более безнадежную, офицерский состав заколебался и большинство решило оставаться в Северной области.

Сведения о происходящем в Советской республике рисовали картину настолько безнадежную, что отважиться идти на холод, голод, унижение, а может быть и смерть было очень трудно. Никакой офицерской организации, которая могла бы руководить офицерским составом, не было и быть не могло. Вот почему офицерство в момент переворота оказалось разбросанным, не организованным, запуганным и лишь после того, как выяснилось, что осталось в Северной области не только рядовое офицерство, но и видные представители командного состава и что даже некоторые из них, еще до переворота, вошли в сношение с рабочими организациями, чтобы принять участие в переходе власти от бывшего правительства к советам, улеглась растерянность в офицерской среде и прошел кошмар ожидающих расстрелов.

Вот примерно состояние и настроение тех офицеров, которые в большинстве сознательно остались в Северной области. Даже те офицеры, которые остались невольно, теперь, когда они увидели, что все разговоры об ужасах жизни в Советской России были выдумкой, не являются сторонниками борьбы с советской властью.

Наиболее целесообразным использованием офицеров бывшей Северной армии было бы назначение на работу по их довоенной специальности.

Кадровых офицеров, не имеющих других профессий, кроме военной службы, в Северной России мало. Эти офицеры могли бы быть использованы на других фронтах, даже на командных должностях и особенно там, где могла бы быть речь о борьбе с Антантой или с кем бы то ни было Антантой поддерживаемым.

В настоящее время главнейшая задача советской власти и командования — наиболее гуманно отнестись к¹⁴⁵ бывшим врагам и таким способом укрепить в них осознание необходимости работать на пользу Советской России. Нужда в интеллигентных работниках далеко не исчерпана, а потому пренебрегать тысячей интеллигентных людей, имеющих общего с советской властью врага, в большинстве своем пролетариев, было бы нецелесообразным.

Генштаба [Костанди]

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 294–297, 305. Машинопись.

№ 4

Протокол опроса М.И. Верцинского 13 марта 1920 г.

Протокол опроса

1920 года марта 13 дня мною, следователем особого отделения при 18[-й] стрелковой дивизии Р. Драгун опрошен арестованный бывший подполковник белой армии Верцинский¹⁴⁶, который показал: Я, Верцинский Михаил Иванович, 29 лет, уроженец города Кременчуг Полтавской губ. Полковника Костанди я знаю только с 18 февраля с.г., в то время, когда я, будучи командиром запасной батареи Северной области, и узнал, что в Архангельске назревают какие-то важные события и ввиду того, [что] запасная батарея находилась в подчинении генерал-квартирмейстера штаба командующего, то я и обратился в штаб за указаниями. Перед этим полковник Костанди был начальником оперативного отделения штаба командующего Северной области, но когда я явился в штаб и встретил дежурного генерала штаба

¹⁴⁵ В документе — не.

¹⁴⁶ Михаил Иванович Верцинский (около 1890–?) — подполковник. Командир запасной батареи Северной области.

Жилинского¹⁴⁷ и спросил, могу ли видеть генерал-квартирмейстера, на что последний ответил, что вскоре придет полковник Костанди, который вас примет, значит он и был генерал-квартирмейстером, который, когда явился, позвал меня к себе в кабинет и приказал распустить по возможности всех солдат моей батареи, быть готовым выступить со всеми офицерами в любое время и в любом направлении, ждать от него дальнейших распоряжений, поддерживая связь. В это время полковник Жилинский разговаривал по телефону и, как мне удалось понять из отрывочного разговора, то он разговаривал с какою-то начинавшей выходить наружу организацией и часто приглашал к телефону полковника Костанди, который так же с теми же лицами, с которыми говорил и Жилинский, когда уже я ушел в свою батарею, получивши официальные сведения об эвакуации Северной области, то больше никаких распоряжений от полковника Костанди не получал, и раньше до 18 февраля с.г. его не знал, слышал, что он раньше, во время Северной области, был на Мурмане командующим фронтом, а здесь в Архангельске — начальником оперативного отделения штаба командующего Миллера. А о том, как он жил раньше, может дать сведения находящийся в тюрьме капитан Григор¹⁴⁸, который говорил, что сидел из-за полковника Костанди в тюрьме здесь, в Северной области.

Подпись: Верцинский
Следователь Драгун

Заявление

причем¹⁴⁹ относительно полковника Костанди, что 19 февраля во время переворота мною были выставлены до 20 постов и причем Костанди никакой помощи не оказывал, и даже он не знал, где были расставлены посты и что охраняли, притом были арестованы офицеры и в которой группе находились генерал Данилов и полковник Данилов, когда их отправили из штаба в тюрьму, то в это время генерал Данилов и полковник Данилов исчезли из виду изо всей группы офицеров. Когда начали наводить справку у арестованных офицеров, они мне сказали, да, был генерал Данилов и полковник Данилов, а сей-

¹⁴⁷ Вячеслав Александрович Жилинский (24.11.1883–25.10.1967) — полковник. Дежурный генерал штаба командующего войсками Северной области.

¹⁴⁸ Тарас Тихонович Григор (1876–?) — капитан. Офицер 1-го автомобильного дивизиона.

¹⁴⁹ Так в документе.

час их нет, куда они делись, этого мы сказать не можем, потом пристаю в штаб¹⁵⁰, то я узнал, что их выдернул из этого строя Костанди с каким-то с поручительства¹⁵¹, но меня это очень удивило, перед кем это они поручились, этого никому неизвестно, тогда я спросил тов. Флимбера, он на это мне ответил, что я тоже поражен, какие могут быть поруки в такое время, тов. Флимбер сказал: это потом разберется, и причем сообщаю, когда штаб Миллера был в городе, то как себя именовали начальником охраны, но не могли сделать распоряжение о задержании всего штаба, когда ледокол с [«]Ярославной[»]¹⁵² вышли за Экономию¹⁵³, и тогда же не были ими сделаны распоряжения, так что нахожу в этом во всем виновным полковника Костанди, что он содействовал уходу всему штабу Миллера, потом было последовало распоряжение, от кого, не могу объяснить, поставить на ледокол [«]Канада[»] два орудия и отправили на второй день 20 февраля, но это тоже не увенчалось успехом, так как [«]Канада[»] была попорчена и вернулась обратно. При чем подписуюсь. Сотрудник из агентурной разведки тов. Барг

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 8–8 об. Незаверенная машинописная копия.

№ 5

Протокол допроса Т.Т. Григора 13 марта 1920 г.

[Карандашная резолюция:] К делу Костанди

Копия

Протокол допроса

1920 года марта 13 [я], вр.и.д. следователя Особого отделения при 18-й стрелковой дивизии Сигизмунд Шмидт, допросил сего числа арестованного штабс-капитана белой армии Григора, обвиняемого в участии в кампании против советской власти.

Из личных показаний выяснилось следующее:

Фамилия, имя и отчество Григор Тарас Тихонович

¹⁵⁰ Так в документе. Вероятно, прибыв в штаб.

¹⁵¹ Так в документе. Очевидно, с каким-то поручительством.

¹⁵² Речь идет об эвакуации белых из Архангельска в феврале 1920 г. на ледокольном пароходе «Козьма Минин» и яхте «Ярославна».

¹⁵³ Экономия — район архангельского торгового порта.

Лета и вероисповедание 34 года, православный
Звание штабс-капитан¹⁵⁴

Местожительство. Местечко Белая Церковь, Василевского уезда, предместье Заречье Киевской губернии. Родные мои проживают по указанному выше адресу. В 1913 году я окончил Киевский политехникум. В момент Февральской революции я проездом жил в гор. Петрограде, где принимал участие в свержении династии. Был я командирован Главным артиллерийским управлением во Францию для усовершенствования мною изобретенного аппарата (аппарата по определению батареи на расстояние и направление по звуку). Из города Петрограда я выехал на Мурман 9 марта ст[арого] ст[иля 1917 г.], откуда на пароходе прибыл в Англию 4 апреля ст[арого] ст[иля]. Из Англии я выехал 6 апреля во Францию. В столовой в Латинском квартале по улице Рю-Глясиер я делал доклад русским эмигрантам о Февральской революции, затем в госпитале для русских раненых я также сделал доклад. Из Франции за то, что я сделал доклады, русскими властями был выслан в Салоники, во 2-ю Особую дивизию¹⁵⁵. В дивизию я с собой привез шесть мешков литературы и очерков русской Февральской революции. За это я был почти всеми офицерами бойкотирован. Благодаря меня, из этой дивизии уехала делегация в Совет рабочих и солдатских депутатов в город Петроград. До моего приезда в Салоники очень многие солдаты не знали о событиях в России. Комитетов там не существовало. В конце концов, к нам через Болгарию начала поступать литература, по которой мы могли узнать о том, что делается в России. В ноябре месяце мы узнали, что власть в России перешла к большевикам и что велись переговоры с Германией о мире. Я там агитировал среди солдат против войны, и за это был во-первых отстранен от командования ротой, а во-вторых, был назначен в Африку, но благодаря того, что я заболел малярией, меня французы оставили.

В мае месяце как неблагонадежного [меня]¹⁵⁶ отправили во Францию в распоряжение коменданта русской [базы в] городе Лавали. Комендантом русской базы мне было предложено [поступить] в добровольческий русский легион, я отказался и был уволен со службы, причем оставался совершенно без всяких средств. Затем французы

¹⁵⁴ Т.Т. Григор был произведен в капитаны белым командованием в 1919 г.

¹⁵⁵ 2-я Особая пехотная дивизия входила в состав Русского экспедиционного корпуса и дислоцировалась в Салониках (Греция).

¹⁵⁶ Край листа оторван, с чем связаны пропуски в этой части документа.

абсолютно запретили всем русским выезд в Россию, первая единственная возможность, какая была предоставлена, это было записаться в Славяно-Британский легион пол[ковника] Пуля. Я записался не с целью воевать, а с целью проехать в Россию. В феврале месяце 1919 года я прибыл в Мурманск. В Мурманске, когда я отказался воевать, меня полковник¹⁵⁷ Костанди объявил мобилизованным и назначил во 2-й Мурманский полк. Во 2[-м] Мурманском полку я примкнул к солдатской большевистской организации, организованной подпрапорщиком Кузнецовым. Отправляя меня во 2-й полк, полковник Костанди учредил за мной негласный надзор. Эта организация была раскрыта (кем-то предана), меня отправили в Архангельск под видом якобы на медицинскую комиссию для производства судебного следствия и в Архангельске я просидел в тюрьме полтора месяца, дознание по моему делу производил генерал Данилов (я не был расстрелян только потому, что доносивший на меня или не знал моей фамилии или перепутал). Затем, это было в июле месяце 15-го числа, меня назначили в 1-й запасный полк, там я формировал роту. 22 июля меня отправили [под]¹⁵⁸ Онегу брать ее, в состав роты вошли семь человек офицеров и, вероятно, не меньше солдат из контрразведки, так что действовать было невозможно, больше в боях я не участвовал. После ухода большевиков из Чикueva был назначен чикувским комендантом, где я никак не мог унять свирепство контрразведки во главе с прапорщиком Поповым. Указанные выше лица, офицеры и солдаты из контрразведки следующие: чиновник военного времени Попов, прапорщик Егоров Иван Мосеевич, прапорщик Мамонтов (убит), подпоручик Тильткнек, подпоручик артиллерист Миронов, старший унтер-офицер Яковлев, старш[ий] унт[ер-]офицер [?]нин¹⁵⁹ (об них знают мои солдаты 2-й роты Онежского отряда). 25 ноября я был отправлен в полк по доносу на меня контрразведки. В декабре месяце я заболел и по излечении перед Рождеством прибыл на фронт и пробыл там до 11 января [1920 г.]. Заболев вторично, я был эвакуирован в город Архангельск, в Архангельске пробыл до переворота.

11 февраля как знающий¹⁶⁰ автомобильное дело я был переведен помимо моего желания в автодивизион, на службе я не был, т.к. я лечился

¹⁵⁷ Тогда — подполковник.

¹⁵⁸ Часть документа уходит в переплет дела.

¹⁵⁹ Часть документа уходит в переплет дела.

¹⁶⁰ В документе несогласованно — знающего.

в госпитале. 25 февраля я был арестован во время регистрации, за что, не знаю. Нужно сказать, что все офицеры, прибывшие из Англии, ужасные реакционеры и террористы, среди [н]их я знаю офицеров Онежского отряда террористов: капитан Навацкий¹⁶¹, штабс-капитан Макаренко¹⁶², штабс-капитан Жилинский¹⁶³, подпоручик Шугаевский¹⁶⁴, подполковник Груздев¹⁶⁵, полковник Бугреев¹⁶⁶, подполковник Смаковский¹⁶⁷, штабс-капитан Крюков¹⁶⁸, в Талице¹⁶⁹ они расстреляли 7 человек, принимали участие следующие офицеры: штабс-капитан Крюков, штабс-капитан Макаренко, подпоручик Шугаевский. Начиная от Чикужева, там участвовали в расстрелах полковник Бугреев, подполковник Груздев, подполковник Смаковский вместе с солдатом Адамовичем (между прочим он находится в Архангельске, я его видел 19 февраля). Генерал Данилов расстрелял несметное число солдат (по его приговору). Полковник Костанди расстрелял на Мурмане 14 человек солдат, там был расстрелян подпрапорщик Кузнецов, и почти вся эта организация, в которой я состоял. На заданные вопросы, давал ли Костанди распоряжение взорвать радиостанцию и задержать пароход «Ярославну»¹⁷⁰, я первый раз слы-

¹⁶¹ Вячеслав Александрович Навацкий (21.10.1896–?) — капитан (позднее — подполковник). Командир батальона в антибольшевистских формированиях на Севере России. Попал в плен. Расстрелян.

¹⁶² Владимир Гаврилович Макаренко (13.05.1896–?) — штабс-капитан. Прибыл в Северную область из Великобритании (из лагеря в Нью-Маркете). Помощник начальника пулеметной команды.

¹⁶³ Возможно, речь идет о подпоручике Жилинском Сергее Александровиче (11.07.1897–?).

¹⁶⁴ Георгий Федорович Шугаевский (01.11.1894–?) — поручик (позднее — штабс-капитан). Прибыл в Северную область из Великобритании (из лагеря в Нью-Маркете). Командир роты Архангелогородского запасного стрелкового полка.

¹⁶⁵ По имеющимся данным, В.Н. Груздев не прибывал в Северную область из Великобритании. Владимир Николаевич Груздев (21.07.1886–?) — подполковник. Помощник командира 1-го Северного стрелкового полка.

¹⁶⁶ Владимир Михайлович Бугреев (31.01.1888–?) — полковник. Прибыл в Северную область из Великобритании (из лагеря в Нью-Маркете). В Архангелогородском запасном полку, позднее — в Архангелогородском стрелковом полку. Попал в плен. Расстрелян.

¹⁶⁷ Николай Александрович Смаковский (01.07.1895–?) — подполковник. Прибыл в Северную область из Великобритании (из лагеря в Нью-Маркете). В Архангелогородском запасном полку, позднее — в Архангелогородском стрелковом полку.

¹⁶⁸ По имеющимся данным, П.М. Крюков не прибывал в Северную область из Великобритании. Павел Моисеевич Крюков (10.01.1894–?) — штабс-капитан. В 1-м Архангелогородском пехотном полку, в 1-м Северном стрелковом полку, в 13-м Северном стрелковом полку.

¹⁶⁹ В документе ошибочно — в Тамице.

¹⁷⁰ Правильно — яхту.

шу от вас. О распоряжениях, которые отдавались по телефону взорвать склады и радиостанцию, слышал по телефону редактор «Возрождение Севера» Жилкин¹⁷¹, кем они отдавались, я не знаю, об этом знает Жилкин, так как он рассказывал в камере.

Протокол читал, написано верно: читал Тарас Григор

Вр.и.д. следователя под. С. Шмидт

Дополнено после окончания протокола. За расстрелы произведен в прапорщики Ярыгин Павел, капитан Геруц¹⁷² — террорист.

С подлинным верн[о]: вр.и.д. следователя¹⁷³

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 9–10. Заверенная машинописная копия.

№ 6

Показание матроса А. Степанова от 14 марта 1920 г.

Показание по делу Костанди тов. Степанова

Будучи на службе в речном транспорте помощником кладовщика, при перевороте 19/II [19]20 г., чтобы сохранить[ь] склад от поджога с бензином в количестве 1500 пуд[ов] я обратился за охраной в профессиональный союз, где и служил Костанди. На мое требование дат[ь] мне охрану для сохранения склада с бензином Костанди мне ответил отказом и послал меня в афтодивизион¹⁷⁴, дав мне наряд на 7 человек. На наряд, принесенный мною от Костанди в афтодивизион, мне отказали, потому что если бы дали мне солдат в афтодивизионе по костандину наряду, то семи машинам пришлось[ь] бы стоять[ь] без действия в такое время, а солдаты, бывшие у Костанди в числе 1-й роты, простояли во дворе без действия. По моим соображениям Костанди отказом на мое требование тормозил работу.

14/III [19]20 г. Матрос Андрей Степанов

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 205. Подлинник. Карандаш.

¹⁷¹ Александр Иосифович Жилкин (1882–1921) — журналист, член партии эсеров, редактор газеты архангельской организации партии эсеров «Возрождение Севера». Гласный Архангельского губернского земского собрания (1919). Расстрелян.

¹⁷² Правильно — штабс-капитан. Георгий Круниславович-Стефанович Геруц (30.11.1894–1920) — штабс-капитан. Начальник разведывательного отдела штаба Железнодорожного фронта. Попал в плен. Расстрелян.

¹⁷³ Подпись неразборчива.

¹⁷⁴ Так в документе.

№ 7

Показание Голенищева. Предположительно, март 1920 г.

Сведение

Я бывал случайно у полковника Костанди¹⁷⁵, и он сделал замечание и даже сделал выговор артиллеристскому офицеру. Почему вы говорит изволили со своим орудием ездит по городу. И даже к чорту на кулички поехали куда-то на Экономию. Я говорит вам делаю выговор, но этот артиллерист сказал я должен ето был делат, если бы ранше, то мог бы захватит я Ярославну. Сотрудник Голенищев

ЦА ФСБ. Д, Р-49590. Т. 2. Л. 209. Подлинник. Чернила.

№ 8

Показания И. Козлова. Предположительно, март 1920 г.

Показание по делу начальника развед[ывательного] отд[еления] при штабе главнокоманд[ующего] войск Северной области гр[ажданина] Козлова Ивана (бывшего при перевороте в Архангельске) помощником нач[альни]ка охраны гор. Арх[ангельс]ка

Настоящим собственноручной подписью свидетельствую, что бывший нач[альни]к штаба¹⁷⁶ Миллера полковник Костанди в период переворота 19–22 февраля сего 1920 г. в частной беседе сообщил мне, что начальник разведыв[ательного] отд[еления] при штабе ген[ерал]-лейтенанта Е.К. Миллера (фамилию не помню) находится в черте города Архангельска и просил полковника Костанди узнать мое мнение по отношению к нему — нач[альни]ку разв[едывательного] отд[еления] как белому агенту, занимающемуся расследованием моим делом¹⁷⁷, делом Козлова. Принимая во внимание вышеизложенное, в свою очередь доношу, что полковник Костанди в случае его допроса по делу нач[альни]ка разв[едывательного] отд[еления] белых от вышеписанного отказаться не может.

И. Козлов

(я с 15 ноября 1919 г. по 18 февраля 1920 г. находился в Кег-островском заключении как коммунист)

ЦА ФСБ. Д, Р-49590. Т. 1. Л. 13. Подлинник. Чернила.

¹⁷⁵ Так в документе.

¹⁷⁶ Такую должность Костанди не занимал.

¹⁷⁷ Так в документе.

№ 9

Протокол допроса А.В. Костанди 20 марта 1920 г.

Протокол №

Мною, начальником активной части Особого отдела ВЧК при Реввоенсовете 6-й армии Воробьевым, опрошен полковник Генерального штаба Леонид Васильевич Костанди¹⁷⁸, который показал следующее:

Сын рабочего на бельгийском газовом заводе, где он родился и вырос (в Одессе). Образование получил низшее, окончил городское училище в Одессе. После этого работал на технических курсах почтово-телеграфного ведомства и получил звание телеграфного надсмотрщика. Однако на телеграфную службу не поступил, а держал экзамен на право поступления на военную службу вольноопределяющимся 2-го разряда и поступил на службу в 16[-й] стрелковый полк осенью 1901 года. После окончания Одесского юнкерского пехотного училища выпущен подпоручиком [в] 90[-й] пехотный Онежский полк, квартирующий в г. Ревеле, куда прибыл на службу 30 мая 1905 года. В 1909 году выдержал экзамен в академию Генерального штаба, которую окончил в 1912 году. Возвратился в строй в свой полк для отбытия командования ротой и после объявления войны был назначен в штаб 8-й армии (Брусилова¹⁷⁹) на должность помощника старшего адъютанта, где и нес службу в оперативном отделении до 23 апреля 1915 года. В Генеральный штаб с производством в капитаны переведен 6 декабря 1914 года.

23 апреля командирован в крепость Перемышль для службы в штабе крепости, где и был до дня сдачи крепости 20 мая. За боевые отличия в указанный период войны награжден Георгиевским оружием и орденами Анны 2-й степени с мечами, Станислава 2-й степени с мечами и Анны 3-й степени с мечами и бантом. После эвакуации вследствие контузии, полученной 20 мая в Перемышле, был уволен в 4-месячный отпуск, но вследствие недостатка в офицерах Генерального штаба добровольно явился из отпуска на 3 месяца и 13 дней раньше срока и был назначен старшим адъютантом в штаб Морской крепости императора Петра Великого в г. Ревеле 14 июня 1915 года. В той же крепости получил назначение начальником¹⁸⁰ оперативной части крепости и помощ-

¹⁷⁸ В документе — Кастанди.

¹⁷⁹ Алексей Алексеевич Брусилов (19.08.1853–17.03.1926) — генерал от кавалерии. Командующий 8-й армией (1914–1916).

¹⁸⁰ В документе несогласованно — начальника.

ником¹⁸¹ н[ачальни]ка штаба крепости по сухопутному фронту. Кроме прямых своих обязанностей состоял председателем Эстляндского военно-спортивного комитета, членом Ревельского военно-промышленного комитета, председателем Военно-экономического о[бщест]ва, а с ноября 1916 года — председателем исполнительной комиссии Эстляндского продовольственного совета.

В феврале 1917 года за уходом со службы н[ачальни]ка штаба крепости контр-адмирала Любинского¹⁸² назначен н[ачальни]ком штаба крепости. Состоял членом Ревельского совета рабочих и воинских депутатов и председателем военного комитета того же совета. Кроме того, состоял председателем Эстляндского продовольственного комитета и уполномоченным по продовольствию Эстляндской губернии до мая 1917 года, когда отказался от должности за невозможностью совместить работу в штабе и в совете с работой по продовольствию. В октябрьский переворот оставался при исполнении служебных обязанностей и членом совета до 8 декабря 1917 года, когда был арестован революционным комитетом по подозрению в злоупотреблениях по должности председателя Военно-экономического о[бщест]ва, но был выпущен на поруки солдат и матросов штаба и команд, мне подчиненных, через сутки. Был командирован армейским комитетом укрепленного района на демобилизационный съезд в Петроград как представитель района 13 декабря того же года. Возвратился со съезда 1 января 1918 года.

По собственному настоянию и настоянию комитета штаба дело о бывших якобы злоупотреблениях по Экономическому о[бщест]ву, состоявших в незаконном получении кожи от интендантства, было передано Революционному трибуналу, который в заседании своем 15 января [1918 г.] постановил считать меня действовавшим на законном основании и оправдал. На другой день, 16 января, я подал в отставку ввиду того, что в это время военнослужащие моего возраста демобилизовались и был уволен без зачисления в ополчение в начале февраля 1918 года. В момент прихода немцев в Ревель, 25 февраля 1918 года, находился в Ревеле, зачислен в число военнопленных, но как проживавший много лет в Ревеле оставлен на свободе. В июне того же года по неизвестным мне причинам арестован по распоряжению штаба экспедиционного немецкого корпуса и после непродолжительного содержания в тюрьме без

¹⁸¹ В документе несогласованно — помощника.

¹⁸² Владимир Александрович Любинский (15.07.1873–04.02.1938) — контр-адмирал. Начальник штаба Морской крепости императора Петра Великого (1915–1917).

объяснения причин и без предупреждения выслан через Нарву в Советскую Россию, где явился в Москву, в Оперативное управление Всероссийского главного штаба и получил предписание отправиться в состав Гидрографической экспедиции Западно-Сибирского района Северного Ледовитого океана (Вилькицкого¹⁸³), куда явился в Петроград 26 июля 1918 года. 27 июля того же года с некоторыми участниками экспедиции, комиссаром экспедиции Шунько¹⁸⁴ и частью команды отправился в Архангельск, где уже находилась главная часть экспедиции. В Архангельске находился на экспедиционном судне «Вайгач» (ныне погибшем¹⁸⁵) в момент прихода в Архангельск союзных войск. В перевороте 1 и 2 августа, как и весь прочий состав экспедиции, активного участия не принимал, стараясь, согласно указаний начальника экспедиции Вилькицкого сохранить за экспедицией чисто-научный характер и этим сохранить экспедицию, ее суда и имущество от возможных покушений со стороны союзников и местных военных властей, как на имущество Советской России.

После многих хлопот плавающей части экспедиции удалось выйти в море 22 августа, я же в составе сухопутной части остался в г. Архангельске. 25 сентября я получил предписание за подписью генерал-майора Самарина¹⁸⁶ явиться в управление командующего войсками для службы в армии. В ответ на это замещающий Вилькицкого капитан 1-го ранга Руденский¹⁸⁷ по моей просьбе уведомил управление командующего войсками, что я имею специальную военно-научную командировку от Генерального штаба и в случае моего откомандирования от экспеди-

¹⁸³ Здесь и далее в документе — Вилькицкого. *Борис Андреевич Вилькицкий* (22.03.1885–06.03.1961) — капитан 1-го ранга (впоследствии — контр-адмирал). Выдающийся полярный исследователь, первооткрыватель Северной Земли. Руководитель Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана.

¹⁸⁴ *Максим Максимович Шунько* (1888–?) — унтер-офицер, радиотелеграфист. Участник экспедиции Б.А. Вилькицкого на ледокольном транспорте «Таймыр» (1915). Служил радистом на береговой станции Морского Генерального штаба в Петрограде. В 1918 г. направлен в Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана к Б.А. Вилькицкому в качестве комиссара.

¹⁸⁵ Ледокольный транспорт «Вайгач» 8 сентября 1918 г. наскочил на подводный риф в районе мыса Ефремов Камень в Енисейском заливе Карского моря. Спасти судно не удалось, и команда перешла на транспорт «Таймыр».

¹⁸⁶ *Сергей Николаевич Самарин* (14.05.1877–01.09.1942) — генерал-майор. Начальник военного управления Северной области и начальник штаба командующего войсками (1918).

¹⁸⁷ *Дмитрий Петрович Руденский* (26.03.1882–14.09.1952) — капитан 1-го ранга. В Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана. Позднее — в антибольшевистских силах на Севере России.

ции ответственность за невыполнение данного мне поручения экспедиция возлагает на военно-сухопутное командование. Командовавший войсками Северной области полковник Дуров¹⁸⁸ на этом отношении положил резолюцию, что в случае задержки экспедицией в своем составе необходимых для армии военных специалистов экспедиция будет расформирована, и ей не будет отпускаться средств на содержание. Это обстоятельство вынудило меня оставить работу в экспедиции и перейти в военно-сухопутное ведомство. Однако по моей просьбе я был оставлен в списках экспедиции и числился в командировке.

С 26 сентября 1918 года и по 23 января 1919 года я был н[ачальни]ком канцелярии управления командующего войсками Северной области.

Вследствие разногласий, происшедших между мной и русским командованием в Архангельске на почве угождения англичанам, я был командирован на Мурман, так как архангельское и мурманское английские командования друг другу подчинены не были и, таким образом, я высылался из района действий архангельского командования, которое имело основание быть мною недовольным и в силу этого становился лицом, приятным для мурманского английского командования, всегда конкурировавшего с архангельским.

В должности н[ачальни]ка военного отдела при помощнике генерал-губернатора Северной области по управлению Мурманским краем я состоял с 29 января и по 1 июня 1919 года, когда был смещен генерал-майором Скобельцыным¹⁸⁹ и оставлен в его распоряжении.

Во время нахождения в этой должности я был подчинен в административном и дисциплинарном отношениях помощнику генерал-губернатора Ермолову¹⁹⁰. В этих же отношениях, а также в смысле строевой подготовки мне были подчинены войска Мурманского края, состоявшие в то время из 2-го Мурманского пехотного полка и головного железнодорожного отряда, имевшего в своем составе 18 человек. В оперативном отношении войсковые части были подчинены английскому командованию.

---

¹⁸⁸ Борис Андреевич Дуров (20.08.1879–02.08.1977) — полковник. Командующий войсками Северной области (1918).

¹⁸⁹ Владимир Степанович Скобельцын (12.03.1872–04.01.1944) — генерал-майор. Командующий группой войск.

¹⁹⁰ Василий Васильевич Ермолов (1882–03.1920) — помощник генерал-губернатора Северной области по управлению Мурманским районом, вр.и.д. Олонецкого губернского правительственного комиссара, начальник Мурманского края и Олонецкой губернии при Временном правительстве Северной области. Расстрелян органами ЧК.

Помощник генерал-губернатора (погенгуб) пользовался правами к[оманди]ра отдельного корпуса, я же — правами корпусного командира. Так что по существу высшим представителем военной власти на Мурмане был погенгуб, что вызывало неоднократные недоразумения, т.к. Ермолов постоянно пытался вмешиваться в военные дела, в которых ничего не понимал, пользуясь хорошими отношениями с англичанами и тем, что у меня эти отношения очень скоро испортились, постоянно старался влиять на мои дела через англичан, что в конце концов закончилось моим смещением по обоюдному ходатайству Ермолова и Мейнарда¹⁹¹ — английского командующего.

В военно-судном отношении Ермоловым было возбуждено ходатайство о присвоении ему права учреждать особые военные суды, однако это право было предоставлено генерал-губернатором мне с тем, что предание особому суду должно было состояться по соглашению моему с погенгубом.

Военная милиция, железнодорожная охрана и милиция вообще были подчинены погенгубу. За время моего нахождения на Мурмане мною были учреждены 2 особых военных суда, окончившихся смертными приговорами, а именно: 1) дело Цветкова и Талалаева, обвинявшихся в соучастии в убийстве английского офицера, ограблении церкви в Мурманске, воровстве пишущих машин из канцелярии портового управления, краже, скупке и перепродаже краденого, преимущественно продовольствия и спиртных напитков из вагонов, отправляемых по Мурманской жел[езной] дороге. Цветков и Талалаев были выданы и оговорены как соучастники убийства осужденным до этого в числе других, скольких лиц, не помню, т.к. дело через меня не проходило, неким Шадриным, как теперь стало мне известно от одного из участников этого дела, содержавшегося в одной со мной камере последние три дня Андрея Володина, на почве личных счетов. То, что Цветков и Талалаев были действительно ворами и спекулянтами и что об ограблении ими церкви, краже машинок и продаже краденого было ему известно, говорит и указанный выше Володин. Он же говорит, что участие в убийстве они не принимали. От того же Володина и только три дня тому назад я узнал об истинных причинах убийства английского офицера, происшедшего, как оказывается, на почве споров на политическую тему, происшедших между этим офицером и осужденным Шадринным, Володиным и др.

¹⁹¹ Чарлз Кларксон Мартин Мейнард (1870–1945) — британский генерал. Командующий союзными войсками на Мурмане.

по приговору суда, утвержденному английским генералом Мейнардом еще до получения мною права назначать особые суды. Однако самый суд происходил в момент, когда я на Мурмане был, а именно на второй или на третий день после моего приезда в последних числах января. Дело Цветкова и Талалаева носило чисто уголовный характер. 2) Второй и последний приговор, утвержденный мной, был по делу 5 солдат мурманского полка во главе с подпрапорщиком Новиковым, присужденных к смертной казни за пьянство, неисполнение приказа командира полка и оказание вооруженного сопротивления при арестовании. В кратких чертах дело это состояло в следующем: после выдачи усиленной порции рома напилась пьяной караульная рота, расквартированная при штабе 2-го Мурманского полка в селении Шуерецком. Начальник к[оман]ды, фамилии которого не помню, придя в к[оман]ду, хотел арестовать подпрапорщика Новикова за допущение им пьянства в роте и за то, что он сам был пьян. Подпрапорщик отказался идти под арест и среди людей роты послышались протесты против ареста подпрапорщика. Пришедший в роту временно командовавший полком подполковник Парков приказал подпрапорщику идти под арест и когда тот этого приказа не исполнил, то, обратившись ко всей роте, приказал всем тем, кто не желает участвовать вместе с подпрапорщиком в сопротивлении начальству, выйти из помещения роты; все люди роты ушли из помещения, кроме четырех солдат, оставшихся с подпрапорщиком. Эти пять человек, когда их хотели арестовать, разобрали винтовки и открыли стрельбу, и были арестованы лишь под утро, очевидно отрезвевшие. Крайняя мера, принятая по отношению к пяти указанным лицам, была необходимой в целях поддержания дисциплины в полку.

Других дел уголовных или политических, по которым бы я предал кого-либо суду или, тем более, утвердил смертный приговор, при мне в подчиненных мне частях не было.

6 июня 1919 года я сдал командование войсками на Мурмане генералу Скобельцыну и оставался в его распоряжении, но без дела, до вызова моего в Архангельск в момент решения союзников уходить из Северной области и назначения меня на должность н[ачальни]ка оперативного отделения вновь формирующегося штаба главнокомандующего. Я полагаю, что это назначение состоялось потому, что еще за месяц до него, в начале июля, я подал главнокомандующему рапорт с указанием на то, что необходимо изыскать способы применения русских войск более целесообразнее, нежели это имело место под руководством английского командования.

Я, как и большинство офицеров, в момент ухода союзников считал бессмысленным продолжать борьбу на Северном фронте, однако мое мнение, хотя и поддержанное большинством собравшихся на совещании у генерала Миллера 2 августа офицеров Генерального штаба, о необходимости прекратить борьбу на Архангельском фронте, не восторжествовало, т.к. генерал Миллер в силу решения Земско-городского совещания продолжать борьбу стал на точку зрения Земско-городского совещания. Так как единственным целесообразным способом ведения войны, особенно Гражданской, является наступление, то сторонником активных действий, раз борьба должна была продолжаться, был и я. С политической стороны казалось, что освобожденное от английского гнета правительство будет достаточно демократичным и отвечающим ожиданиям населения. Однако эти ожидания далеко не оправдались, и очень скоро я лично и многие из офицерской среды уже считали продолжение борьбы не только безнадежным, но и преступным предприятием. Никаким разговорам о новой конструкции власти на более демократических началах, созыву представительного органа и т.п. никто уже не верил и оставалось ожидать, пока это сознание проникнет достаточно глубоко в массы и поведет к перевороту, что, в конце концов, и случилось. Никакой организации, которая могла бы совершить этот переворот изнутри, создано быть не могло и не создано до самого переворота. Тем более, нельзя было думать о возможности создания какой-либо сильной военной организации. Когда обнаружилось, что устойчивость войск достаточно поколеблена, а обнаружилось это при наступлении красных войск на Двине, то наиболее сознательные офицеры уже ясно понимали, что до конечной развязки осталось немного дней. Большинство, хотя и не было уверено в том, что ему гарантирована жизнь в Советской России, решило оставаться и не уходить из пределов области.

Однако события протекали значительно скорее, чем это можно было предположить и когда 15-го или 16 февраля я начал переговоры с представителями профессиональных союзов как единственных лиц, которых можно было считать до некоторой степени выражающими мнение трудящихся масс, то я предполагал, что перед нами еще минимум две недели срока. Необходимость установления временной власти до прихода представителей из центра была очевидной, т.к. иначе власть могла оказаться в руках толпы, что грозило громадными разрушениями и потерями, как в человеческих жизнях, так и в боевых материалах. Необходимо было взять в свои руки управление частями, которые не пожелают уходить из Архангельского района для того, чтобы с их помощью

поддержать порядок в районе до прихода советских войск. 17-го числа выяснилось решение правительства эвакуировать Архангельск, и в этот день я просил наиболее знакомого со мной и мне доверявшего унтер-офицера Шнеера, бывшего раньше секретарем исполнительного комитета профес[сиональных] союзов, собрать всех, кого он найдет возможным ко мне для установления способа дальнейших действий.

18-го числа в 2 часа дня ко мне пришел Шнеер, Петров и Преловский, и мы с ними уговорились, что я выдвину перед Миллером вопросы 1) о необходимости немедленного возвращения заключенных на Иоканьге¹⁹², т.к. среди них были элементы, которые могли быть привлечены к работе в первый момент после ухода правительства, 2) недопустимости каких-либо репрессий по отношению к рабочим и населению вообще, 3) недопустимости каких-либо разрушений или уничтожения боевых и продовольственных припасов и 4) немедленной передачи власти представителям рабочих, которые могли бы организовать управление областью до прихода советских войск. Вооруженное восстание было в этот момент совершенно невозможно, т.к. в наших руках не было ни одной войсковой части и главная сила, на которую опиралось командование, — запасный полк, пулеметная школа и танковое отделение, были в городе в сравнительном порядке, и никакой агитации среди них или даже простого осведомления об истинном положении дел допущено не было бы. В 5 часов того же дня я говорил с генералом Миллером по указанным вопросам, и он сказал мне, что в 10 час[ов] вечера будет заседание правительства, посвященное вопросу передачи власти, и что он выдвинет вопрос о передаче ее тем лицам, на которых я указывал. Отход запасного полка, пулеметной школы предполагался ночью с тем, чтобы до окончательной эвакуации штаба и учреждений полк находился на том берегу Двины у Рикасихи. Начало отхода штабных команд и танкового отделения под прикрытием офицерской роты, насчитывавшей в своих рядах 240 штыков, и Датской роты в 80 штыков предполагалось 19 числа

---

¹⁹² Иоканьга (Иоканга) — место расположения каторжной тюрьмы на Мурманском побережье Кольского полуострова. Начала использоваться антибольшевистскими властями на Севере России с сентября 1919 г. после ликвидации ссыльно-каторжной тюрьмы на острове Мудьюг. В тюрьме в тяжелейших условиях содержались до 1200 человек, включая уголовников. В период существования тюрьмы в ней погибли 333 человека (Овсянкин Е.И. На изломе истории. События на Севере в 1917–1920 гг. Мифы и реальность. Архангельск, 2007. С. 444). Начальником тюрьмы был капитан И.Ф. Судаков (позднее — расстрелян). Ликвидирована восставшими моряками парохода «Купава» 20 февраля 1920 г. К 20 февраля 1920 г. в живых оставались 576 человек.

в 2 часа дня. На совещание правительства через меня были приглашены представители профсоюзов, которые в дополнение к указанным выше требованиям заявили, что они согласны взять временное управление краем в свои руки при условии, что для командования оставшимся гарнизоном буду оставлен я, что остаться я согласен и что этому не должно чиниться препятствий. Немедленно после этого в штабной типографии были напечатаны воззвания к рабочим и солдатам о предстоящем переходе к советской власти и о том, что для информирования рабочих утром 19-го будут устроены собрания на заводах.

Ночью на 19-е я находился в штабе и неожиданно для себя от пришедшего в штаб дежурного генерала В.А. Жилинского узнал, что команды походным порядком на Онегу вечером 19-го не пойдут, что посадка офицеров и их семейств произойдет между 7 и 9 часами утра на Соборной пристани на ледокол «Минин» и посыльное судно «Ярославна». Я сейчас же позвонил по телефону к Шнееру, через которого держал связь с Временным исполнительным комитетом, и просил его собрать всех, кого можно к 9 часам утра или если можно скорее в штаб. В запасном полку я никого дозвониться не мог, т.к. полк только что выступил, оставшиеся же люди спали. В штабе, кроме меня и чиновника Калыгина, секретаря н[ачальни]ка штаба, которому я сказал о том, что я остаюсь, никого не было. Я приказал позвонить н[ачальни]ку канцелярии отдела снабжения Владимирову, передать ему мое приказание остаться самому и не допустить ухода со своих мест заведующих складами и караульными командами, заявив им, что им гарантирована полная безопасность. После этого я вызвал находившегося в авто-дивизионе поручика Иванова, сообщил ему о том, что дивизион должен оставаться на месте и сохранить все машины в порядке. Какие-либо немедленные боевые действия я считал невозможными, т.к. против соорганизованных офицеров и Датской роты не было никаких реальных сил. Посыльное судно «Ярославна» имело орудия до 6-дюймового калибра (точно не знаю), у нас же никакой артиллерии не было. Весь день 19-го числа прошел в работе по организации отрядов, которые можно было бы использовать для охраны громадного района от Бакарицы¹⁹³ до Экономии, разоружения¹⁹⁴ прибывающих с фронта частей и прекращения возникавших в разных местах грабежей и самочинных обысков и налетов.

¹⁹³ Деревня Бакарица — пригород Архангельска на противоположном берегу Северной Двины.

¹⁹⁴ В документе несогласованно — разоружении.

20-го числа в 7 час. утра я с товарищами Потаповым и Шнеером выехали по жел[езной] дороге для того, чтобы встретить и ускорить продвижение к Архангельску советских войск, и возвратился ночью на 21-е. 21-го главное руководство исходило уже от тов. Кузьмина¹⁹⁵, и вечером 21-го я сдал командование тов. Аквильянову, оставшись еще 22-го комендантом.

В продолжение первых дней до полной ориентировки прибывающих лиц командного состава работал в штабе.

А. Костанди

20/III/[19]20 г.

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 5–6 об. Подлинник. Машинопись. Подпись Л.В. Костанди.

№ 10

Протокол допроса Л.В. Костанди 20 марта 1920 г.

По вопросу о капитане Григоре и его заявлениях могу показать: Капитан (в то время поручик) Григор прибыл на Мурман в числе 13 офицеров, нанявшихся в английском военном министерстве на службу в войска, находящиеся в занятых англичанами областях России. Английское командование передало этих офицеров с их согласия в мое распоряжение. 10 из них, в том числе поручик Григор, были мною назначены во 2-й пехотный Мурманский полк. Однако еще до отправления в полк некоторые из прибывших офицеров заявили мне о том, что Григор в их обществе говорил о производимых им где-то расстрелах офицеров, и поэтому они считают свою службу с ним невозможной. Командировав однако Григора в полк, я предупредил ком[андира] полка Чарковского о поступившем ко мне заявлении с тем, что если эти заявления повторятся, то ему предоставлено право откомандировать Григора в Архангельск. Откомандирование это без объяснения каких-либо особых причин и состоялось в конце февраля или начале марта [1919 г.]. После этого я не встречал фамилии Григора до моего перевода в Архангельск, где прочел его имя в числе произведенных за боевые отличия в капитаны, и у меня явилась мысль о том, что очевидно бывшие заявления о левизне убеждений Григора были вымыслом, т.к. иначе он не оказывал бы боевых подвигов в белой армии.

¹⁹⁵ Николай Николаевич Кузьмин (22.03.1883–08.02.1938) — революционер, член РСДРП с 1903 г. Член РВС 6-й армии.

Относительно заявления капитана Григора о расстреле 14 большевиков по приговору, мной утвержденному, то в предыдущих показаниях я уже сообщил о тех приговорах, которые действительно мною были утверждены.

О н[ачальни]ке Вологодской губернии Латкине¹⁹⁶ могу показать:

Видел его всего один раз у начальника штаба Квецинского¹⁹⁷, 7-го или 8 февраля тек[ущего] года по его возвращении с Печоры. Куда он уехал, мне неизвестно, т.к. за обедом, где мы встретились, он сидел на другом конце стола и со мной никаких разговоров не вел.

Какие полномочия имел Латкин при походе на Яренск, я не знаю, т.к. это шло не по оперативной части. Орлову же специальных оперативных задач не давалось, а ставилось задачей поддержать восстание, организуемое Латкиным в Северо-Двинской губ.

Относительно преследования уходящего на ледоколе «Минин», имеющем на буксире посыльное судно «Ярославна», генерала Миллера и бывших с ним офицеров могу показать следующее:

Как был вооружен «Минин», я не знал, в бою с «Канадой» он отстреливался из одного или двух орудий 75-миллиметрового, приблизительно, калибра. Как была вооружена «Ярославна», тоже точно не знаю, но думаю, что до 6-дюймового калибра, однако при прохождении мимо Соломбалы¹⁹⁸ и Экономии «Ярославна» открывала огонь по отрядам, пытавшимся ее задержать, из орудий примерно 75-миллиметровых. Кто руководил посадкой на суда, точно установить не могу, но старшим морским н[ачальни]ком, распорядившимся походом, был адмирал Иванов¹⁹⁹, по крайней мере, все радио были подписаны им, фактически же думаю, что самой посадкой руководил капитан 1-го ранга Чаплин²⁰⁰ как наиболее энергичный и решительный из всех участвовавших в этом походе. Ледокол «Канада» был возвращен с моря по радио адмирала Ива-

¹⁹⁶ Степан Осипович Латкин (1886–18.04.1927) — чиновник особых поручений по земским и городским делам Временного правительства Северной области. Начальник Вологодской губернии.

¹⁹⁷ Михаил Федорович Квецинский (03.01.1866–31.03.1923) — генерал-лейтенант. Начальник штаба главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами Северного фронта.

¹⁹⁸ Соломбала — район Архангельска.

¹⁹⁹ Правильно — контр-адмирал. Леонид Леонтьевич Иванов (16.11.1875–26.12.1940) — контр-адмирал. Командующий флотилией Северного Ледовитого океана.

²⁰⁰ Георгий Ермолаевич Чаплин (05.04.1886–01.02.1950) — капитан 1-го ранга. Один из руководителей антибольшевистского переворота в Архангельске в августе 1918 г. Руководитель эвакуации белых войск из Архангельска (02.1920).

нова и в Архангельск попал случайно, поздно получив распоряжение о том, чтобы задержаться, не доходя до Экономии. О событиях в Архангельске к[оманди]р «Канад[ы]» ничего не знал. Относительно посылки «Канады» вслед за уходящим «Мининым», бросившим «Ярославну» на Баре, могу сказать, что лично я считал посылку эту нецелесообразной, т.к. она могла повести к потере последнего ледокола, ибо второй из ледоколов «Пожарский» находился в это время в Мурманске и был в руках белых. Кроме того, установка пушек на «Канаду» казалась опасной, т.к. «Канада» имела и без того большую течь в носу через расшатанные грузовые двери и от стрельбы могла быть поврежденной до полной негодности на продолжительный срок. Ночью с 19 на 20 февраля я лично был на «Канаде», пришедшей в Соломбалу, а также в оружейной мастерской военного порта и только после того, как мастера портовой мастерской уверили меня в том, что «Канада» выдержит стрельбу из устанавливаемых 76-миллиметровых пушек, я согласился на вооружение «Канады». В момент окончания вооружения и отправки «Канады» меня в Архангельске не было, и приказ о выходе в море был отдан заменявшим меня на время отсутствия тов. Фимбером по телефону.

Л. Костанди

20/III/[19]20 г.

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 7. Подлинник. Машинопись. Подпись А.В. Костанди.

№ 11

Заявление А.В. Эйдука в ЦК РКП(б). 23 апреля 1920 г.

В Центральный комитет РКП

Еще в бытность мою в Москве, вслед за взятием нами Архангельска, я слышал о странной, если не сказать более, линии поведения, принятой членом Реввоенсовета 6[-й] армии тов. Кузьминым в отношении бывших офицеров северной белой армии, попавших в наши руки.

Однако та картина, в которой я лично убедился прибыв в Архангельск в командировку, превзошла ожидания. Большая часть бывших белых офицеров оставлена занимать должности командного состава, а бывший генерал-квартирмейстер белой армии полковник Костанди вознесен на пьедестал, а перед ним превозносящий его заслуги перед Советской Россией тов. Кузьмин, член Реввоенсовета 6-й армии, которая вела героическую борьбу на Северном фронте и окончательно сло-

мила сопротивление белых. Для доказательства справедливости моих слов излишне было бы приводить факт внесения тов. Кузьминым на первое же заседание Архангельского Ревкома предложения выразить благодарность бывшему полковнику Костанди, единогласно отклоненного²⁰¹ Ревкомом или иные факты, которые я узнал на месте, а достаточно ознакомиться с докладом тов. Кузьмина от 21 марта за № 132, в котором он, указывая на неправильность моих действий о Генштабе Костанди, говорит следующее: «Из личных бесед я убедился, что он, благодаря своей ненависти к англичанам и Антанте, безусловно, будет работать на благо Советской России и [за] лояльность его ручаюсь своей головой». Что выражается в этом мягкосердечии тов. Кузьмина, ненависть или что-нибудь другое, предоставляю судить Центральному комитету. Невольно получилось впечатление, что все эти события происходят в ноябре, декабре [19]17 года, когда мы, еще не закаленные в борьбе Гражданской войны, не предвидевшие тех титанических усилий, которые придется приложить пролетариату для закрепления власти, проявляли иногда слабость, следуя подчас не только велениям разума, но и порывам чувств. Краснов²⁰², Пуришкевич²⁰³ и мн[огие] другие факты. (Я думаю) эти годы борьбы нас кое-чему научили, и мы сделали реальными политиками не только на словах. Между расстрелами в Архангельске, которые приписывает мне тов. Кузьмин (заведомо для себя ложно), и его линией поведения в отношении бывших офицеров и полковника Костанди есть средняя линия, диктуемая государственной мудростью, осторожностью, основанная на опыте и не только противоречащая официальной политике Реввоенсовета Республики, но являющаяся прямым исполнением его директив²⁰⁴. Все офицеры белых армий должны направляться в тыл, где производится фильтрация их после соответствующих расследований и в зависимости от результатов решается дальнейшее положение каждого из них. Если бывший полковник Костанди проявил на деле лояльность к Советской России, если он горит ненавистью к англичанам, вполне понятной после их вероломства к белой русской ар-

²⁰¹ В документе несогласованно — отклоненному.

²⁰² *Петр Николаевич Краснов* (10.09.1869–16.01.1947) — генерал от кавалерии. Донской атаман. Один из лидеров антибольшевистского движения донского казачества.

²⁰³ *Владимир Митрофанович Пуришкевич* (12.08.1870–24.01.1920) — политический деятель консервативного направления, монархист, черносотенец. Депутат Государственной думы.

²⁰⁴ Так в документе.

мии, тем лучше для Костанди и выгоднее для нас. Костанди должен быть использован для Красной армии, может быть для высоких должностей, но, конечно, не [на] Архангельском и Мурманских фронтах. Если было признано необходимым принять указанный выше порядок относительно всех белых офицеров, то особенно строго он должен проводиться именно в отношении б[ывшей] северной белой армии вследствие особенностей при ее возникновении. Борьба в Архангельском районе началась после высадки союзных [войск], против которых быстро был сформирован наш красный фронт, вследствие чего можно смело сказать, что почти все быв[шие] офицеры попали в северную армию при посредстве различных контрреволюционных организаций, в таком большом числе существовавших при поддержке иностранных представительств весной и летом 1918 года. При таких условиях слишком смело говорить так, как это делает тов. Кузьмин, о политической безграмотности большинства офицеров северной белой армии. Мне, как находившемуся лично в этот период времени на Вологодском фронте, лучше, чем кому-либо известно, с какими трудностями, с каким риском офицерам приходилось пробираться в Архангельск. Мне больше, чем кому-либо другому известно, сколько из них поплатилось жизнью. Такая обстановка, я полагаю, требовала бы сугубой осторожности, которой совершенно не проявил тов. Кузьмин и грубейшую политическую ошибку которого мне пришлось исправить за свою ответственность.

Не с целью полемизировать с докладом тов. Кузьмина, допустившего, кстати сказать, в нем ряд неправильностей и не в виде ответа на личные его выпады по отношению ко мне, я обращаюсь с настоящей запиской в Центральный комитет. Учитывая лишь интересы революции, я счел себя обязанным дать истинное освещение деятельности тов. Кузьмина, необходимое к принятию [к] сведению комитетом при предстоящем решении о дальнейшем его назначении.

А. Эйдук²⁰⁵

23/IV-[19]20 г.

С подлинным верно: Секретарь опер[ативного] отдела О[собого] о[тдела] ВЧК²⁰⁶

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 14–14 об. Заверенная машинописная копия.

²⁰⁵ Александр Владимирович Эйдук (1886–28.08.1938) — член коллегии ВЧК, председатель Центральной коллегии по делам пленных и беженцев.

²⁰⁶ Подпись неразборчива.

№ 12

Заявление Л.В. Костанди следователю Особого отдела ВЧК
28 апреля 1920 г.

Г[ражданину] следователю О[собого] о[тдела] ВЧК
Заклученного во Внутренней тюрьме
О[собого] о[тдела] ВЧК
Генштаба Костанди Леонида Васильевича
Заявление

Я был опрошен Особым отд[елом] 6[-й] армии 20 марта с.г., причем у меня были спрошены, и я дал сведения главным образом автобиографического характера, более подробные за годы революции.

Перевод из Архангельской губ[ернской] тюрьмы в Бутырскую и особенно перевод в т[юрьму] О[собого] о[тдела] ВЧК дали мне основание считать, что следствие по моему делу не закончено, между тем уже 10 дней после перемещения в тюрьму О[собого] о[тдела] прошло, и я не опрошен. Я вполне понимаю основательность репрессий по отношению ко мне как бывшему штаб-офицеру белой армии и осмеливаюсь возбуждать вопрос об ускорении следствия исключительно из желания скорее выйти из тягостного положения вынужденного безделья.

Имея полную и безусловную возможность выехать за границу, я сознательно остался в Советской России, придя в последнее время к убеждению, что каждый интеллигентный русский гражданин при создавшихся условиях обязан работ[ать] для укрепления военного и хозяйственного положения государства.

Моя работоспособность в период перехода власти к советам в Архангельской губернии как организатора Временного исполкома и начальника военного гарнизона Архангельска и услуги, оказанные республике этой работой, засвидетельствованы особым телеграфным донесением на имя Реввоенсовета Республики Реввоенсов[етом] 6[-й] армии, а также особым постановлением Арх[ангельского] губ[ернского] Ревкома. Засвидетельствовать большие размеры этой работы, ее значение, а также полную мою лояльность могут следующие ответственные работники-коммунисты: член Реввоенсовета-6 Н. Кузьмин, военком 18[-й] дивизии И. Куприянов²⁰⁷ и военком 53[-й] стр[елковой] бригады т. Иссерсон²⁰⁸.

²⁰⁷ Иван Филиппович Куприянов (17.12.1888–22.07.1971) — военный комиссар 18-й стрелковой дивизии (1918–1920).

²⁰⁸ Георгий Самойлович Иссерсон (16.06.1898–27.04.1976) — комиссар 2-й бригады 18-й стрелковой дивизии. Впоследствии — выдающийся советский военный теоретик.

Если в силу естественного ко мне недоверия или отсутствия надобности во мне как военспеце с высшим военным образованием я не могу быть использован по прямой специальности, то я мог бы быть полезным работником в тех отраслях, где мне пришлось работать по выборам, а именно по Всеобучу, как бывший председатель Ревельского военно-спортивного комитета или в области промышленно-экономической, как бывший уполномоченный по продовольствию и председ[атель] губ-продкома Эстляндской губ[ернии], член Ревельского военно-промышленного комитета и председатель Военно-экономического общества. По последней должности мне пришлось организовать и вести в значительных размерах огородничество и животноводство.

Вследствие изложенного прошу об ускорении следствия.

Генштаба Леонид Костанди.

28/IV 1920 г.

Камера № 5

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 210–210 об. Подлинник. Карандаш. Подчеркивания сделаны А.В. Костанди.

№ 13

Заявление А.В. Костанди в следственную часть Особого отдела ВЧК 12 июня 1920 г.

В следственную часть О[собого] о[тдела] ВЧК

Генштаба Костанди Леонида Васильевича
Заявление

Сегодня я узнал об издании советской властью постановления о том, что каждый офицер белой армии, заявивший о своем желании принять участие в борьбе с Польшей или содействовавший скорейшему окончанию Гражданской войны или могущий доказать, что, благодаря ему сохранено для Советской России ценное имущество, будет помилован и ему будет дана возможность работать.

Так как я 1) еще в феврале с.г. заявил советскому командованию о своем желании служить делу обороны государства и подтвердил это вновь в заявлении, поданном 26 или 27 апреля с.г.; 2) безусловно содействовал скорейшему окончанию Гражданской войны своей работой по ликвидации Северного фронта; 3) находясь во главе восставших войск белого Северного фронта, сохранил для Советской России имущество громадной ценности, например: все железнодорожные сооружения на

линии Емца — Архангельск (200 верст), весь подвижной состав, суда военного и торгового флота, портовые сооружения, судоремонтный и другие заводы Архангельского района, бронепоезда, танки, все склады боевого и интендантского имущества, все склады продовольствия и других видов снабжения населения и пр.; 4) т.к. мне нет даже надобности доказывать подлинность указанной выше работы, ибо она отмечена особым донесением, в конце февраля с.г. Реввоенсовета 6[-й] армии за подписью командарма 6 Самойло²⁰⁹ и военкома Орехова²¹⁰, Реввоенсовету Республики, а также особым постановлением Арх[ангельского] губ[ернского] Ревкома и 5) т.к. кроме пребывания в рядах белой армии никаких других преступлений против советской власти и преступлений вообще мною не совершено, то я прошу возбуждения в срочном порядке вопроса о применении ко мне указанного выше постановления советской власти.

Генштаба Л. Костанди

12/VI 1920 г.

Внутренняя тюрьма

О[собого] о[тдела] ВЧК

Камера 5

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 211–211 об. Подлинник. Карандаш.

№ 14

Заявление Л.В. Костанди в коллегияю Особого отдела ВЧК 20 июня 1920 г.

В коллегияю Особого отдела ВЧК

Костанди Леонида Васильевича
(бывшего полковника Генерального штаба)

Заявление

25 марта с.г. я привезен в Москву в распоряжение О[собого] о[тдела] ВЧК и до настоящего времени по моему делу не допрошен.

29 апреля с.г. особоуполномоченный Иванов, вызвавший меня после поданного мною заявления, сообщил мне, что никаких особых обвинений, кроме нахождения в составе белой армии, мне не предъявляется и что я задержан лишь для регистрации. Он же сообщил мне, что

²⁰⁹ Александр Александрович Самойло (23.10.1869–08.11.1963) — бывший генерал-лейтенант, военный специалист РККА. Командующий 6-й армией.

²¹⁰ Александр Михайлович Орехов (Маликов) (06.1887–29.03.1951) — революционер, член РСДРП с 1907 г. Член РВС 6-й армии, председатель Ревтрибунала 6-й армии.

предполагает начать мой допрос в ближайшие недели и закончить дело, во всяком случае, не позже 20 с[его] июня.

Т.к. я неоднократно, лично советскому командованию и письменно в заявлениях от 27 апреля и 12 с[его] июня заявлял о своем желании принять участие в обороне государства и т.к. кроме нахождения в белой армии никаких других преступлений ни против советской власти, ни преступлений вообще мною не совершено, то прошу Особый отдел ВЧК ускорить мое дело и дать мне возможность принять участие в текущей войне с Польшей.

Генштаба Л. Костанди

20 июня 1920 г.

Внутренняя тюрьма

О[собого] о[тдела] ВЧК

Камера № 5

ЦА ФСБ. Д, Р-49590. Т. 2. Л. 212. Подлинник. Карандаш.

№ 15

Из протокола допроса А.В. Костанди в управлении

Особого отдела ВЧК 24 августа 1920 г.²¹¹

Показания по существу дела²¹²

Я сын рабочего Василия Константиновича Костанди, работающего на газовом заводе в Одессе сначала чернорабочим, затем весовщиком и, наконец, конторщиком. Умер отец [в] 1917 году, за полгода перед этим только оставив службу на 71 году. Я родился на заводе, окончил городское низшее училище, после этого работал в мастерских почто-телеграфного округа и готовился к должности надсмотрщика телеграфа, на каковое звание и выдержал экзамен, одновременно, дабы поддержать себя и семью материально, пел в хоре.

Выдержав экзамен на надсмотрщика, я не пошел служить, а держал экзамен на вольноопределяющегося II разряда и в 1901 году поступил на службу в 16[-й] стрелковый полк, в следующем году поступил в юнкерское училище в Одессе, которое окончил в 1905 году и определен в 90[-й] пехотный Онежский полк в Ревеле. В 1909 году держал экзамен в академию Генерального штаба, которую окончил в 1912 году, до

²¹¹ Первая страница протокола с анкетными данными не публикуется.

²¹² Фраза впечатана типографским способом. Примечание документа: Показание снимается в первом листе.

1914 года командовал в полку ротой для ценза и в 1914 году одновременно с объявлением войны был назначен в штаб 8[-й] армии Брусилова штабс-капитаном и с переводом в Генеральный штаб того же года произведен в капитаны. Февральская революция застала меня в чине подполковника и в должности помощника начальника штаба Морской крепости императ[ора] Петра Великого в Ревеле. Вследствие ухода начальника штаба адмирала Любинского одновременно с революцией я был назначен начальником штаба крепости. С первого дня революции я был членом Ревельского совета рабочих и воинских депутатов и председателем военного комитета Ревельского совета р[абочих] д[епутатов].

1) На вопрос, как отнесся к февральскому перевороту, скажу: К февральскому перевороту отнесся я приветственно вследствие происхождения моего из рабочей среды. После личного знакомства с Керенским 10 апреля в Ревеле, когда он еще был министром юстиции, относился к нему отрицательно, как [к] неспособному управлять государством. Такие же взгляды были и на все Временное правительство. Октябрьская революция застала меня в той же должности в Ревеле. Переворот прошел спокойно, лично я не был сторонником власти советов, однако никаких шагов сопротивления не предпринимал.

Был сторонником Учредительного собрания. Отрицательное мое отношение к власти советов и диктатуре пролетариата основывалось на том, что из личного своего опыта работы в совете я пришел к убеждению, что совет в том составе, в каком он был, а другого состава по местным условиям быть не могло, не в состоянии справиться со сложной задачей управления краем и войсками. Эту же точку зрения я высказал в первом заседании советов после переворотов²¹³, указав, как на выход, на необходимость сохранения, а не разрушения аппаратов управления. 8 декабря 1917 года я был арестован ревкомом в подозрении преступления по службе в том, что я без оснований выдавал кожу для офицерских надобностей. Но на следующий день по просьбе команды штаба был выпущен на поруки команды. Будучи противником выборного начала, я отказался выставлять свою кандидатуру на какую бы ни было должность на предстоящих в это время выборах и вместо меня нач[альником] штаба 12 декабря был выбран нач[альник] штаба²¹⁴ подполковник Левенец²¹⁵. Я же 14 декабря был командирован

²¹³ Так в документе.

²¹⁴ Так в документе.

²¹⁵ Борис Владимирович Левенец (27.07.1877-?) — подполковник. Начальник штаба Морской крепости императора Петра Великого.

армейским комитетом на съезде по демобилизации в Петроград, откуда 1 января вернулся в Ревель. 15 января я был оправдан трибуналом и на другой день подал в отставку, т.к. в это время мои сверстники увольнялись со службы по демобилизации. Уволенный с февраля со службы, я остался жить в Ревеле, где меня и застала немецкая оккупация. 2 июля [19]18 года я был арестован немецкими властями и без объяснения причин 4 июля выслан через Нарву в Россию. Приехав в Москву, я явился во Всероссийский главный штаб, заявил о своем желании вновь поступить на службу и был командирован в Гидрографическую экспедицию Ледовитого океана, в составе которой 27 июля выехал из Петрограда в Архангельск. Объясняю свое желание служить в Советской России тем, что в это время уже намечалось улучшение в вопросах управления в армиях, а главным образом, отвергнуто выборное начало, все же я предпочел службу в чисто научном учреждении, а не в строевой части армии. Во время моего нахождения Архангельск был оккупирован союзниками, и вся экспедиция в полном составе осталась в Архангельске. В конце сентября я получил предписания от командующего войсками белой армии явиться на службу в армию, несмотря на отказ со стороны экспедиции меня откомандировать, предписание было повторено с угрозой расформировать экспедицию. С октября 1918 года и по январь 1919 года я занимал должность начальника канцелярии управления командующего войсками Северной области.

2) Как лично я, так и местное офицерство, не будучи сторонником борьбы собственными силами с советской властью, видели однако во вмешательстве союзников путь к установлению другой, более приемлемой для нас власти, а кроме того, надеялись при восстановлении Восточного фронта вновь принять участие в борьбе с Германией и тем самым ликвидировать позор Брестского мира, к которому я относился совершенно отрицательно. В работах контрразведки никакого участия не принимал. В отношении делал ли я какие воззвания или приказы. Да, объявлен приказ во время признания Северным правительством²¹⁶ Всероссийского омского правительства²¹⁷ в первых числах мая [1919 г.], в котором призывал напяречь усилия в борьбе с советской властью. В отношении того, подписывал ли я смертные приговоры. Да, подписывал 2 приговора, один по чисто уголовному делу 2-х Цветкова и Талалаева гр[ажд]анских лиц, обви-

²¹⁶ Временное правительство Северной области — антибольшевистское правительство, верховный орган власти в Северной области в период с октября 1918 г. по февраль 1920 г.

²¹⁷ Речь идет о правительстве, существовавшем в 1918–1920 гг. при режиме Верховного правителя адмирала А.В. Колчака.

няемых в грабежах и 5 человек солдат во главе с подпрапорщиком Новиковым за пьянства и неисполнения в нетрезвом виде приказаний командира полка, который вслед за этим был мной также отрешен от должности за неумелое обращение с солдатами, выразившее[ся] в том, что он вступил в разговор и отдавал приказания пьяным. До дня эвакуации правительства Северной области и белого командования я был начальником оперативного отделения штаба главнокомандующего. Перед эвакуацией вследствие своего знакомства с наиболее популярными в рабочей среде бывшими членами исполнительного совета профсоюза и отсутствия каких бы то ни было других рабочих организаций, я, решив остаться в Советской России и не уезжать с другими за границу, предупредил представителей рабочих о предстоящей эвакуации и принял участие в совещании по организации временной власти в Архангельске до прихода советского командования и установления нормального советского управления и по назначению Временного исполнительного комитета с 19 февраля исполнял обязанности начальника охраны г. Архангельска и начальника гарнизона, в каковой должности был утвержден Реввоенсоветом 6-й армии до прихода в Архангельск начальника 18[-й] дивизии²¹⁸, которому и сдал должность. До ареста больше ничем не занимался, помогая иногда находившему[ся] в Архангельске старшему из войсковых начальников члену Реввоенсовета Кузьмину разбираться в незнакомой ему обстановке.

После ареста был отправлен в Москву [в] О[собый] о[тдел] ВЧК. Я не отрицаю того, что я долгое время был сознательным врагом советской власти, основы[ва]я свои убеждения, главным образом, на том, что эта власть не встречает сочувствия в среде рабочих и крестьян. Это несоответствие я видел как в Эстонии, так [и] в Архангельской губернии. Успешное и быстрое продвижение Колчака и Деникина было, по моему мнению, результатом сочувственного отношения к ним населения. Такой же быстрый их развал дал мне понять, что народ при сравнении двух властей становится на сторону красных.

Еще более показательным для меня примером было то обстоятельство, что дошедший на 10 верст от Петрограда Юденич²¹⁹ не вызвал восстания в Петрограде, а, следовательно, все разговоры и недовольства властью рабочих, солдат и матросов оказались ложными. Таким обра-

²¹⁸ Вр.и.д. начальника 18-й стрелковой дивизии в феврале 1920 г. являлся Михаил Сергеевич Филипповский (10.02.1896–08.01.1956).

²¹⁹ Николай Николаевич Юденич (18.07.1862–05.10.1933) — генерал от инфантерии. Главнокомандующий российскими вооруженными сухопутными и морскими силами в Прибалтийском районе. Вождь Белого движения на Северо-Западе России.

зом, с конца [19]19 года я пришел к убеждению, что советская власть поддерживается народом и всем российским гражданам надлежит работать в Советской России, а не бежать за границу. Согласно с этим моим убеждением я и остался в России при эвакуации.

Правильность показаний подтверждаю

Л. Костанди

ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 2 об.–4а. Подлинник. Чернила.

№ 16

А. Черниговский²²⁰. Поднятая завеса. Как погиб Л.В. Костанди²²¹

Даже бездонное море и крошечный ад рано или поздно отдают свои жертвы.

Как-то само собою выходит так, что с течением времени приподымается покров, скрывающий от глаз самые недоступные и, казалось бы, навсегда неразрешимые тайны.

Знаменитый английский писатель и фантаст Герберт Уэльс²²² мечтал о так называемой «машине времени».

Это было бы какое-то особое приспособление, при помощи которого мы, люди кратковечной и преходящей данной исторической полосы, получили бы волшебную власть поворачивать обратно ту роковую фильму, на которой с кинематографической быстротой несутся мимо нас в потоке все стирающего времени люди, годы, факты и события...

Нет пока этой волшебной машины.

Мертвые молчат.

Но иногда — в условиях недавно пережитого революционного кошмара — из туманного и кровавого далека, окутывающего все еще жизнь

²²⁰ Псевдоним Александра Васильевича Чернявского-Дубинского (02.02.1884–?) — сотрудника ревельской газеты «Последние известия».

²²¹ В архивном деле из фонда парижского Общества северян по собиранию и изданию материалов о Гражданской войне на Севере Европейской части России в 1918–1920 гг. помещена вырезка с публикуемой статьей из ревельской газеты «Последние известия», которую предваряет следующее письмо генералу Е.К. Миллеру от 18 июля 1923 г.: «Ваше превосходительство, дорогой Евгений Карлович. Прилагаю Вам при сем статью о Костанди, присланную мне из Ревеля Н.И. Каменеуцким. Полагаю, что она Вам будет интересна. Искренно Вас любящий М. Гамильтон» (ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 112. Л. 1). Автором письма был адъютант генерала Е.К. Миллера лейтенант граф Михаил Владимирович Гамильтон (25.09.1890–15.03.1975).

²²² Герберт Джордж Уэллс (21.09.1866–13.08.1946) — английский писатель и публицист.

подлинной России там, за рубежом, от времени до времени обрисовываются четкие и подлинные контуры лиц и событий еще недоконченной жуткой истории этих звериных и страшных четырех лет.

Вчера по делу об обстоятельствах, сопровождавших гибель бывшего начальника штаба Морской крепости императора Петра Великого, подло оклеветанного большевиками полковника Леонида Васильевича Костанди, я получил из Гунгербурга²²³ письмо, снимающее последнюю темную тень недосказанного и невыясненного...

Ниже помещенные строки принадлежат перу известного в Эстонии офицера, бывшего командира батареи ревельской крепостной артиллерии и ныне лейтенанта эстонской службы А.А. Мусича²²⁴.

***

Вот что пишет мне из Гунгербурга А.А. Мусич:

«Черные дни Северной области начались, собственно, в конце января 1920 года.

25 числа генерал Миллер начал переговоры с местными общественными кругами о создании фактически в то время не существовавшего правительства Северной области.

3 февраля собралось архангельское областное собрание.

Через несколько дней, в ночь с 7 на 8 февраля в одном из лучших для того времени полков области — в третьем — произошло вооруженное восстание²²⁵.

Солдаты арестовали и частью перебили офицеров.

Красные перешли в наступление, и бунт закончился в результате прорывом фронта.

Генералом Миллером был разработан технически совершенный, но практически трудно осуществимый план эвакуации области, основанный всецело на постепенном отходе частей армии к Мурманску.

14 февраля положение области стало грозным.

А уже 17-го был принципиально решен вопрос об эвакуации, которая должна была начаться в 3 часа дня 19 февраля.

²²³ Город Нарва-Йыэсуу в Эстонии.

²²⁴ Александр Адамович Мусич — лейтенант эстонской армии.

²²⁵ Речь идет о восстании в 3-м Северном стрелковом полку в Железнодорожном районе в ночь на 8 февраля 1920 г. В ходе восстания были убиты несколько офицеров. В результате начался отход частей фронта от станции Плесецкая.

До этого срока всем было приказано оставаться на своих местах.

При подготовке эвакуации возник вопрос о судьбе огромного имущества армии, для вывоза которого не было ни времени, ни средств, а также — вопрос о том, кому передать власть после ухода белых».

***

Такой переходной властью по плану генерала Миллера должен был явиться совет профессиональных союзов.

На соединенном заседании правительства и союза делегация, избранная от имени последнего, согласилась принять на себя власть, поставив, однако, командованию и правительству ряд условий.

Между прочим, в числе условий профессиональными союзами было выставлено требование, чтобы в качестве командующего в Архангельске остался полковник Л.В. Костанди.

— Надо сказать, — пишет несколькими строками раньше лейтенант Мусич, — что активно бороться с большевиками на мурманском фронте покойному пришлось до этого очень мало.

План наступления белых, разработанный Л.В. Костанди, был с успехом проведен в жизнь.

После этого его отозвали в Архангельск, и ему, несмотря на просьбы о возвращении на фронт, поручена была только чисто канцелярская работа в тылу.

— Почему? — ставит вопрос А.А. Мусич.

— Дело в том, что покойного Л.В. Костанди почему-то считали «красненьким».

Подобного рода репутации довольно легко создавались в тылу северной армии.

Иногда под них в спешке попадали и уже совершенно не причастные ни к какой «левизне» лица, как, например, полковник князь Мурузи — кадровый офицер и убежденный монархист.

***

Так пишет А.А. Мусич. Увы, добавим от себя: бывало.

Всякое бывало в этом отношении.

И далеко не в одном Архангельске.
 Но бывало, правду сказать, и обратное.
 Как бы то ни было, но полковник Л.В. Костанди, извещенный по телефону командованием области, согласился.

***

Почему?

— Мне думается, — меланхолически замечает по этому поводу А.А. Мусич, — что наиболее вероятным ответом будет указание на разочарование в Гражданской войне: в поводах для этого, увы, не было недостатка.

Я позволю себе не согласиться с мнением А.А. Мусича.

Покойный Л.В. Костанди был офицер и деятель редких, почти исключительных дарований.

Но у него тоже был несомненный и своеобразный демагогический уклон, которым грешили в то время многие представители командования русской армии.

А эти его черты, очевидно, и привели его к общению с профессиональными союзами — сообществом, по меньшей мере, социалистического типа, за двусмысленную и соглашательскую политику которого в отношении большевиков покойный и расплатился своей гордой и умной головой.

***

...19 февраля 1920 года, около 10 часов утра генерал Миллер со штабом, ранеными и иностранными и некоторыми русскими частями эвакуировался.

А в ответ на просьбу совета профессиональных союзов, сбросившего теперь свою маску, поскорее прийти в оставленный белыми город, комиссар Красной армии Кузьмин потребовал полковника Костанди и делегатов союза к себе на станцию Обозерскую в качестве заложников, гарантирующих искренность этого призыва.

Убедившись из разговора с Костанди и делегатами, что фронт ликвидирован, командующий красными ускорил продвижение, и на третий день над павшим Архангельском взвился красный флаг.

Конечно, начался учет оставленного армией имущества и складов боевых припасов и снаряжений.

– Как Вы видите, заканчивает А.А. Мусич, — по самому ходу вещей, покойный Л.В. Костанди, необдуманно согласившийся принять на себя какую-то странную «роль представителя», отнюдь не был и не мог быть тем перелетом²²⁶ и изменническим сдатчиком, каким обрисовало его лживое большевистское радио.

***

Остается досказать немного.

Первый, сравнительно «гуманный» период властвования большевиков быстро закончился.

Комиссара Кузьмина убрали за «излишнюю мягкость», несмотря на то, что и при нем работал уже уполномоченный Особого отдела ВЧК.

Приехал палач Эйдук, началась работа заплечных дел мастеров.

Л.В. Костанди был арестован по обвинению в расстреле на мурманском фронте 9 коммунистов.

В конце марта Эйдук, получивший «высокое назначение» во внешнеторге²²⁷, увез в Москву 340 наиболее видных контрреволюционеров и в том числе и Л.В. Костанди.

Там, в подвалах московской чека и оборвалась эта жизнь, обещавшая дать так много, много...

***

Зачем пишет мне А.А. Мусич?

Заключение его письма очень характерно:

– Многоуважаемый А.В., вижу, как я был неправ, нападая на Вас за некролог покойному.

Эту сводку фактов привожу по воспоминаниям члена последнего правительства спасения Северной области, напечатанным в IX томе «Архива русской революции»²²⁸, где Вы можете всегда меня проверить.

²²⁶ Перелет — в устаревшем значении перебежчик.

²²⁷ А.В. Эйдук в 1920–1921 гг. являлся начальником отдела местных заграничных агентур Наркомата внешней торговли.

²²⁸ Речь идет о воспоминаниях: Соколов Б.Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 5–90.

***

Машины времени у нас нет.

Но есть зато, к счастью, чуткая совесть искренних и честных русских людей, побуждающая их исправлять свои ошибки, чтобы «на душе как-то стало спокойнее».

Я искренно и горячо благодарен А.А. Мусичу, без которого когда бы еще дошел до нас при нашем эмигрантском бескнижье том IX «Архива русской революции».

***

Теперь, значит, все разъяснено и выяснено.

Покров тайны окончательно приподнят, и тени рассеялись.

Слово за местным русским обществом, среди которого здесь, в Ревеле, остались у Л.В. Костанди в крайней нужде жена и подросток-сын, воспитанник русской гимназии.

А те, у кого на руках хранятся ценности покойного, временно переданные им в минуту излишней доверчивости и спешки при выезде Л.В. Костанди из пределов Эстляндии, оккупированной германцами, те должны знать:

– Если сознание обязанности вернуть незаконно присвоенное Вам еще не ясно, то есть еще в Ревеле независимый и справедливый суд, который Вас к этому принудит...

Берегитесь, если все мы здесь в один черный момент огласим Ваши имена и крикнем Вам:

– Идем на Вы!²²⁹

Александр Черниговский

Черниговский А. Поднятая завеса. Как погиб Л.В. Костанди // Последние известия (Ревель). 1923. № 164 (930). 11.07. С. 2; ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 112. Л. 2.

Материал представляет первую публикацию документов следственного дела пленного белого офицера полковника Л.В. Костанди — видного участника Белого движения на Севере России.

²²⁹ «Иду на вы!» — легендарная фраза киевского князя Святослава Игоревича перед началом войны. Устойчивое выражение, обозначающее поход на врага или объявление войны.

REFERENCES

1. *Eremina L.A.* Stranicy zhizni sem'i K.K. Kostandi [Pages of life of the K.K. Kostandi family] // *Visnik Odes'kogo hudozhn'ogo muzeyu (Odessa)*. 2015. № 2. P. 65–78.
2. *Kostandi O.G.* Avtor i ego vremya [The author and his time] // *Vyshgorod. Literaturno-hudozhestvennyj obshchestvenno-publicisticheskij zhurnal (Tallin)*. 2006. № 4. P. 20–38.
3. *Kostandi O.G.* Kostandi — brat Kostandi [Kostandi — Kostandi's brother] // *Deribasovskaya — Rishel'evskaya (Odessa)*. 2007. № 28. P. 253–269.
4. *Kruchinin A.S.* «Ya preprovozhdayu vam znaki ordena» [«I transmit to you the signs of the Order»] // *Voennaya byl' (Moskva)*. 1995. № 7 (136). P. 44–49.
5. *Kuznecov N.A.* «Vernul Rossii pravo na pochetnoe mesto v ryadu stran — issledovatel'nic arkticheskikh morej». K biografii B.A. Vil'kickogo [«Returned to Russia the right to an honorable place among the countries exploring the Arctic seas». To the biography of B.A. Vil'kitsky] // *B.A. Vil'kickij i Gidrograficheskaya ekspediciya Severnogo Ledovitogo okeana v 1914–1915 gg.: sb. dok. M.: Kuchkovo pole Muzeon, 2022. P. 40–80.*
6. *Ovsyankin E.I.* Na izlome istorii. Sobytiya na Severe v 1917–1920 gg. Mify i real'nost' [At the breaking point of history. Events in the North in 1917–1920. Myths and reality]. Arhangel'sk: Arhkonsalt, 2007. 560 p.
7. *Tuchkov A.I.* «Odin za vsekh...» Zhiznennyj put' polkovnika Kostandi [«One for all...» The life path of Colonel Kostandi] // *Ploshchad' pervouchitelej (Murmansk)*. 2005. № 5. P. 180–191.

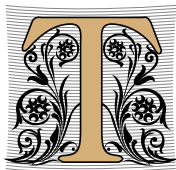
Ключевые слова:

Гражданская война в России, Европейский Север России, ВЧК, пленные белые офицеры, красный террор, А.В. Костанди.

Andrey V. Ganin

«THERE IS NO PLACE FOR ME ABROAD»

Investigatory Records on Colonel L.V. Kostandi (1920–1921)

he material represents the first publication of the documents of the investigative case of the captured white officer Colonel L.V. Kostandi – a prominent participant in the White Movement in the North of Russia.

Key words: The Civil War in Russia, the European North of Russia, the Cheka, captured white officers, red terror, L.V. Kostandi.

Andrey V. Ganin – Dr.Hab. in History, leading research fellow Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow).

 Ганин Андрей Владиславович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в формате Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.docx»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернерами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс – ПА772.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Следующий номер «Исторического вестника»
посвящен плеяде палатинов Российской империи
XVIII – начала XX в., открывавших Восток
для России и Россию – для Востока.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке